

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

18+

Любовь
В ДВУХ МИРАХ

Надежда Игоревна Соколова

Любовь в двух мирах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995707

SelfPub; 2022

Аннотация

Отредактированная трилогия «Две души».

Вам надоела ваша повседневная жизнь? Вам хочется попасть в сказку? Вы уверены, что эта сказка обязательно будет веселой и доброй, да еще и со счастливым концом? Ну-ну... Две женщины, проживающие в совершенно разных мирах (одна – Ирина – в современном российском мегаполисе, другая – Ирма – в магическом мире, по уровню жизни, напоминающему 17-19 века стран Западной Европы), получают возможность во время сна бывать в мирах друг друга и влюбляются в мужчин не своего мира. Осталось сделать выбор: в каком мире остаться. Но так ли легко это?

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	288

Надежда Соколова

Любовь в двух мирах

Часть I

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.
По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...
Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.
Максимилиан Волошин

Глава 1

Мне ничего не нужно, но меня ничем не удовлетворишь. Жан Ростан

Ирина:

День рождения... Терпеть не могу свой день рождения... Жуткий и горький праздник. Каждый раз я старалась в этот день никому не попадаться на глаза: уходила с работы, отключала телефоны, залезала под теплый плед и пыталась читать то, что было в тот момент под рукой. Да, именно пыталась. Но на душу давила, словно каменной плитой, видимо, могильной, горечь. И безысходность. Эти две близкие подруги были со мной всегда неразлучны. И портили мне все праздники. Еще один год прошел. Теперь я стала старше еще на год. Еще год приблизил меня к старости, дряхлости, маразму и смерти.

Да, я понимала, что это всего лишь затянувшаяся депрессия, что мне, по-хорошему, надо бы пойти пообщаться с образованным, высоко квалифицированным психологом, пока меня, против моей воли, закутанную в смирительную рубашку, не привезли в гости к психиатру, но... Это постоянное и многозначительное но...

Что я объясню на сеансе? Что у меня, умницы, красавицы, несмотря на мое высокое социальное положение и хорошую заработную плату, развилась вдруг черная меланхолия, постоянная депрессия? Так явно скажет: вот же дура молодая зажралась. А не скажет, так точно уж подумает. Любой так подумает на его (и любом другом) месте, да, наверное, и думает, и говорит так. За спиной, конечно. В лицо мне никто никогда подобного не скажет. Побоятся последствий. Трусы. Гадкие подхалимы и трусы. Ненавижу. Всех их ненавижу!

Так, Ира, успокойся, не психуй, это бессмысленно, начинай дышать медленнее и глубже. Двадцать девять лет – еще не повод впадать в панику и крушить всё подряд. Хорошо-хорошо, тридцать, хотя этот возраст наступит только завтра. И завтра все на фирме, от последней старушки-уборщицы до моего зама, будут с приклеенной искусственной улыбочкой желать мне всего наилучшего и поливать грязью за спиной. А я... Я снова прожила этот год одна.

Как там Славка говорил? «Эх, Ирка. Была бы ты попроще и поспокойней, цены бы тебе, моя дорогая, не было». Славка. Красавец, умница, спортсмен. Мое разбитое сердце, моя не заживающая рана. Моя первая и, думаю, единственная любовь. Мы прожили вместе с ним всего полгода, а душа болит до сих пор. Потом он честно сказал, что ему нужна не постоянно делающая карьеру волчица-одиночка, готовая в буквальном смысле порвать всех и вся за очередную должность, а тихая и скромная домохозяйка, нежная и ласковая молчаливая куколка, такая незаметная фиалка, которую можно изредка выводить в свет, с которой никогда не будешь чувствовать себя на вторых ролях и будешь гордиться тем, что ты – настоящий мачо. И ушел. Бесшумно закрыл входную дверь и просто растворился в бесконечном шуме этого сумасшедшего, никогда не спящего города. И я уже пять лет безуспешно пыталась его забыть, выкинуть из головы, найти ему замену. Недавно, плюнув на гордость, по-тихому, через свои каналы навела справки. Он так и не женился. Видно,

все еще ищет ту единственную, свою незаметную фиалку.

Я тоже до сих пор живу одна: без мужа, без семьи, без детей. Даже рыбок не завела, так как даже за ними нужен постоянный уход, а я, с моим диким образом жизни, дать им этого не в состоянии. Редкие встречи в элитных ресторанах с постоянно меняющимися мужчинами разного веса, разной внешности, разного возраста, но с примерно одинаковой заработной платой, только чтобы не проводить очередной, пустой и страшный, вечер в одиночку дома или в баре, работа, выгрызенная у судьбы зубами, должность, полученная разными, далеко не всегда честными, путями, долгожданный и заслуженный престиж, хорошие по нынешним меркам деньги на нескольких банковских картах в разных банках и шикарная многокомнатная квартира с евроремонтом, в которой постоянно хочется выть от бесконечного, въевшегося в кровь одиночества и душевной боли.

Эх... Многие мечтают о такой жизни, как у меня, сытой и внешне беспечной, когда не нужно выбирать, съездить ли раз в три года на отдых в деревню или заплатить за учебу старшему ребенку, а я... Я в свое свободное от дел время зачитывалась историческими романами и любовной фантастикой и страстно желала оказаться когда-нибудь в следующей жизни на месте какой-нибудь глупенькой графини или герцогини с любящим заботливым мужем и стайкой послушных детишек рядом, чтобы жить легко и безвольно, когда окружающие тебя люди постоянно вместо тебя решают не толь-

ко, какое платье из твоего многочисленного гардероба тебе надеть на вечер, но и кому мило улыбнуться при встрече, а мимо кого пройти и не заметить.

Так, все. Что-то я засиделась уже. Пора заканчивать копаться в душе, жалеть и мучить себя. Двенадцатый час все же. Завтра вставать в пять. Спаточки, Ирочка, спаточки.

Ирма:

– Ирма, дорогая, не забудь, пожалуйста: сегодня вечером мы идем в театр.

– Да, Ваше Сиятельство, как прикажете, – я, покорно опустив глаза к полу, сделала вежливый реверанс и с позволения мужа направилась к себе в сопровождении его слуги.

Доведя меня до моей комнаты, слуга почтительно открыл дверь, помог войти и удалился. Молчаливые горничные, встретив внутри свою госпожу, проворно сняли с меня пышное платье молочного цвета и утягивающий корсет, скрывавший мои пышные не по годам телеса, с показным почтением уложили в широкую мягкую кровать с несколькими перинами, и я наконец-то осталась одна.

Тошно. Как же мне тошно. Как надоела эта постоянная рабская покорность, это стремление угодить. Как я устала смотреть на мужа, как на единственного бога, и выполнять каждое его желание, малейшую прихоть, подобострастно выстилаться перед ним всю свою жизнь и прекрасно видеть, понимать, что для него я – всего лишь красивая, дорогая,

глупая кукла, живая игрушка, украшение его с таким трудом заработанного городского дома и высокого положения. Он никогда не остается на ночь. Придет пару раз в месяц, выполнит необходимый супружеский долг устало и равнодушно, будто очередную газету читает, и тут же уходит. И я даже знаю, к кому, знаю, что у него в одном только этом городе то ли три, то ли четыре любовницы намного моложе, жарче и красивей меня. С ними он, наверное, и ласков, и нежен, а я...

А что я. Кто я такая для него. Всего лишь выгодное денежное вложение, миленькая вещица, которой можно хвастаться перед многочисленными друзьями и знакомыми из высшего света. Все, что мне остается до конца моей никчемной, никому не нужной жизни, – это ходить на официальных мероприятиях рядом с ним, рука об руку, вежливо улыбаться, на людях не открывать рта и глупо хлопать накрашенными длинными ресницами. Он никогда не спрашивает о моих желаниях, интересах или проблемах. Вполне возможно, что он искренне считает, будто их у меня нет. Ему, сильнейшему магу нашей страны, а может, и всего этого мира, главе рода, высокородному влиятельному герцогу, ближайшему советнику и правой руке Императора, это просто не важно. И не интересно. Мать всю мою юность, а до этого – и детство, учила меня, вбивая в голову: «Мужа своего надо почитать непременно выше всех возможных богов, только на него каждый день и молиться, только о нем всегда и думать и мгновенно, не заставляя ждать, исполнять любые его же-

лания и прихоти». Я была послушной дочерью, и теперь, уже несколько лет живя отдельно от нее, каждый день вспоминаю преподанные мне уроки и изображаю из себя редкую говорящую зверушку.

Наверное, мне было бы намного проще, если бы я могла забеременеть и посвятить свою бесполезную жизнь воспитанию наших с герцогом детей, прилежно вкладывая в их головы основы поведения в приличном аристократическом обществе. Но годы идут, а этих детей всё нет. Конечно же, виновата я. А кто же еще? Нет, он никогда не говорит это вслух, он для этого чересчур благороден. Но подобная мысль читается в каждом его жесте, мимолетном или тщательно выверенном, когда он находится несколько минут в моей спальне. И мне каждый раз делается тоскливо и горько от осознания, что мой муж, могущественный, практически всесильный черный маг, не может иметь наследников из-за бесплодной жены. Из-за меня.

Через час я буквально силой заставила себя вынырнуть из омута своей тоски и позвонить в колокольчик, вызвав таким образом челядь. Вошли те же горничные, моя личная прислуга, молча взяли под руки и помогли мне подняться, молча накрасили, повесили на меня корсет и бледно-желтое пышное платье, в волосы вплели искусственные цветы, шею украсили массивным аметистовым колье, пальца – фамильными перстнями мужа, показывающими его благосостояние и мою принадлежность его роду, и только потом со всевоз-

можными почестями сопроводили к супругу, в нетерпении вышагивавшему по гостиной.

– Дорогая, ну наконец-то! Мы уже опаздываем! – И, не дав мне и рта раскрыть, муж подцепил мою руку, рванул меня на себя и буквально поволок по коридору к выходу, практически не заботясь о том, чтобы я успевала передвигать ноги. С таким же успехом он мог бы волочить мое бездыханное тело по полу. Впрочем, я уже знала его манеру обращения с собственной женой, поэтому проблем при передвижении не возникло, хотя к концу пути я уже начала задыхаться от чересчур быстрого для меня темпа ходьбы.

Большая удобная самодвижущаяся карета, новейшее изобретение и гордость моего мужа, в которой, в отличие от экипажей для среднего класса, даже не укачивает, вне независимости от того, по какой дороге вы едете, уже стояла у ступеней. Обстановка в ней радовала глаз любого, даже самого утонченного аристократа: столик из редких пород дерева с разными алкогольными напитками в хрустальных графинах, высокими бокалами и дорогими сладостями, выложенными на золотые блюда посередине, два ряда удобных высоких кресел, оббитых темно-синей парчой, в каждом по четыре сиденья, по бокам. Супруг усадил меня в одно из таких кресел возле столика, сам сел напротив, небрежно щелкнул пальцами, и карета, подчиняясь магическому приказу, плавно покатилась вперед.

Муж потянулся к одному из графинов, уверенным движе-

нием налил себе полный бокал прохладного шипучего напитка янтарного цвета, отправил в рот парочку засахаренных миндальных орешков и равнодушно отвернулся к окну, наблюдая за проплывающим мимо так хорошо знакомым городским пейзажем. Мне он по своему обыкновению ничего не предложил: сладкое было мне нельзя из-за и так постоянно расплывавшейся фигуры, а от вина, что плескалось сейчас в его бокале, мне, из-за особенностей моего организма, быстро стало бы плохо.

Сегодня в театре давали «Фейри и Эльфа», великолепную оперу гениального Ориенлара, музыканта с эльфийскими корнями, жившего в позапрошлом веке, в современной постановке маэстро Лонерини, тоже, как поговаривали великосветские сплетники, принадлежавшего к одному из эльфийских семейств. Несчастливая взаимная любовь двух совершенно разных существ, которые не могли быть вместе ни при каких обстоятельствах, показывалась на прекрасном фоне живописных лесных и речных картин. Причем маэстро, в отличие от многих его предшественников, ставивших раньше это произведение, использовал в своей работе магические иллюзии, что позволяло зрителям не просто оставаться обычными наблюдателями, а самим становиться активными участниками разворачивавшихся на их глазах жестоких событий.

Вечер, как обычно, не удался. Впрочем, что и следовало ожидать. Супруг, как и положено главе богатого и влиятель-

ного рода, чинно сидел в ложе во время оперы, в антракте, взяв меня галантно под руку, медленно прогуливался в фойе, периодически раскланивался со знакомыми аристократами и откровенно скучал. Изредка я замечала те жадные взгляды, которые он тайно бросал на звонко смеявшихся неподалеку от занавеса нескольких дам полусвета, и с тоской понимала, что ему, несомненно, хочется быть там, возле них, а не рядом с опостылевшей безмозглой куклой-женой.

В молчании вернулись домой. Холодность между нами была уже привычной и не давила на меня с такой силой, как в первые годы нашего брака. Муж сдал меня на руки горничным и ушел, как обычно, непонятно куда. Наверное, к одной из своих многочисленных любовниц. На глаза навернулись слезы от горечи и незаслуженной обиды. Захотелось разрыдаться. Но я не могла себе и этого позволить. Я ведь герцогиня. Никто не должен видеть меня в слезах. О, боги! Как же все надоело! Как хочется умереть!

Ирина:

Бр-р-р... Приснится же такое. Вот же муть. Тут даже моя постоянная депрессия испуганно заткнется и покрутит пальцем у виска. До такого мы с ней еще не дошли. А мужчина, кстати, ничего так, симпатичный. Хотя по повадкам типичный нахальный самец, влюбленный в себя законченный безмозглый эгоист. Терпеть не могу подобных типов. Ладно, пора наконец вставать. Работа зовет, чтоб ее.

Накинув на себя легкий шелковый халатик, едва прикрывающий колени, ворча сквозь зубы, недовольно вылезла из уютной, так и манящей еще поспать постели и обула мягкие, с помпонами в виде зайцев домашние тапки (вот оно – преимущество жизни одной, можно хоть в медведя вырядиться, никто и не заикнется о твоём психическом здоровье). Теперь топаем в ванную. Хорошо, что она всего в паре комнат от спальни. Умывшись и накрасившись, на этот раз, ради разнообразия, ну и чтобы поднять себе настроение, используя косметику ярких, практически ядовитых цветов, я отправилась в свою по последнему слову модернизированную кухню, в которой никогда не готовила ничего сложнее тостов и фруктового салата, выпила кофе с заранее купленными тремя заварными пирожными, плюнув на свою тщательно лелеемую и годами создаваемую идеальную фигуру, отточенную в дорогих спортзалах и фитнес-центрах. Какая, блин, теперь может быть разница, если я уже почти что старуха??? Тридцать лет!!! Так, Ира. Вот тебе болт. Забей. Не о том думаешь, совсем не о том. Всё? Стало легче? Поела? Подняла глюкозу в крови? Отлично. Сейчас сработает гормон счастья. Пусть и на несколько минут, но тебе станет хорошо. Уже стало? Значит, одевайся.

Вышла из кухни, шаркающей походкой восьмидесятилетней бабушки-божьего одуванчика медленно прошла через столовую и библиотеку. А вот и гардероб.

Целая комната выделена под хранение одежды и обуви –

все известных модельеров или же сшиты на заказ у престижных частных портных (есть у меня такая слабость иногда – радовать себя эксклюзивной, хорошо сшитой одеждой). Зашла, постояла, критически оглядело свое богатство, немного подумала, потом решительно сняла с плечиков элегантный женский костюм (черные брюки и пиджак, белая блуза), на ноги – темно-синие модельные туфельки на высоком каблуке из чьей-то новомодной последней коллекции. Надо бы сегодня с утра к секретарше заглянуть, она сразу скажет, кто дизайнер. Да запомнить и больше никогда не покупать: жуть как неудобны в носке.

Теперь в лифт и вниз, на подземную стоянку, к машине. И уже через несколько минут шикарный, полностью тонированный, черный ламборджини (да, я люблю этот цвет!) нёс меня по гудящему, как разоренный улей, огромному, никогда не засыпающему городу. А вот и моя родная фирма с ненаглядными сотруди́нчками, чтоб им всем чихалось почаще. Ну что, улыбаемся и машем?

– Доброе утро, Ирина Николаевна! С прошедшим Днем Рождения! – Артем, парковщик машин. Высокий, хорошо сложенный, хоть и не в меру накачанный – он что, живет в качалках? – довольно миленький шатен с большими синими глазами из какой-то там Дальнезабугорной Хацапетовки, отличается непомерно высокими амбициями, глупыми желаниями и умом амебы. Приехал покорять пару лет назад город-миллионник. Пареньку всего лишь двадцать, а он уже

возомнил себя крутым голливудским мачо и супербогом в одном флаконе: постоянно строит мне глазки, машет длинными черными, как у девицы, ресницами и играет рельефными мускулами, наивно надеясь стать альфонсом и приживалом. Уволить его, что ли, чтобы не зарывался?

– Ирина Николаевна, вы великолепно сегодня выглядите! С прошедшим Днем Рождения! – Катенька, младший менеджер. Вечно сюсюкающая и заискивающая с начальством и коллегами расчетливая миловидная стервочка двадцати двух лет от роду, среднего роста, из-за чего комплексует и постоянно носит высоченные каблук и шпильку, худая, как жертва Гестапо, с длинными ногами, растущими чуть ли не изо лба, такими же длинными загнутыми ресницами, явно наращенными – и не жалко же ей себя – и мелированными белыми, будто седыми, волосами. Короткая серая юбочка, из-под которой, при каждом нагибании девушки видны бикини, и яркий оранжевый топ с глубоким вырезом. Вечный тестостерон своего отдела. И зачем, спрашивается, вообще одевалась? Лучше бы сразу голая на работу пришла. Хоть на одежде сэкономила бы. Молодая еще, зараза! Мечтает поскорей пробиться наверх, как минимум в мои замы, а там и меня подсидеть. Ну-ну.

– Доброе утро! Ирина Николаевна, ваш костюм от Юдашкина просто великолепен! С днем рождения! – Максик, милый смешной мальчик, симпатичный, невысокого роста, с волосами, черными, как моя затянувшаяся депрессия, чуть

полноватый, но молодость пока скрадывает этот его недостаток, всего лишь восемнадцать лет от роду, чей-то протеже, а может, даже скорее всего, и любовник; стремится уже через год-полтора усесться в кресло начальника IT-отдела, благо, платят там в разы лучше, чем на его нынешней должности, а пока лишь этакий постоянный подай-принеси у всей фирмы. В голове пусто, будто в полном вакууме, зато в глазах навечно застыл современный кассовый аппарат. Дурачок. Это не Юдашкин. Это Ив Сен Лоран. Впрочем, тебе-то откуда знать.

– О! Ирина Николаевна, какие туфли! Это же последняя коллекция Москино! Шикарно смотрятся! С прошедшим вас! – Так. А вот это ценная информация. Спасибо, Аннушка. Недаром я тебя держу в секретарях. Значит, этого самого Москино больше не покупать.

О небо! Как же устали щеки от этой надоевшей улыбки! Когда же этот сумасшедший день закончится??? Подарки и презенты от подчиненных собраны приличной высокой горкой в дальнем углу кабинета. Надо бы на яд проверить. Вдруг кто постарался, решил пойти по стопам Медичи. Да, знаю, шутка глупая. Но вот не верю я в их искреннюю любовь ко мне, тем более выраженную лишь раз в году.

Что, ресторан? Какой еще ресторан??? Самый модный в этом городе, хоть и недавно открывшийся? Откуда он вообще появился в моем расписании? Ах, подарок от постоянных партнеров... Ну да, ну да. Партнерам, конечно, сегодня

отказать никак нельзя. И где там мой ламборджини?

Вечер запомнился мне плохо: кто-то говорил долгие и нудные тосты в мою честь, кто-то тщетно пытался, пока я сижу рядом во хмелю, выдавить из меня согласие на какие-то непонятные и не выгодные фирме контракты, даже бумаги на подпись подсовывал, там же, за празднично накрытым столом. Угу, разбежалась, аж три раза. Я это еще в свои двадцать, даже в дупель пьяная, научилась пресекать. Ела я мало, как-то совсем не хотелось. Больше пила, причем старалась не мешать напитки – завтрашний рабочий день еще никто не отменял.

Домой я добралась только поздно ночью, не чувствуя ни рук, ни ног, ни остального своего многострадального тела. Закончив наконец гулять вместе с партнерами, кое-как погрузилась в собственное авто и потом мчалась, утопив педаль скорости в пол, по пустому ночному городу, просто молясь, чтобы остановили гайцы: так хотелось поругаться, выпустить наконец пар. Не повезло. Даже в этом не повезло. До дома я, к своему невероятному удивлению, доехала без приключений. Видно, не время помирать, не берут меня там, на небесах, в свою вечную юдоль грусти, значит, надо как-то смириться с фактом своего тридцатилетия и постараться жить дальше... Вот только зачем...

Раздевшись и приняв наскоро душ, завалилась спать.

Ирма:

Этой ночью мне снился необычный красочный сон, оставивший после себя ощущение реальности всего происходившего в нем: яркие, часто мигающие огни огромного иностранного города, громко жужжащего, будто раздраженный пчелиный улей, жуткие, быстро мчавшиеся многочисленные чудовища на улицах, куда-то постоянно спешившие измученные люди и сумасшедшая, еще молодая, властная женщина с отвратительным настроением и тоской в душе, одетая довольно необычно, прямо как мужчина. Я почему-то была в её теле и внимательно наблюдала за её жизнью её же глазами. Она запросто общалась с мужчинами любого возраста и социального положения и командовала ими, словно они были ее личными рабами. И что самое необычное: они, свободные люди (ошейников на них я, сколько ни приглядывалась, не увидела), без возражений ей подчинялись и выполняли разнообразные её приказы.

Утро... Терпеть не могу утро... Оно приносит мне боль и разочарование... И в этот раз, как обычно, мои личные горничные в строго определенное время без малейшего стеснения зашли в мою комнату, аккуратно разбудили меня, сразу же, еще сонную, посадили в огромную ванную, наполненную горячей водой, практически кипятком, почти час тщательно мыли и скребли мое тело и умащивали мою кожу ароматическими маслами, затем пришел личный раб и массажист супруга и долго разминал мои непослушные мышцы, а я старалась не завывать от непереносимой боли под его сильными

опытными руками.

Потом те же горничные облекли меня в очередное шикарное розовое платье в форме трапеции с длинными рюшами и воланами повсюду, предварительно зашнуровав в узкий, полностью мешающий дышать и двигаться корсет, профессионально накрасили, уложили мои длинные густые темно-русые волосы в мудреную высокую прическу, модную в этом сезоне среди высокородных дам, намертво закрепив их несколькими заколками-невидимками, и я сама себе стала напоминать молочного поросенка, долго томившегося на небольшом огне в духовке, а потом с особым тщанием выложенного на блюдо и залитого сладким яблочным соусом, с узкими дольками экзотических фруктов по бокам.

Наконец мучительный, но необходимый каждодневный ритуал был завершен, и мне позволили спуститься к завтраку вниз, в обеденный зал, где уже ждал меня мой супруг для ритуальной совместной трапезы.

– Как ты спала, душа моя?

Дежурный вопрос, как тот же утренний ритуал, заданный с постоянной ленью и грацией сытого породистого кота. Полное безразличие в голосе. Ему даже это не интересно. И мой дежурный, вполне предсказуемый ответ, это такое клише:

– Благодарю вас, ваше сиятельство, я спала глубоким спокойным сном.

Почему-то рассказывать мужу о том, что мне снилось этой ночью, мне совершенно не хотелось. Незачем. Еще заинтере-

суется и пожелает залезть мне в голову, конечно же, не спрашивая моего согласия. Мало ли что он может там прочитать и увидеть.

Ели, как обычно, молча (в этом доме большинство действий производилось молча): я – легкий фруктовый салат в неглубокой позолоченной тарелке, которым и первый голод утолить было сложно, не то что наестся, он – жареную отбивную с кровью и острой приправой (запах доносился даже до меня, сидевшей на другом конце длинного обеденного стола), выложенную на широкое блюдо и украшенную по традиции свежими сезонными овощами.

Завтрак подошел к концу. Пришедшие горничные отвели меня в малую гостиную, куда буквально сразу же впорхнули мои безмозглые фрейлины и активно начали обсуждать последние сплетни при дворе Императора. От их трескотни у меня уже через минуту сильно разболелась голова, но приходилось сидеть с приклеенной улыбкой и терпеть всю эту великосветскую чушь, ибо таково было желание моего мужа – каждодневное длительное общение с дамами, равными мне по образованию и социальному положению, чтобы я, его супруга, ни в коем случае не скучала в одиночестве. И опять он не соизволил поинтересоваться моими желаниями.

Вот и конец моим мучениям. Теперь можно с помощью слуг подняться наверх, позволить подошедшим горничным меня раздеть и рухнуть без сил в постель. Теперь до обеда меня никто не будет беспокоить...

Ирина:

Тихо шифером шурша... Нет, явно пора к психологу. Или как он там называется? Психотерапевт? Психиатр? Нет, последнее, по-моему, уже не из той оперы. Как бы то ни было, то, что мне уже вторую ночь снится эта непонятная чушь с продолжением про закомплексованную бабу-амебу и её подробные душевные переживания, как-то совсем ненормально. Вот же... Святая мученица. Ну вот что ей стоило хоть раз в жизни взятии и проявить характер, например, выгнать этих болтавший дур, фрейлин, из комнаты? Или неожиданно наорать на мужа, сбив с него таким образом всю спесь и вернув ему нормальный человеческий облик? Тпру, Ира, тебя явно занесло не в ту степь. Сегодня наконец-то долгожданный выходной, а ты все еще лежишь в постели и сама с собой обсуждаешь действия этой великовозрастной идиотки.

В моей жизни лишь две сильных страсти: лошади и мотоциклы. И каждую неделю я стараюсь их чередовать. Сегодня, например, я еду в свой любимый байкерский клуб. Его постоянные участники знают меня уже лет пятнадцать, не меньше. И для них я просто Ирка, девчонка, не побоявшаяся усесться на мотоцикл одного из них в дальней юности просто потому, что ей понравился тот «мощный железный зверь». Они при разговоре со мной не оценивают мой внешний вид и не пытаются произвести на меня впечатление, чтобы получить желаемое, не манипулируют мной и не вызывают у

меня чувства жалости и вины. Им все равно, сколько денег у меня на банковском счете. Они не выбирают слова, когда я рядом, и способны даже послать мое ненаглядное величество по матери в далекое пешее эротическое путешествие, если по дурости нарвусь. Рядом с ними я каждый раз отдыхаю душой.

Легкий завтрак: йогурт, мюсли, два банана. Обедать я буду в их компании, и там уже от мяса и пива никуда не денешься. Где там мой гардероб?

Старые потертые джинсы, видевшие меня еще студенткой, кожаная косуха, бандана на голову и любимый байк. Всё, теперь я готова пугать прохожих.

День откровенно удался, и домой я, после непрерывной трехчасовой гонки по шоссе, приехала поздно вечером, трезвая, голодная, уставшая, но невероятно довольная собой и жизнью. Теперь есть стимул работать в этой адовой фирме и дальше.

Ужин, состоящий из фруктов и несладкого чая, душ.

Пора спать. Время недетское.

Ну что, здравствуй, моя уже ставшая родной шиза. Давненько мы с тобой не виделись, дорогая. Интересно, что ты теперь мне покажешь?

Ирма:

Вечером пришел личный слуга мужа, мажордом Алекс, и официальным тоном уведомил меня, что мой супруг сего-

дня ночью пожалует в мои покои для очередного выполнения супружеского долга. Ответа или согласия от меня никто не требовал. Незачем. Меня просто поставили в известность. Как обычно.

Супруг появился глубокой ночью, когда я уже собиралась спать. Тихо скрипнула входная дверь, в комнату сначала вплыл большой магический шар, освещаая бледным желтым светом пространство, следом за ним зашел мой муж в расшитом золотом и серебром длинном парчовом халате. Скинув одежду прямо у кровати, он позволил мне несколько секунд полюбоваться его накачанным идеальным телом с ровным бронзовым загаром, а затем хлопком погрузил мою спальню в непроглядную тьму. В темноте он лег рядом на постель и стал шарить холодными руками под моей длинной ночной рубашкой. Мне было стыдно и неудобно, хотелось сжаться в комок и завывать от страха и унижения, как всегда, когда он трогал меня. Но приходилось покорно лежать, изображать расслабленную супругу и терпеть его действия. Наконец все закончилось. Одевшись при вновь возникшем магическом свете, муж ушел к себе, несильно хлопнула дверь, и только тогда я позволила себе тихонько, беззвучно заплакать.

«Вот же козел!» – пробормотал негодующе кто-то в моей голове. Я вздрогнула и испуганно сжалась. Он что, прислал лазутчика? Вселил его прямиком в мой мозг? За мной кто-то следит?

«Кто? – удивленно спросил голос. – Этот твой ненагляд-

ный муженек, что ли?»

Не зная, как ответить, я кивнула и тут же осознала, что это было глупо. Но странный голос, видимо, и так все прекрасно понял, потому что невесело хмыкнул и успокаивающе произнес: «Не бойся, я, слава Богу, никак с ним не связана».

Не связана? Говорит о себе в женском роде? «Ты... женщина?» – отважилась спросить я.

«Угу, – пришел немедленно ответ. – И вот уже третью ночь наблюдаю за вашими непонятными отношениями. Телешоу «За стеклом», ночная смена, 18+, блин. Слушай, почему ты его на место не поставишь? Мужик явно совсем зарвался».

Она говорила уверенно и так странно, используя непонятные мне слова и выражения, что я сразу поверила в отсутствие любой связи между ней и моим мужем.

«Мама учила меня, что мужа надо почитать превыше всех богов», – заученно ответила я.

«И что, теперь безропотно терпеть все его издевательства? – язвительно поинтересовался почему-то разозлившийся голос. – Скажи честно, ты мазохистка?»

«Не знаю, – честно ответила я. – А кто это?»

На том конце вдруг закашлялись, словно голос внезапно поперхнулся чем-то.

«Это нехорошие люди, которые любят, когда им делают больно», – ответили мне наконец. Причем у меня появились ощущение, что моя собеседница стала относиться ко мне,

как к наивному глупому ребенку. Странно, почему?

«Нет, я не люблю, когда мне делают больно, но муж – мой хозяин и господин. К тому же, он – сильный маг, и в его власти наказать меня за любое непослушание».

Голос что-то ответил. Но я примерно поняла только одно слово, очень грубое, подслушанное однажды случайно в разговоре между слугами на конюшне.

«Ты ругаешься?» – удивленно уточнила я.

«Нет, гимны пою, – огрызнулся непонятный голос. – Слушай, ты и так в его руках. Он в любом случае может сделать с тобой все, что захочет. Так почему ты не сопротивляешься?»

«Не знаю, – повторила я. – Мама меня этому не учила».

На этот раз голос замолчал надолго. Я уже испугалась, что он совсем исчез, а было бы жаль, так как с ним мне не было тоскливо. Наконец меня спросили:

«Как тебя зовут, чудо ты в перьях, и сколько тебе лет?»

«Ирма, – послушно ответила я. – Недавно исполнилось тридцать».

Ирина:

Психолог, ау! Я уже давно твой клиент! Давай зови психиатра, и начинайте активно лечить меня на пару! Время пришло! Дожилаясь: во сне наставляла на путь истинный дурку, которой уже исполнилось тридцать, а ведет она себя как инфантильный ребенок. Нет, пора мне детей рожать. Пора. Будет кого воспитывать. Может, пойти на искусственное

оплодотворение? Блин, вот же лезет в голову не пойми что. И главное, ее насилуют, причем собственный придурочный муж, а она при этом лежит, покорная, как овца! Так, Ира, тебя снова не туда повело. Это лишь сон. Да, дурной, да, сегодня ночью ты посмотрела практически жесткое порно с элементами БДСМ, но это сон!

Опять любимая фирма, опять постоянные, мало кому нужные консультации и нудные встречи, опять искусственная улыбка, появляющаяся на губах уже чисто рефлекторно, и мысленное пожелание всем своим неуступчивым клиентам долгой счастливой жизни. Где-нибудь в Антарктиде. За полярным кругом. Или, на худой конец, в Марианской впадине, на самом ее дне. Только как можно дальше от меня.

К концу рабочего дня я неожиданно поймала себя на мысли, что с нетерпением жду возможности лечь в постель и поскорей заснуть. Мне почему-то казалось, что та самая наивная тридцатилетняя Ирма снова появится этой ночью, а значит, я уже не буду одинока, пусть и только до утра. Приехали. Поздравляю, Ируся, девочка моя, ты это сделала: в реальности подруг нет, так ты во сне кого-то нашла. Бери над ней шефство и учи жизни...

Ирма:

На следующее утро мне по непонятным причинам вдруг стало плохо: жуткая слабость и ломота во всем теле, апатия, сонливость, усталость. Горничные, увидев меня в таком

непривычном состоянии, сильно перепугались и немедленно убежали за моим мужем. Но его дома не оказалось, и вместо супруга проверить мое физическое состояние пришел домашний врач.

«А почему на нем ошейник?» – услышала я знакомый голос, пока мужчина осматривал меня.

«Так он же раб», – обрадовавшись, что снова могу с кем-то пообщаться, охотно ответила я.

«У вас есть рабство? – непонятно чему изумился голос. – Вот же варвары».

«Почему сразу варвары? – обиделась я на такую реакцию. – Мы вполне цивилизованные антонийцы. А рабы здесь есть только у богатых семей негоциантов и аристократов. Ведь никто не допустит, чтобы свободную женщину любого социального положения, когда ей нужна квалифицированная медицинская помощь, осматривал свободный мужчина! Это просто неприемлемо!»

Между тем осмотр закончился.

– Госпожа здорова, – с низким поклоном уверил меня врач и вышел из комнаты.

«Я фигею без баяна! Ирма, он же к тебе и пальцем не приронулся! Так, полюбовался чуток издалека, приличия ради, чтоб по шее не дай бог не получить за бездействие, даже рот открыть, как это обычно бывает, и то не попросил, пролепетал что-то неуверенно и сразу сбежал! А если ты чем-то серьезно больна и помрешь после его осмотра?!»

«А зачем ему ко мне притрагиваться? – не поняла я. – Он же раб, а не мой муж. Рабов специально обучают определять по внешнему виду, здоров или болен их хозяин».

«Дикари, – негодуяще фыркнул голос. – Здоровая она, как же. А то, что тебе плохо и ты без сил в постели лежишь и встать с самого утра не можешь, уже ничего не означает?»

Что на это ответить, я не знала.

«Так, вставай сей же час с кровати. Подходи давай к зеркалу. Надеюсь, они у вас есть», – уверенно распорядился голос.

«Есть, – недоуменно уверила я собеседницу. – Естественно, есть. В любом богатом доме найдутся зеркала. Но для того чтобы встать, мне нужно сначала позвать личных горничных, а они не поймут мотивов моего поведения и немедленно доложат мажордому мужа, а тот – и самому супругу, и значит, мне придется все ему объяснять».

«Зачем? – не понял голос. – Для чего тебе кого-то там звать на помощь? У тебя что, собственных ног нет? Или ты ходить не умеешь? Совсем разучилась под присмотром своих слуг? Давай, лентяйка, пошевеливайся, поднимай свою пятую точку и топай к зеркалу».

На лентяйку я обиделась, но именно эта не заслуженная ничем обида, как ни странно, придала мне решительности, и я рискнула самостоятельно спустить ноги с кровати.

Моя комната, как оказалось, была большая и широкая, с мягким и густым ворсистым ковром эльфийской работы на

полу. На какое-то мгновение я даже растерялась, встав с постели, так неожиданно и незнакомо было пространство вокруг. Обычно его практически полностью занимали слуги и мои наряды, и я никогда особо не рассматривала окружающие меня вещи, не интересовалась мебелью, поставленной здесь. Все это просто было, причем еще задолго до моего заселения сюда, и я принимала это как данность, ни разу не задумавшись о перестановке или добавлении чего-то в уже готовый ансамбль. Сейчас же я словно проснулась от долгого сна и наконец отметила про себя, что в моих покоях, оказывается, есть два довольно вместительных глубоких платяных шкафа темно-коричневого цвета с различными вешалками для одежды и полочками для обуви, узенькая черная тумбочка неподалеку от кровати с тремя выдвижными ящичками, три удобных мягких кресла и два стула с резными подлокотниками и высокими спинками, очень миленький аккуратный столик для косметики с вазонами для букетов и разными банками/склянками для ухода за кожей, высокая этажерка для комнатных цветов, сейчас почему-то пустовавшая, и небольшое окно, занавешенное темно-синими длинными и плотными шторами, прямо напротив постели.

Напольное зеркало, обрамленное золотой оправой, нашлось в самом углу комнаты. До него я кое-как добралась только через несколько томительных минут, огибая по пути кресла, стулья и столик, так как с непривычки идти самостоятельно было невероятно тяжело и совсем неудобно. Так и

хотелось остановиться и с наслаждением опуститься на мягкий ковер, так заманчиво устилавший пол, немножко отдохнуть на нем, прежде чем продолжить свое необычное путешествие. Голос в голове постоянно громко ругался и раздраженно приказывал идти быстрее. Вот и зеркало. Наконец. Встав перед ним, я услышала очередной приказ:

«Рот для начала открой, чудо в перьях. Да широко, как будто петь захотела».

Почему именно чудо, да еще и в перьях, я не поняла, но рот послушно открыла, стараясь не замечать толстого рыхлого тела, расплывшихся черт лица и длинного носа, с детства ненавидимого мной именно из-за его размера.

«Ближе подойти, так. Прямо в зеркало смотри. Голову чуть запрокинь. Угу. Ясно. Язык высуну. Не «зачем», а делай, что тебе сказано. Понятно, теперь можешь возвращаться в свою постельку».

Ничего не понимая, я покорно дошла назад и через несколько минут с радостью улеглась в кровать.

«Ты врач?» – спросила я у замолчавшего голоса.

«Нет, – пришел ответ. – Но в медицине немного разбираюсь».

Как интересно. Женщина, разбирающаяся в медицине, пусть даже и немного. В моем мире это – нонсенс...

«И что посоветуешь мне сделать?»

Раздраженно:

«Дать по шее твоему обнаглевшему в конец ненаглядному

супругу. Только ты все равно не меня слушаешься. Слушай, вы давно с ним женаты?»

«Скоро будет 8 лет».

Голос в голове присвистнул.

«Да уж. Это срок. И что, он все время себя так ведет?»

«Как?» – не поняла я.

«По-свински. Как эти дни, что я здесь».

Странные слова она выбирает для описания поведения моего супруга.

«Да, поведение моего мужа ни разу не менялось со дня нашей с ним свадьбы».

Негодующее фырканье, будто у кошки, которой намеренно наступили на хвост:

«Тогда мне ясно, почему ты такая затюканная».

Последнее слово я не поняла, и голос, почувствовав это, с усталым вздохом пояснил:

«Забитая, слова поперек никому сказать не можешь».

Что ответить на это, я не знала, но и боялась, что голос вдруг исчезнет, и я снова останусь наедине со своими грустными мыслями. Поэтому рискнула:

«Я могу задать вопрос?»

«О, боже. Ну конечно. Спрашивай».

«Как тебя зовут?»

Голос удивленно хмыкнул:

«А я что, забыла представиться, да? Ну извини. Со мной такое бывает, пусть и иногда. Ирина. Лучше Ира. Недавно

тоже исполнилось тридцать лет».

Ирина:

Так, срочно корректирую свои мечты, вношу необходимые изменения. На всякий пожарный, как говорится. Что я там хотела? Чтоб за меня все решали, а я лежала в кровати и в потолок поплеывала? Больше не хочу! Слышишь, Высший Разум? Мне такого счастья не надо! Я как-то привыкла сама себе быть хозяйкой! Бездумно плыть по жизни, как эта безвольная слабохарактерная Ирма, я точно не желаю!

– Ирина Николаевна, доброе утро! В приемной вас ожидает Семен Павлович.

Царственно кивнув Аннушке, я чеканю шаг по направлению к своему кабинету. Точно, главный бухгалтер, хитрый невысокий старичок, работающий на своем месте уже лет десять. Сидит и смиренно ждет. И что ему нужно на этот раз?

– Проходите, Семен Павлович.

И уже сев в кресло, секретарше через селектор:

– Аннушка, два кофе, пожалуйста.

Каждое, пусть и недолгое, общение с главбухом выматывает меня так, как ни одна, даже семидневная, загруженная рабочая неделя! Въедливый, занудливый тип, постоянно пытающийся обвести меня вокруг пальца! Нет, годы совместной работы его, похоже, ничему не научили... Он действительно до сих пор наивно думает, что я ничего в его области

не соображаю!? Как же я устала!

С каменным выражением на лице зашла в личную уборную, вымученно вздохнула, прислонилась лбом к зеркалу и умело, со вкусом тихо выругалась сквозь зубы.

«Ира, ты снова ругаешься...»

Упс.

«Ирма? Ты что делаешь у меня в мозгах???»

Тихий довольный смешок:

«Ну ты же ко мне приходишь».

Логично.

«Как твоё здоровье?»

Неуверенно:

«Не знаю. Пришел муж, посмотрел на меня, сказал, что я должна спать, и я уснула».

Какой качественный гипноз. Деньги этому мужу на нем зарабатывать можно... А кстати. Получается, что общаться друг с другом мы можем только во сне? Очень интересно...

«И давно ты здесь?»

«Наблюдаю? С тех пор, как ты приехала на работу. Как ты приручила это чудовище?»

«Какое?» – не поняла я.

«Ну то, на котором приехала».

О чем это она? Хотя, похоже, поняла.

«А, так то машина. Это не живое существо, а обычный механизм. Что-то вроде той самодвижущейся кареты, в которой ты с супругом в театр ездила».

Изумленно:

«Но у вас же нет магии. Как оно тогда было создано?»

Действительно, как. Раз нет магии, то ходите пешком, дорогие товарищи, и живите в пещерах, закутанные в шкуры мамонтов с ног до головы. Наивное чукотское дитё.

«Техника, подруга, это всего лишь техника, высокие технологии, чтоб их».

Ответить Ирма не успела: в дверь уборной постучали.

– Ирина Николаевна, с вами все в порядке?

Вот же! Даже уединиться не дают!

День выдался чересчур загруженным, так что к вечеру я была, как высушенная на жарком южном солнце селедка. А ведь еще на свидание нужно идти. Небо, где были мои мозги, когда я так опрометчиво согласилась?!

«Ты пойдешь в этом???»

Доброе утро, страна.

«Ты снова спишь?»

«Да. Муж заставил. Сказал, я еще больна, а значит, мне нужно как можно больше спать, чтобы выздоравливать во сне. Но, Ира, это же не платье для вечера!»

Я тяжело вздохнула. Все-таки трудно что-то объяснить человеку с другим менталитетом, тем более, если этот человек внезапно появился у тебя в голове из магического мира с порядками замшелого средневековья.

«У меня нет платьев в гардеробе. Вообще. Я их не ношу и не понимаю, как в них можно ходить, не убившись при этом.

Да и времени тоже мало, буквально в обрез. По нашим пробкам еще надо успеть доехать до этого самого ресторана».

«Это вы так ресторацию называете? Ира, я, конечно, видела уже, что ваши мужчины мало спорят с женщинами и часто ведут себя так, словно они бесправные рабы. Но если ты настолько не уважаешь партнера, зачем встречаешься с ним?»

Мда. Какая гневная тирада. И от кого, от покорной бессловесной тихони. Куда я ключ от машины могла засунуть? А, вот он.

«Ирма, с чего ты взяла, что я его не уважаю?»

Так, заводим и выезжаем на эту бешеную дорогу.

«Иначе ты постаралась бы понравиться ему и поехала бы на встречу нарядная и отдохнувшая».

Слушайте, кто ее логике учил? Ведь и не поспоришь.

«Я тебе потом отвечу. Сейчас мне нужно вести машину. Не отвлекай меня, пожалуйста, разговорами. Иначе я попаду в аварию и могу серьезно пострадать».

Замолчала. Вот ведь. Тридцатилетнее дите. Хотя она, как ни странно, во многом права... Так. Куда там сейчас поворачивать?

А вот и ресторан: высокое двухэтажное здание в центре города. Хорошее заведение, приятное: обслуга вышколена, продукты свежие, блюда вкусные, сервис ненавязчивый. Вот только парковку бы нормальную им сделать и пару-тройку сообразительных парней-парковщиков нанять, чтобы клиен-

ты таким делом не заморачивались, и все будет просто великолепно. Какое удобное место. Прямо напротив входных дверей ресторана. Оххх... Нет, я туда не пойду!

«Ира? Что случилось?»

Случилось? Она еще спрашивает!

«Я его пять лет не видела, и еще столько же не хочу!»

Недоуменное:

«Кого?»

Да, действительно. Она же совсем не в курсе моей разбитой личной жизни...

«Парня видишь мускулистого у входа? Вон того, да, что с платиновой блондинкой сосредоточенно о чем-то разговаривает? У нее еще ноги от ушей растут».

Уточняет:

«Высокий мужчина в вечернем смокинге? Вижу. – Пауза. И потом неожиданное. – Ты его любишь, Ира?»

Что ж она умная такая, а?

«Вот еще! Не дождется! И вообще, я уезжаю отсюда!»

И немедленно! Причем подальше от него!

«А как же свидание? Тебя ведь ждут».

Вот что она пристала???

«Ничего, переживет!»

Стоп. А зачем я завелась? Ведь можно... Где там мой самый ласковый тон?

«Ирма, солнышко, а ты не хочешь мне помочь?»

Удивленно:

«Как?»

Хороший вопрос. Просто замечательный. Надеюсь, ответ ей понравится, иначе ничего не сработает...

«Займи мое место!»

Пораженное:

«В каком смысле? Я не понимаю тебя...»

Ну вот что тут такого трудного? Ведь все проще простого!

«Я несколько лет назад любила посещать разные медитативные тренинги, это неплохо помогало расслабиться и забыть о повседневных стрессах. На одном из них меня учили, как сознание можно упрятать вглубь человека и руководить этим самым человеком, как куклой на шарнирах, извне. И у меня вроде даже как-то что-то получалось. Вот сейчас и проверим, что я запомнила с тех пор: стань мной на какое-то время, выйди вперед, на мое место, сыграй меня. Я же видела: ты отлично держишься на людях!»

Молчит несколько секунд, потом осторожно:

«Ира, ты здорова?»

Нет, и уже давно!

«Так ты не согласна? Хорошо, тогда я завожу машину и уезжаю отсюда!»

Ну и? Подействует шантаж?

«Не надо! Я... Я постараюсь... А если у меня не получится?»

Ой, мне б твои проблемы...

«Я всегда спишу это на свою вечную усталость, а мой ка-

валер, не зная меня, полностью поверит сказанному».

Колеблется, но уже почти согласна:

«Хорошо. Договорились. Что нужно делать?»

Ура! Я это сделала!

«Ты на каблуках ходить умеешь?»

Недовольно фыркает:

«Обижаешь!»

Ладно-ладно, должна же я была спросить? Чего сразу в позу становиться-то?

«Отлично! Я сейчас выйду, закрою машину, потом прижму лбом к тонированному стеклу и крепко зажмурю глаза. Мне нужно всего пару секунд. Ты должна будешь почувствовать, как моя душа уйдет внутрь, сожмется, станет с горошину. Уверенно занимай ее место и веди себя так, как ведешь дома, с теми же аристократическими замашками. Моего бывшего зовут Славик. Нынешнего – Антон, или Тоша, ему второй вариант почему-то больше нравится. Это так, на всякий случай, вдруг захочешь по имени к ним обратиться».

Вперед, труба зовет!

Вышла, привычным уверенным жестом закрыла машину, положила ключ в темно-фиолетовый небольшой ридикюль, закрыла глаза и прижалась к лобовому стеклу. Как там нас учили? Полностью расслабиться, позволить мыслям исчезнуть, вообразить себя пушинкой, управляемой любыми попутными ветрами. Вот, получилось! Я прямо почувствовала, как меня, мое «я» отодвинул в сторону кто-то другой, и этот

кто-то начал управлять моим телом.

– Девушка, вам плохо? – паренек лет двадцати, видимо, один из работников этого ресторана.

И вот уже не я, а скромная Ирма обернулась и чуть рассеянно улыбнулась:

– Благодарю вас. Ничего страшного. Просто чуть закружилась голова.

– Ирина! Ну наконец-то!

Антон. Ирма это поняла тоже, потому что рассеянная улыбка превратилась в теплую, дружескую.

– Прости, пожалуйста.

Рука, поданная, чтобы помочь пройти к месту. Жест вышел настолько естественным, хоть ни разу не моим, что Антон, плохо знавший меня, не колеблясь, протянул свою, и нежные девичьи пальчики чуть задрожали, прикоснувшись к мужской ладони. Всё, мужик «поплыл». Вот как она это делает???

Тихий смешок на грани сознания:

«Не мешай».

«Молчу-молчу».

Уже даже мне интересно, что же дальше будет.

Они как раз заходили в ресторан, когда сбоку их окликнули удивленно и немного растерянно:

– Ира?

Слава. «Проснулся».

Я бы не смогла выдержать взгляд этих голубых, как неж-

ные морские волны, глаз, в этот момент недоуменно рассматривавших меня в упор. Как минимум покраснела бы. Ирма же полуобернувшись, немного небрежно кивнула, взглянув на мужчину, как на очередной одуванчик, выросший неподалеку от ее дома:

– Здравствуй, Слава.

И королевой всплыла в ресторан, оставив позади моего озадаченного бывшего и его раздраженную блондинку.

А хорошо идет на каблуках, уверенно, явно опыт большой. Вот они с Антоном подошли к высокому напольному зеркалу в коридоре, и мое альтер-эго ненадолго остановилось, якобы чтобы проверить, все ли в порядке. На самом же деле Ирма внимательно разглядывала мою внешность: высокая, стройная, немного накачанная брюнетка с короткими, уложенными волосами, правильным «римским» профилем, тонким носом и алыми, немного полноватыми губами. Из зазеркалья смотрели чужие, не мои, серые глаза. Даже немного жутко стало. Ведь мой цвет – зеленый.

Удовлетворенно кивнув, Ирма плавно повернулась к своему спутнику, несколько раз хлопнула накрашенными ресничками и очаровательно улыбнулась:

– Веди меня, мой герой.

Так, похоже, в ряду моих поклонников прибыло...

Стол у окна, забронированный для нас, сервированный с шиком, так, словно здесь ожидали приезда очередного высшего чиновника, рыбные и мясными блюда, дорогие вина,

хрусталь и фарфор, ну и пустая, ни к чему не обязывающая светская беседа между двумя чужими людьми о погоде и пробках на дорогах. И внимательный, цепкий взгляд, буквально сверлящий спину. Была бы собой, сто раз обернулась бы.

«Да, он смотрит. Это нормально. Не думай об этом. И не отвлекай меня».

«Угу...»

– Ты не такая, как обычно.

Наблюдательный, блин.

Легкая улыбка на красных губах:

– В любой девушке должна быть тайна. Каждая из нас способна играть разные роли, в зависимости от настроения и желания. Тебе не нравится, какая я сейчас?

– Нет, что ты! Наоборот.

И дышит, словно загнанный лось.

Смешок в голове:

«Ира, не мешай! Я сосредоточиться из-за твоих комментариев не могу!»

«Прости, буду молчать».

– Могу ли я надеяться на продолжение нашего знакомства?

Что??? Какое продолжение??? Мы договаривались на одно, ничего не значащее свидание!

«Ира?»

Да вот щаз.

«Пусть лесом идет. Тем более, играть так, как ты, я не смогу».

Равнодушное:

«Поняла».

Томный взгляд из-под полуопущенных ресниц.

– Я дам свой ответ завтра. Пока же предлагаю просто наслаждаться сегодняшним вечером.

– О, конечно!

Глава 2

Не к добру людям исполнение их желаний. Гераклит

Ирма:

Ира... Моя необычная новая знакомая, появившаяся внезапно из другого, чуждого нашему, немагического мира... Ее жизнь совершенно не похожа на мою. Она всегда вызывающе одевается, ярко красится, бесстрашно себя ведет, не боится высказывать в лицо свое мнение и никогда не интересуется мнением общественным. В общем, делает все то, от чего я просто прихожу в ужас и что мне всегда хотелось бы. Я втихомолку восхищаюсь ею и понимаю, что сама никогда не смогу жить так, как хочу. Мне этого никто не позволит: ни муж, ни общество... И от одной мысли об этом становится горько.

«И кто тебе сказал, что в такой жизни нет минусов?»

«Подслушивать нехорошо», – не боясь быть увиденной кем-либо в закрытой беседке, куда мои горничные меня вывели сразу же после обеда, якобы подышать свежим воздухом, я открыто улыбнулась.

«Да кто бы говорил, – фыркнула моя собеседница. – Серьезно, Ирма, минусов в моей жизни хватает. То же одиночество, зачастую – невероятное, ложащееся на душу, словно тяжелое могильная плита, просто жуткое несбыточное желание, чтобы рядом был кто-то, кто сможет в одно мгновение решить за меня все мои многочисленные проблемы. А уж о вечном подхалимаже и лицемерии подчиненных, плюющих тебе в спину, я просто молчу».

«А зачем тебе кто-то? – не поняла я. – Ты ведь вполне самостоятельная женщина».

В ответ – долгий вздох.

«Ирма, какой ты, в сущности, еще ребенок. Ну даже если мы отодвинем в сторону великую и несбыточную мечту всех женщин о большой, вечной и чистой любви, то, поверь, от любой самостоятельности рано или поздно очень сильно устаешь. Знаешь, в моей стране некоторые женщины в шутку часто говорят о себе: 'Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик'. Так вот, мне элементарно надоело быть и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и все – в одном флаконе. Хочется банальной искренней, а не покупной заботы, чуткости, внимания. Я уж молчу о нежности, полном доверии и ласке. Хочется, чтобы если не всё, то многое решали бы за меня.

Не понимаешь, да?»

«Понимаю, но не со всем согласна. Знаешь, если бы я была на твоём месте, я бы брала от жизни по максимуму и никогда не позволила бы никому решать за меня...»

«Ну в твоей-то ситуации это как раз и понятно. Такой жесткий прессинг, давление, то есть, не каждый выдержит. Слушай, не мое дело, конечно, но зачем ты с ним все это время живешь? Разве у вас в стране нет разводов?»

«Почему нет. Есть. Для мужчин. Женщины не имеют права разводиться с мужем».

Нечто нечленораздельное, видимо, опять ругается.

«Боже, какое средневековье! Хотя там, как я помню, у женщин прав все же было больше. Варварство. Глупость. А если муж бьет? Издевается? Что тогда? Терпеть?»

«Да. Значит, так решили боги».

Недовольное фырканье, как у разозленной кошки:

«Прелестно... Вот нет у вас феминисток. Иначе запели бы ваши ненаглядные мужья высоким фальцетом, да на одну высокую ноту. Ладно, сменим тему. Объясни мне, солнце мое незаходящее, как теперь я должна от нового ухажера избавляться?»

«А он тебе что, совсем не нравится?»

Равнодушное:

«Неа».

Ничего не понимаю...

«Так зачем тогда ты пошла с ним на свидание?»

Смешок. Усталый и грустный.

«Ну хотя бы затем, чтобы дома в одиночестве не сидеть.

Все разнообразие».

Я явно чего-то не понимаю...

«Странная причина».

Хмыкает:

«Обычная. Как у большинства женщин моего положения и круга. Но не уходи от ответа, краса моя дивная. Как мне теперь от этого надоедливого ухажера избавиться?»

Дурацкий вопрос, как по мне.

«Не знаю».

Удивление в голосе:

«То есть, как – не знаешь? Ты же как-то общаешься с теми, кто тебе не интересен?»

Почему мне?

«Мужу. Не интересен мужу. Зачем мне с ними общаться? Я их игнорирую, предпочитаю не замечать, пропускаю мимо ушей всё, что они говорят».

Она опять чем-то недовольна.

«Класс. Своих интересов нет, живешь только мужнинами. Нет, здесь, к сожалению, игнорить никак не получится – он один из постоянных партнеров».

Сбоку послышались шаги: по усыпанной гравием садовой дорожке кто-то торопливо шёл.

«И кто там?» – с любопытством в голосе.

«Думаю, муж. Служанки так уверенно не ходят, а никто

другой сюда не придет».

«Не слышно энтузиазма в твоём голосе».

В эту минуту в помещение действительно четким военным шагом вошел мой супруг.

– Душа моя, пойдем. Ты мне нужна на встрече. Посидишь с вышивкой, поулыбаешься.

«Живой картинкой поработаешь. Или мебелью. Добрый дядя какой, слушай. И щедрый».

Ничего не ответив Ире, я покорно подала руку и позволила увести себя из беседки. Шли мы быстро, и к концу вынужденной прогулки я начала задыхаться.

«Спортом тебе надо заниматься, Ирма. И худеть. А то девочка красивая, но толстая и слабая».

Очень приятно это слышать...

«Спасибо за добрые слова...»

Устыдить Иру так просто точно не получится.

«Да завсегда пожалуйста. Обращайся. Помогу».

«Не сомневаюсь...»

Встреча проходила в кабинете мужа – темной мрачной квадратной комнате небольших размеров без окон, освещенной только двумя большими магическими шарами, висевшими под потолком и дававшими мутный желтый свет. Из всей мебели здесь были: большой грузный письменный стол из ценных пород дуба, со множеством отделений, запиравшихся магически, широкое удобное кресло для хозяина, оббитое бархатом с позолотой, и четыре крепких дубовых сту-

ла для посетителей с шелковыми накидками на сидениях, пара высоких шкафов, постоянно закрытых на ключ (в них муж хранил не особо важные бумаги и разнообразные магические амулеты), и высокое раскидистое древовидное магическое растение аурициус лораниус, стоящее возле большой железной двери и готовое в любой момент парализовать того, кто посмеет войти в комнату с дурными мыслями или намерениями.

«В таком месте вышивать? Тут же ничего не видно! Склеп, а не комната! Он что, совсем тебя не бережет? Хочет, чтобы ты как можно быстрее ослепла?»

Ира негодовала и ругалась. Отвечать я на этот раз не стала: незачем себе душу еще больше травить. Я и так знаю, что муж мало думает о моем здоровье. Вместо этого, вежливо присев в положенном реверансе перед находившимися в кабинете тремя высокими пожилыми мужчинами-аристократами, собеседниками супруга, как примерная жена, сразу же уселась в дальний угол с мгновенно принесенной служанкой корзинкой для рукоделия.

Кто-то что-то говорил, о чем-то жарко спорил, что-то за чем-то доказывал. Я не вслушивалась. Всё равно в этом ничего не понимаю. Прилежно вышивая очередную ничего не значащую салфетку, которую, как и десятки других до нее, потом прислуга с поклоном заберет и небрежно положит на широкий пыльный подоконник в дальней комнате дома, я жалела только, что Ира, похоже, уже исчезла: голос в моей

голове затих, я снова осталась одна.

Вот беседа закончилась, и все разошлись. Муж подал мне руку, помог добраться до малой гостиной и вернулся к себе.

«Как интересно...»

«Ира? Ты снова здесь?»

«А я и не уходила никуда. Слушай, а твой муж – тот еще “жук”. Хорошо он обдурил тех парней».

«Ты понимала, о чем они там говорили? Хотя что это я. Конечно, понимала. Ты же умная...»

«Не ной, радость моя. Ты тоже могла бы понимать, если бы приложила к этому хоть какие-то усилия. Обычная сделка купли-продажи».

Ирина:

Похоже, что я начинаю находить определенное извращенное удовольствие в своих необычных снах. Интересно, что бы сказал любой психолог, признайся я в этом? Отправил бы в «желтый дом»? Кстати о доме... Вот то, что Ирма – моя практически полная противоположность – это как? Знаково?

Нет, серьезно! Низенькая, круглая, как колобок, со слабыми, почти полностью атрофированными мышцами, тихая, забитая, вечно в длинных платьях-балахонах. Находка для любого домостроевца. И ведь у нее та жизнь, о которой я всегда мечтала, кроме чувств и детей, разумеется. Это что, добрый боженька решил таким образом развлечься, ткнул ме-

ня носом в мою с таким тщанием взлелеянную мечту и щедро предложил издалика полюбоваться на тихий ужас Темных веков? Или как там у нас та историческая эпоха называется, где у баб были ровно те же права, что и у рабов?

О! Вспомнила! У них же до сих пор рабство процветает. То-то я вчера понять никак не могла, о чем ее дражайший супруг договаривался. Вроде термины все знакомые, а реалии странные. Он же рабов покупал, козел этакий.

Работа... Опять работа... Прямо как в том анекдоте: «... а во-вторых, ты же директор школы». Вот-вот...

– Ирина Николаевна, к вам Антон Валерьевич.

Вот что ему тут понадобилось, а? Если гора не идет к Магомету? И что мне делать? Я, как Ирма, сыграть не смогу. Ладно, надеюсь, он ступит и не заметит изменений.

– Ира! Как всегда, великолепно выглядишь!

Болтун. Как всегда. Так я и поверила. Ты видишь меня третий раз в жизни.

Моя улыбка не просто искусственна, она насквозь пропитана фальшью, словно старая шерстяная кофта – нафталином, но Антон, как тетерев на току, сейчас видит и слышит исключительно себя. Топ-менеджер в одной из постоянных фирм-партнеров с зарплатой выше моей в пару раз, несмышленый наивный золотой мальчик, решивший вместо привычных развлечений непонятно для чего заняться бизнесом и доказать всей своей родне, что и он в этой жизни на что-то способен. Полная противоположность Славке. Если тот –

голубоглазый брюнет, серьезный, умный, накачанный, с правильными чертами лица и тонким чуть удлиненным носом, то этот – сероглазый шатен, самовлюбленный развязный балбес, смешливый драчун со сломанным в драках в двух местах носом и петушино-индюшиным вздорным характером. Может, я потому и пошла с ним тем вечером на наше первое свидание, что подсознательно захотела перемен: ведь все мои предыдущие мужчины так или иначе были похожи на того, первого...

– Я так скучал! Мы ведь с тобой давно не виделись! Знаешь, я понял, ты – мой идеал! Как насчет ужина сегодня? Я знаю великолепный ресторан китайской кухни! Шеф-повар – мой хороший друг! Уверен, тебе точно понравится!

Мужчина, вы когда-нибудь заткнетесь? Видимо, нет. Что там у меня сегодня в расписании? А кстати...

– Тоша, милый, я бы с радостью, но как раз сегодня у нас совет директоров. Я, как ты понимаешь, обязана присутствовать.

И твой отец, дорогой мой мальчик, тоже там будет. Боже, ну вот почему я рядом с ним каждый раз чувствую себя умудренной жизнью циничной старухой? Мы ведь ровесники...

Гляди-ка, быстро потускнел. Видно, вспомнил, что кроме личной жизни, которой он постоянно наслаждается, есть еще и надоевшая всем до печеночной колики нудная работа. Ну вот что тебе еще надо, мальчик? Не видишь, взрослая те-

тя делом занята? Что? Завтра? Нет, завтра не пойдет. Вообще ничего никогда не пойдет, когда ты рядом. Но не посылать же тебя так сразу открытым текстом. Давай лучше послезавтра. Да, в том же ресторане. Нет, никаких роллов или суши. Ненавижу сырую рыбу. Тем более, с рисом. Да и вообще японскую кухню не перевариваю с юности. Да, конечно, ровно в то же время. Аривидерчи, малыш. О Небо, как он мне надоел...

Ирма:

– Госпожа, – молоденькая служанка, беззвучно проскользнув в комнату, низко присела в реверансе, почему-то старательно пряча глаза. – Госпожа, ваш супруг приказал подогнать к подъезду карету и помочь вам одеться и спуститься.

Карету? Зачем? Мы куда-то собирались? Да еще и так рано утром? Почему мне никто не сказал, куда и зачем, не предупредил вчера вечером? Впрочем, муж часто ставит меня перед фактом, не соблаговолив сообщить о необходимой встрече или поездке заранее, я давно перестала обижаться на подобное отношение. Куклу в известность обычно не ставят, бессмысленно это. Вот потому я безропотно отдалась в руки прислуги, позволив нарядить меня в очередное розовое платье а-ля яркая трапеция, и потом воспользовалась ее помощью, чтобы сойти с лестницы и дойти до кареты, уже давно стоявшей у входа.

Дверца мгновенно захлопнулась, экипаж сразу же сорвал-

ся с места и стремительно понесся куда-то, вот только моего супруга внутри не было. И этот факт заставил меня насторожиться. Чтобы муж отпустил куда-нибудь меня одну? Невозможно. Кто-то, да сопровождал бы меня обязательно: не он сам, так доверенные лица, или слуги, на худой конец. Но тогда... Что происходит? Куда я еду? И почему одна? Впервые за долгие годы спокойной и беспроблемной замужней жизни во мне проснулся настоящий страх перед неизвестностью. Я попыталась открыть дверцу, но та была заблокирована снаружи. На окна с той стороны кто-то опустил плотные железные жалюзи. Да в чем дело? Кто и куда меня везет?

Карета не просто ехала, она словно на крыльях летела, и такая скорость пугала меня еще больше неизвестности. Кем бы ни был мой муж, садизмом он не отличался. Сразу же после нашей свадьбы я сказала ему, что боюсь быстрой езды, и с тех пор мы никогда не ездили с подобной скоростью. Значит, точно не муж. Тогда кому я понадобилась? Теперь стало понятным, почему служанка постоянно прятала глаза. Она боялась, что я смогу что-то прочесть там, заранее понять их замыслы. Боги, куда же мы едем... Не скачем, а летим. И так долго... Наверняка уже и из города давным-давно выехали... Жаль, что я не умею управлять этим средством. Хотя, думаю, тут где-то должен быть кристалл, через который не магу всегда можно подать приказ об остановке или продолжении движения... Оххх... Тут действительно есть подобная розетка для кристалла, но она пустая. Кто-то вытащил это

средство управления...

Я не знаю, сколько мы ехали и куда в конечном итоге попали. Устав бояться, я просто сидела и покорно ждала. У всего бывает свой конец. Вот я и ждала конца. Каким бы он ни был. Карета вдруг остановилась, да так резко, что я чуть не упала на пол. Дверца широко распахнулась, и мне на лицо тут же упала мокрая тряпка. А затем я потеряла сознание.

Ругань. Меня привела в сознание грубая площадная ругань, произносимая громким мужским голосом.

– Тяжелая, тварь. Разъелась на дармовых харчах муженька-то. А другим постоянно пахать надо, чтоб на жратву себе заработать. Все, мне надоело ее тащить. Давай бросим здесь. Никто ее тут не найдет, а она сама не вернется и скоро подохнет.

А затем – удаляющиеся мужские шаги. Тело нещадно болело. Было ощущение, что по мне за одну минуту быстро промчалась сотня карет. Казалось, во всем моем существе не осталось ни единого места, что не стонало бы от невыносимой боли.

А еще мне было невероятно холодно. Осень давно вступила в свои законные права, и в легком бальном платье на улице было совсем некомфортно. Я чувствовала, что начинаю покрываться гусиной кожей. Еще немного – и у меня начнется насморк. А там, действительно, и умереть недолго.

Набравшись смелости, я наконец открыла глаза. И тут же закрыла. Лес. Вокруг был темный густой лес. Куда они ме-

ня привезли? Зачем – уже понятно. Желают моей смерти, правда, непонятно, по какой причине, ведь врагов у меня, насколько я знаю, нет. Но вот куда? Выбраться отсюда? Нет, я не смогу. Я и по дому-то передвигаюсь исключительно с помощью слуг, а тут такой кошмар... Значит, буду читать отходную молитву и просить богов о скорой, максимально безболезненной смерти.

«Эй, ты что, помирать тут собралась? Ирма, твою дивизию, ты где и что вообще происходит?»

«Ира... Хорошо, что ты пришла... Мы сможем... сможем попрощаться...»

«Ирма, я сейчас кому-то по шее дам! Причем больно и с оттяжкой! Что у тебя уже успело случиться за это время? Где ты? Открывай глаза, слышишь?»

Послушалась, открыла, хоть и очень не хотела. Раздался изумленный свист.

«И как ты тут очутилась, подруга?»

«Привезли. Не знаю, кто. Мужчины какие-то».

«Так. Сейчас вот стоп. Что значит «привезли»? Тебя кто-то выкрал из дома?»

Я почувствовала, что заливаюсь румянцем от стыда.

«Нет, не выкрали. Я сама села в карету...»

Удивленно:

«Э... Позвольте поинтересоваться, милая леди, за каким чертом вы сели в карету к похитителям?»

Вот что мне ответить?

«Дура, видимо, набитая. Потому только и села. Пришла какая-то служанка, сказала, что муж ждет меня в карете внизу, помогла одеться и спуститься...»

Опять ругается...

«Какая-то служанка. Детский сад ясельная группа. Ты что, слуг в собственном доме не знаешь? Ирма, я с тебя тащусь. Наивняк полнейший. Так, подъем».

«Зачем?»

«Затем, красавица моя, что ты сейчас будешь искать выход из этой чащи».

Я? Она так изощренно издевается, да?

«Я не смогу. Я... Мне даже ходить тяжело. Я...»

Раздраженно:

«Ирма, солнце мое, ты сейчас можешь рассказывать что угодно. Но при этом, пожалуйста, поднимай свою пятую точку и шагай. Ты мне еще живая нужна».

«Зачем?»

«Что за глупые однообразные вопросы!»

«И все же. Зачем я тебе?»

«Вот же... Ну хотя бы затем, чтобы Славку вернуть! А сейчас давай-ка: ать-два!»

Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой: мышцы лица тоже болели. Попыталась встать, но лежала я на спине, а подать руку, чтобы помочь, было некому.

«Жучок, барахтающийся в луже. Жалкое зрелище. Так, Ирма, давай мы с тобой сейчас повторим наш эксперимент,

только теперь я займу твое тело. Давай, не трусь. Я, в отличие от тебя, умею выживать в нестандартных ситуациях».

Ирина:

Эта слоновья туша с центнер весом ходить не умеет. Со всем. Нет, я встречала в своей жизни множество и просто полных, и толстых, и даже очень тучных людей. Но они, если, конечно, не были прикованы к кровати или инвалидному креслу, хотя бы умели передвигать ноги, знали, как это делается. Это же чудо...

«Будешь ругаться – вернусь».

«Я тебе вернусь, умнице такой! Иди давай! Движение – это жизнь. Блин, Ирма, ну нельзя же так! Тебя же должны были научить хотя бы ногами двигать».

«Зачем? Есть слуги, рабы».

Угу, есть, кто бы спорил.

«Да, действительно. И где они все сейчас, а? Где слуги? Где рабы? Молчишь? Правильно делаешь, что молчишь. Знаешь, если эти твои похитители решат вдруг вернуться и тебя добить, я ничего сделать не смогу, даже спрятаться: ты топаешь, как раненый слон. Как очень медлительный раненый слон. Мы с тобой, дорогая моя, за полчаса и пары километров не прошли!»

Это что еще за звуки впереди? Похоже, я накаркала, и кто-то быстро идет нам навстречу...

– Ирма, дорогая! Ты жива!

А голос-то очень знакомый. Тьфу ты. Муж. Это хорошо. Значит, моя миссия закончена.

«Ирма, вылезай. Ирма!»

– Ирма, милая, посмотри на меня.

«Ирма, ты что творишь? Возвращайся давай!»

– Ир...

Подбородок приподняли холеные мужские руки с длинными, унизанными перстнями пальцами. В мои зеленые глаза уставились глаза тёмно-карие, цвета пьяной вишни.

– Ты не Ирма! Где моя жена?

Да что ж так орать-то? Я скривилась:

– Вот я бы тоже хотела знать, где носит твою благоверную.

Ирма, вылезай, все закончилось.

Внутри молчание. А вот обладатель карих глаз внимательно наблюдает за мной, будто решает, не пожертвовать ли супругой и не упокоить ли нас обеих прямо здесь, в лесу. А что? И могилка удобная вон там, под валежником, образовалась. И главное, никто ж и не найдет потом. А сами мы отсюда точно не выберемся.

– Кто ты? Демон?

– Ага, аж два раза. Обычная женщина.

Не поверил.

– Обычные так не разговаривают.

Да что ты говоришь? А как они разговаривают? Как твоя амеба-супруга?

– Хорошо, пусть будет драгоценная. Ирма, твою ж диви-

зию, вылезай на этот свет сейчас же! Я, вообще-то, не подписывалась общаться с твоим супругом!

Снова молчит. Да что ж такое!

– Как тебя зовут?

– Ирина. Можно Ира. А тебя?

– Вартариус.

– Варт, значит? Ничего так, стильненько.

Похоже, сокращение ему не понравилось. Вон как скривился. Будто десяток лимонов в один присест слопал.

– Что ты сделала с моей женой?

Шикарный вопрос. Логика, ты там где потерялась?

– Съела! Со всеми потрохами! Ирма, сейчас же вылезай, зараза ты такая! Слушай, она у тебя всегда такая упертая, или это мне сегодня повезло? Помогла, блин, на свою голову! Ирма!

«Он будет злиться... Я... Я боюсь его... Пусть дома...»

Что? Твою ж...

– Ты что, еще и бьешь ее???

Смотрит, как на буйно помешанную.

– Я к ней и пальцем не прикасаюсь!

Угу, видела я, как ты к ней не прикасаешься. Она потом полночи в подушку ревет.

– А что ж она так боится тебя, что возвращаться не хочет?

Изумление. Искреннее, причем. Такое не сыграть.

– Она меня боится?

А то ты не знал об этом.

– Именно. Сказала, что ты злиться будешь. А в голосе паника. Что ты делаешь с ней, ирод?

А вот теперь растерян.

– Ничего. Честью клянусь!

Честью, говоришь?

– Так, ладно. Я замерзла, пока тащилась по этому дурацкому лесу. У вас тут не лето, знаешь ли. Если эта красавица, жена твоя, не хочет вылезать, значит, пока пойду я. Потом у меня прозвонит будильник, и ее тушка грохнется на землю.

Ирма угрозой не впечатлилась и появиться не соизволила, а вот ее муженек посмотрел недоверчиво. Впрочем, его проблемы. Мое дело – предупредить.

– Куда идти-то, Сусанин?

– Кто?

– Забудь. Это из моего местного фольклора. Так куда идти? Показывай давай.

Ирме повезло: я успешно дотащила ее тучное тело до ожидавшей нас у леса герцогской кареты и даже усадила в кресло. А потом действительно прозвонил будильник.

Ирма:

Я почувствовала, как уходит в свою реальность Ира, но возвращаться на свое место просто не захотела, в результате, как она и предсказывала, внешне все смотрелось, как продолжительный глубокий обморок. Мой муж, естественно, не обратил на это ни малейшего внимания: в течение всей на-

шей езды обратно он задумчиво, не отрываясь, смотрел в окно. По возвращении двое рабов по приказу супруга отнесли меня в постель, а сам он удалился к себе в комнату. Что ж, все это было вполне ожидаемо, только на душе все же очень тоскливо...

Как оказалось, вернулись мы ближе к вечеру, и я, умаявшись за день, уснула практически сразу же, как оказалась в кровати.

Ночью я видела Иру, на этот раз ожесточенно спорившую о чем-то с группой пожилых мужчин. Они все вместе сидели за большим столом, изредка прихлебывали воду из хрупких белых стаканчиков и всеми силами старались доказать друг другу свою точку зрения. Видно, сказала сильная физическая усталость вкупе с серьезным переутомлением, но пробиться к своему альтер-эго я не смогла и лишь с любопытством наблюдала за ее действиями со стороны.

Утром, выгнав горничных, неожиданно зачем-то пришел муж. Пришел и сел на кровать рядом со мной. Я, еще не до конца придя в себя после сна, не смогла сдержать эмоций, и он заметил мой страх. Недовольно поморщился:

– Эта странная женщина в твоём теле была права: ты действительно меня боишься. Почему?

Я была в растерянности, не знала, что ему на это ответить, поэтому просто молчала, упорно стараясь смотреть куда угодно, только не на своего богами данного супруга.

– Ирма, объясни: в чем дело? Я тебя не бью, ты вольна в

своих решениях, тебе практически ничего не запрещается. Так почему, ради всех богов, ты меня боишься?

Похоже, ему действительно была неприятна эта тема, но рассказать ему всего я не могла, просто не была в состоянии. Он все равно бы не понял. Ничего не понял бы.

– Так, хорошо. Ты не хочешь говорить. Пускай. Я тебя не заставляю. Оставим это. Что вчера произошло? Ты почему-то не спустилась к завтраку, твои горничные в страхе метались по всему дому и не способны были сказать ничего путного. Я смог найти тебя только по той «следилке», что поставил на тебя сразу же после нашей свадьбы, и то лишь через довольно длительное время. А когда нашел, оказалось, что в твоём теле находится другая, чуждая сущность, которая, насколько я смог понять, тебя и спасла. Поэтому сейчас я хочу узнать, что именно случилось с тобой вчера?

Я рассказала. Эта тема была безопасной, и я в подробностях описала и внешность служанки, и ее поведение, и карету, в которой меня везли, и речь мужчин, тащивших меня, и даже то место, из которого вышли мы с Ирой. Супруг слушал и хмурился все больше:

– У нас нет такой служанки. Ирма, неужели ты не знаешь, кто служит у нас в доме?

Ира была права... Я действительно не знала всех слуг в этом доме. Его доме.

– Простите, Ваше Сиятельство...

Он растерян и раздражен.

– За что? Молчишь? Хорошо, пусть так. Что было в тебе в тот момент, когда я вас обоих встретил? Кто она?

Рассказать об Ире?

– Женщина. Обычный человек, но из другого мира. Ири-на. Ира. Ей тоже тридцать лет. Там у себя, в своей стране, она занимает высокий пост и командует большим количеством людей. Семьи у нее нет.

– Исчерпывающий ответ. Что она делала в твоём теле?

– Я... Я не знаю... Мы с ней общаемся последние несколько дней, когда одна из нас спит...

– Несколько дней, говоришь... Так... И ты за все это время ни разу не сказала мне об этом?

Он недоволен... Я инстинктивно втянула голову в плечи. И муж тут же нахмурился:

– Прекрати. Я ведь не бью и не наказываю тебя. Я просто хочу знать, почему ты промолчала.

Как ему это объяснить...

– Я... Я побоялась... побоялась, что вы ее изгоните... и я снова останусь одна...

Он молчал долго, очень долго. Потом внимательно посмотрел на меня. От его взгляда мне снова стало страшно. Он это понял, но на этот раз глаза не отвел.

– Ирма, тебе одиноко?

Не смея лгать, я кивнула.

– Почему же тогда ты молчала?

Опять... Опять то же самое. Те же непонятные вопросы.

Ему они важны, а я... Я ответить не могла. Мне было страшно. От испуга я разрыдалась. Он встал и вышел из комнаты, первый раз за все годы брака сильно хлопнув дверью.

Ирина:

Утро добрым не бывает, это знает каждый, кто ходит на работу. Опять те же лица, надоевшие до зубовного скрежета.

А он действительно красавчик, этот черный маг. Эффектный такой мужчина: высокий, статный аристократ с правильными тонкими чертами лица, не особо худой, но и не толстый, как говорит Карлсон: «В меру упитанный мужчина в полном расцвете сил». И мускулы под тонкой сорочкой отчетливо просматриваются. Только по всему видно, что сволочь первостатейная. Ему в НКВД работать надо. Ну или КГБ, например. Сам будет допросы вести и признания выбивать. Да и приговоры исполнять тоже сам будет. С большим удовольствием. Никому это милое дело не доверит. Ударник труда, блин. Хотя жену он, похоже, действительно жалеет. Не любит, нет, этот вряд ли любить может, если только самого себя, да и то, когда крутится перед зеркалом, но по крайней мере жалеет. И по-своему заботится о ней. Как о дорогой бессловесной фарфоровой кукле.

«Он приходил. Спрашивал о тебе».

Да вы ж посмотрите, кто появился!

«Ирма, что ты тогда устроила???»

Покаянно шмыгает носом.

«Прости. Я действительно его боюсь. До дрожи».

Это я уже поняла.

«Почему?»

Неуверенно:

«Не знаю. Он... Он жестокий. Очень. И страшный. Не внешне, нет. В душе».

– Ирина Николаевна, подождите одну минуточку! Подпишите, пожалуйста!

– Катенька, сколько можно повторять? Все бумаги на подпись отдаете моему секретарю, меня не беспокойте. Всего хорошего.

«Она тебя ненавидит. Так посмотрела тебе вслед... Глаза у нее были злыми».

«Тю. Нашла, что нового рассказать. Это та еще гадюка. Змея подколотная».

«Тогда зачем ты ее держишь?»

«А чтобы развлекала. Да и серпентарий надо иногда палкой шевелить. Это забавно».

Задумчиво:

«Знаешь, Ира, мне кажется, вы с моим мужем в чем-то очень похожи...»

Вот и кабинет, теперь можно сесть и вытянуть ноги. Пусть и под столом.

«Ну спасибо, очень лестное сравнение!»

«Не обижайся...»

Хорошо-то как!

«А ты хотя бы иногда думай, что говоришь. Я такой, как твой дражайшей супруг, никогда не стану. Жестокости не хватит. Что он там спрашивал-то?»

«Он назвал тебя сущностью. Спрашивал, почему я о тебе ему не сказала».

«А ты?»

Тихо и измученно:

«Расплакалась...»

О, правильный выход для любой женщины из любого затрудненного положения.

«Молодец! Шикарный ход!»

Так, а вот и Аннушка. Кругленький гламурный колобок двадцати пяти лет, одетый в легкое ситцевое летнее платье, выгодно подчеркивающее все ее немаленькие формы, подкатил к моему столу, привычно держа в правой руке свою извечную толстенную коричневую папку.

– Ирина Николаевна, документы на подпись. С вами хочет переговорить Всеволод Аркадьевич. Он на второй линии.

– Соедини.

К вечеру голова привычно гудела от многочисленных разговоров, разнообразных встреч, принятых и отмененных решений; мысли скакали весело и беспечно, как голодные пьяные блохи, да и самой больше всего хотелось напиться и забыть обо всем. Приехав домой, плюнула на привычный распорядок дня, налила себе виски и чокнулась со своим отражением в зеркале.

Да, Ирочка, умничка ты – пьешь сама с собой. Так и спиться недолго. Забыла про близких родичей: деда по матери, Ивана Кузьмича, отправившегося по какой-то своей пьяной прихоти поздней осенью после веселой гулянки за дровами и замерзшего в сарае, дядьку, Владимира Сергеевича, поспорившего после пол-литра с друзьями, что переплывет широкую бурную реку ради десяти бутылок водки, и утонувшего в этой самой реке, двоюродного брата Митьку, по пьяни решившего ночью полихачить, выпендриться перед ребятами, и свернувшего себе шею на мотоцикле? Тоже хочешь такую или похожую судьбу? А сто грамм виски все-таки хорошо расслабляет. Уже и жизнь не такой гадостью кажется. Так, где там моя обожаемая подушка?

Ирма:

После ухода супруга на меня с новой силой навалились усталость и тоска. Горничные ко мне не заходили, наверное, опасаясь мужа, и я сама не заметила, как снова провалилась в сон.

Ира, как обычно, была неотразима и очень уверена в себе. Отчитав меня за мое трусливое бегство, она окунулась в бурлящий водоворот бесконечных дел и встреч, и я только диву давалась, как у нее на всех хватает сил и выдержки.

Горничные меня разбудили ближе к обеду, но на этот раз в привычном мне распорядке дня появились некоторые изменения. Муж сообщил, что занят и к столу в этот раз не

выйдет. Мне он приказал подать еду в комнату, так как я, по его мнению, была чересчур слаба после вчерашнего происшествия.

Действительно, у меня очень сильно болело всё мое измотанное и избитое тело. Даже несколько шагов по комнате в сопровождении служанок были словно кара небесная. Не знаю, по какой причине, но супруг, обычно лечивший все мои возможные недомогания, в этот раз предпочел сделать вид, что не заметил тяжелого состояния жены. Надо сказать, я не противилась: мне не хотелось сегодня никуда выходить. Лежать в мягкой и теплой постели было намного приятней походов по длинным лестницам, коридорам и залам.

Мне приготовили суп на воде, легкий фруктовый салат и несладкий компот. Есть это было невозможно даже после сильного голода, но я все же заставила себя проглотить все поданное. Потом меня вновь оставили в покое, и я блаженствовала до вечера.

«Лентяйка. Ты что, весь день так валялась?»

«У меня все болит...»

«Ирма, не доводи до греха. Вставай и начинай заниматься. Хотя бы просто по комнате походи. Вчера была потрясающая физкультура, а сегодня ты снова лежишь. Ты ж снова салом зарастешь».

«Сил нет».

Продолжить разговор нам не дали: горничные привычно внесли на серебряном узорчатом подносе мой ужин: стакан

кефира и два пресных печенья.

«Это что??? Только не говори, что ты это ела весь день!!!»

Ну почему же именно это...

«Нет. Я не завтракала. На обед у меня были суп на воде, фруктовый салат и несладкий компот».

В ответ понеслись совершенно незнакомые мне и явно нецензурные выражения.

«Он тебя убить хочет? Нет, ты мне скажи, кто так жену кормит???»

Не пойму я ее...

«Ты же сама говорила, что я толстая...»

Долгое молчание, а потом ласковый такой тон, словно с душевнобольной разговаривает:

«Ирмочка, солнышко мое ненаглядное, если ты так все время питаешься и совсем-совсем не двигаешься, ты до старости точно не доживешь. Нет, я понимаю, может, у него такой хитрый план: уморить тебя голодом, чтобы наконец иметь возможность жениться повторно, но ты-то себя пожалей. Ты же так скоро ноги протянешь».

Несколько секунд сосредоточенно обдумываю сказанное. Потом уточняю:

«Так а что мне тогда делать?»

«Есть нормально и физкультурой заниматься. Оставь в покое этот ужин дистрофика. Вылезай из постели и начинай приседать и наклоняться. Не «не могу», а делай, что сказано. Ирма, ну вот кто так слезает. Тебе ж живот мешает. Таракан

ты беременный. На бок ляг. Не спать! Я с тобой не затем во-
жусь, чтобы ты храпака здесь давала. Легла? Умница. Теперь
на локоть обопрись и приподнимись. Так. Теперь сядь. Мо-
лодец. Ну а теперь и с кровати можно слезть».

Под мудрым руководством Иры я очень скоро самостоя-
тельно спустилась со своих перин и встала на полу.

«Отлично. Сначала наклоны. Ноги раздвинула на ширину
плеч. Да, вот так, правильно. Теперь начинай наклоняться
в разные стороны. Не так. Корпусом. Ну... Почти правиль-
но... Вот. Еще раз. Умница. Ладно, теперь приседай. Руки
вытянула вперед, на ногах держись. На ногах, я сказала! Ир-
ма!»

Да, я упала. Поскользнулась, не смогла удержать равнове-
сие и... Грохоту было...

«Поздравляю, подруга. – Мрачно прокомментировала
недовольная Ира. – Теперь сюда сбежится весь дом».

Ирина:

Ирма лежала на полу и тихо постанывала, напоминая мне
выброшенного на берег толстого старого кашалота, больного
сразу и одышкой, и астмой, вокруг нее суетились прибежав-
шие на шум многочисленные растерянные слуги, а я, нико-
го не стесняясь, ругалась и ждала. Очень скоро в коридоре
послышались уверенные мужские шаги. Ну-ну. Сейчас будет
самое интересное...

Он зашел. Встал снаружи возле дверей. Произнес всего

одно слово, но зато какое!

– Вон.

Как он это сказал. К проходу тут же рванули все. Даже Ирма испуганно дернулась. Нет, ну какой мужчина, а? Самец просто. Гамадрила или орангутана.

Легкое движение руки – и многокилограммовая туша, носившая звание его супруги, с пола сама переместилась в постель, в свою любимую позу, пузом кверху.

– Ирма, что случилось? Почему ты не позвала слуг?

Хороший вопрос. Да не молчи ты.

– Я... Простите, Ваше Сиятельство...

Нет, этот человек явно не умеет мимику скрывать. Вон как его перекосило от обыкновенного вежливого обращения.

«Ирма, ты опять со всем своим весом на его больной мозоли потанцевала?»

– Ирма, ты слышала, что я сейчас сказал? Почему ты не отвечаешь? Или, – пронизательно так, – ты не одна? Эта женщина, Ирина, она здесь? Позови ее.

«Ирма, не смей! Я каждый день общаться с твоим мужем не подписывалась! Ирма!»

Вот же. Предательница.

– Ира?

И как догадался-то. Умник.

– Какая у тебя жена послушная. Когда ей это надо. Абдулла! У тебя ласковые жёны! Мне с ними хорошо!

Не понял. Стоит моргает. Филин сонный.

– Не бери в голову. Это мой местный фольклор. Что ты хотел?

Смотрит, как палач на уже выбранную жертву.

– Что ты делала с моей женой?

Он совсем больной на голову?

– Прости? Я? А может, ты? Что ты с ней делаешь? Кто ж так с человеком обращается?

Хмурится:

– Я тебя не понимаю. Она на всем готовом живет. Что не так?

Он вот сейчас издевается, да?

– Не так? А то, что она не двигается и заплывает жиром от бездействия, а то, как ее кормят? На этой еде прожить невозможно! Сам-то что ешь?! Мясо с кашами, небось?

О! Глядите-ка на него. Мы-то, оказывается, и смущаться умеем, когда нам надо!

– Но она молчит! Её все устраивает!

Отличная отговорка. Сказал – и сразу все довольны.

– Угу, конечно. Устраивает. Боится она тебя, вот и подчиняется. Слова поперек не скажет. Трусиха.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему она меня боится?

Они что, оба-два, сговорились?

– Ты у нее спросить не пробовал? Мне-то откуда знать?

Отводит глаза.

– Спрашивал. Она или молчит, или рыдает.

«Ирма? Ирма, голосок подай, бриллиантовая моя. Что значит, «не знаю, как ему объяснить»? С мужем, вообще-то, разговаривать надо, хотя бы изредка, а не упорно в молчанку играть, чудо ты мое безголосое».

– Слушай, а чем ты занимаешься?

Нет, а что я не то спросила? Что так тарашиться-то? Глазки ж из глазниц вывалиться могут.

– Она тебе не рассказывала?

А должна была?

– Что не рассказывала? Сказала, что ты маг. Она, похоже, и имени твоего не знала, пока ты не представился мне в лесу. Все «муж» и «муж». Ну или «супруг».

Ох. Язык мой – враг мой.

«Прости, Ирма. Я его, похоже, все-таки довела. То ли до бешенства, то ли до инфаркта, еще не поняла. Вон как позеленел весь, словно лист стал. Банный».

– Меня зовут Вартариус! Я – советник Императора и главный маг в этой стране! Черный маг!

Упс... А патетики-то сколько...

– Черный маг – это младенцев режешь? Ну тогда понятно, почему она тебя...

Ой. Он теперь не зеленый. Он теперь серый. "А если его стукнуть, он станет фиолетовым в крапинку!"

«Ирма, солнце, я тебя обрадую: он скоро коньки отбросит.

Будешь богатой вдовой».

– Ты хочешь сказать, что в твоём диком мире черные маги убивают детей???

Шикарный вывод. А логики-то...

– В моем «диком мире» нет черных магов. По крайней мере, настоящих.

Так, все, мне пора. Да здравствует будильник.

Глава 3

Чего ты дожидаясь? Исполнения всех желаний? Такое время не наступит! Такова цепь желаний: одно родит другое. Сенека

Ирма:

Они общались друг с другом, словно хорошие старые знакомые. И Ира его не боялась. Совсем. Даже несмотря на то, что он – черный маг. Это было очень необычно для меня. И что самое удивительное – он терпеливо сносил ее панибратский стиль общения, никак не пытаясь наказать за сказанное. А потом Ира исчезла. Он это мгновенно почувствовал и требовательно уставился на меня:

– Я жду, Ирма.

Я вздрогнула:

– Чего, Ваше Сиятельство?

Супруг недовольно передернул плечами:

– Как у тебя это получается? В твоих устах мой титул

звучит, как форменное издевательство. Ты действительно не знала, кто я? Не помнила моего имени?

Зачем он задает такие вопросы? Для чего ему знать это? Что мне теперь отвечать? «С мужем надо разговаривать», – вспомнились мне недавние слова Иры, и я решилась:

– Мне никто никогда не называл ни вашего имени, ни вашей должности.

– Что за чушь? – нахмурился муж. – Я еще не впал в ма-разм и прекрасно помню, как представлялся твоим родителям.

Я и не говорю, что не представлялись...

– Вполне возможно. Но они не видели никакого смысла сообщать это мне...

Он изумлен:

– То есть как? Они должны были сразу после моего сватовства подробно объяснить тебе, кто станет твоим мужем, затем спросить твоего согласия и обязательно удостоверить-ся, что ты не против моей кандидатуры. Таков закон!

Он это серьезно?

– Меня просто поставили перед фактом.

Не верит. Смотрит, будто я намеренно его обманываю.

– Мартиус ранос дорт Ведернес – старший судья в нашем государстве. Ты хочешь сказать, что в своей семье он не придерживается им же самим одобренных законов?

Я... Я ничего не хочу сказать... Меня вообще учили, что при муже надо побольше молчать и поменьше разговаривать,

так как его мое мнение интересовать не будет...

– Вы об отце? Я... Я не знаю, правда. Просто рассказываю, как тогда было...

Что? Что я не так сказала? Почему он не меня так странно начал смотреть?

– Отец тебя бил?

Я вспыхиваю и отвожу глаза. Мне трудно об этом говорить. Я не хочу вспоминать.

– Ты потому меня и боишься, вздрагиваешь от любого моего движения, что думаешь, что я тоже буду тебя наказывать за любую провинность? Боги, Ирма, это же нонсенс! Я за всю свою жизнь ни разу не поднял руку ни на одну женщину!

Откуда мне знать? Мать всегда учила меня, что мужчина – бог в своей семье, что он может делать все, что пожелает. Не понимая, почему, я говорю это мужу и вижу в его глазах изумление.

– О, Небо. На дворе 34-й век от всеобщей свободы, мы живем в просвещенной Антонии, а не в варварской дикой Рамии, и что я слышу сейчас от своей жены??? Ты что, все годы нашего брака жила, следуя этой глупости??? Мужчина – бог! Ирма, я хоть раз за все время совместного проживания дал тебе малейший повод меня бояться??? Нет??? Так почему же ты все это время молчала???

Он старается говорить спокойно, но я вижу, что он раздражен, что разговор ему неприятен. Я не знаю, что ответить. Единственное, что я могу, это попросить:

– Простите, Ваше Сиятельство.

Он снова хлопает входной дверью...

Ирина:

Да, нормальная зарядка в этот раз, увы, не удалась. Ну и ладно, подумаешь. Зато продуктивно пообщались с великим и могучим черным магом. Самомнения и наглости у него выше крыши. А вот чувства юмора, похоже, в помине нет. Или он совсем не ждет от своей жены шуток, поэтому и тупит постоянно?

Привычные чашка кофе и пара тостов, несколько яблок в пакет, и можно ехать на работу.

– Ирина Николаевна, к вам Антон Валерьевич.

У меня дежа-вю. Вот что ему еще понадобилось, если встречаемся мы только вечером?

«Соскучился».

О!

«Привет безвинным жертвам тяжелого физического труда! Слушай, Ирма, пообщайся с ним, а? А то я не сдержусь, отправлю его... бабочек ловить».

Тихий смешок, и встречает обнаглевшего папенькиного сынка не бизнес-леди Ирина, а тихая скромница Ирма.

– Ирочка, я скучал!

Повторяетесь, молодой человек.

– Доброе утро, Тоша.

И глядит так, будто перед ней давно обещанный долго-

жданый десерт вроде шоколадно-клубничного мороженого. Вот же... Соблазнительница-тихоня...

«Ирма, ты что, бандитка, делаешь??? Ты мне партнеров развращаешь! Он же сейчас весь пол слюной закапает!»

«Ты развлекалась, теперь я хочу».

Ну и кто она после этого???

– Ирочка...

Смотрите-ка, и говорить стал тише, с каким-то особенным придыханием. Вот что это такое? Устроили здесь полигон для испытания новейших поз из Кама-сутры.

– Тоша, что-то случилось? Мы ведь договаривались увидеться этим вечером.

– Я подумал – зачем тянуть. Время сейчас раннее. Может, позавтракаем?

Угу, а потом сразу же и поужинаем. И вообще не будем до завтра из постели вылезать. Мечтатель.

– Буду рада, – и глазками так хлоп-хлоп. Кокетка. А он уже и на задние лапки встал. Вон как дверь сразу же галантно открывает. Хорошо хоть, не зубами.

– Аннушка, я задержусь немного, – и походкой от бедра на выход. Да уж, пусти козла в огород...

«Блин, Ирма... Ты чем занимаешься сейчас, а? Мужики все вон челюсти на пол пороняли. Мне ж теперь собственные сотрудники проходу не дадут!»

Наставительноно:

«Мужское внимание должно льстить женщине».

Умная, да?

«Да что ты говоришь? А как мне потом с этими озабоченными работать?»

Нет, этот вопрос моему альтер-эго, похоже, совершенно не интересен...

Между тем эти голубки вышли на стоянку. Антон всю дорогу так и вертелся юлой возле своей спутницы, стараясь предугадать малейшее её желание.

– Ирочка, прошу. Мой «зверь» в короткое время довезет нас, куда нужно.

Села. Она села в чужую машину. Да, пусть это лексус, но это не мое авто!

«Ирма, а возвращаться я как буду?»

Похоже, вопроса она не поняла.

«Так же. Очень удобно, кстати».

Зараза.

«Что это?»

«Где?»

«Эти звуки...»

Прониклась, да?

«А... Это тяжелый рок. Привыкай, подруга. Он только это и любит в музыке».

– Тоша, ты слушаешь это? – и в голосе разочарование и обида, как у ребенка, которому пообещали вкусную конфету, а подсунули пустую обертку.

– Ирочка, тебе не нравится? Сейчас выключу.

Ты смотри-ка. Действительно мгновенно выключил. Крепко же она его на крючке держит, если от любимой музыки так быстро отказался.

– Спасибо, милый. – И многообещающая улыбка.

«Ирма, он за рулем, вообще-то. Не отвлекай парня. А то врежетесь во что-то. Будет бо-бо».

«Прости. Забыла».

В общем, завтрак прошел весело: Ирочка, ты это будешь? А вот это? Ирочка тебе точно удобно? Ирочка, тебе не дуется? Ирочка – то, Ирочка – се. А Ирма все это время сидела королевишной, мягко улыбалась в ответ на большинство вопросов и предложений и благосклонно принимала мужские знаки внимания.

Проблемы появились уже в конце свидания, когда в ресторане вдруг возник, словно из-под земли вырос, Славик. На этот раз, видимо, ради разнообразия, один. Он что, следит за мной?

Подошел, склонился над Ирмой, невежливо проигнорировав мгновенно набычившегося Антона:

– Доброе утро. Ира, нам нужно серьезно поговорить.

И хозяйским жестом отодвинул стул, давая возможность выйти из-за стола. Ирма благоразумно осталась на месте, только недоуменно взмахнула ресницами:

– Доброе утро, Слава. Не думала тебя здесь встретить.

И все так спокойно, равнодушно, будто не с бывшим возлюбленным беседует. Мужчины нахмурились оба.

– Ира, кто это? Вы знакомы?

– Это? Тоша, позволь тебе представить моего бывшего любовника...

«Вячеслава»

– ... Вячеслава. Слава, это Антон, мой парень. Извини, но мы сейчас заняты.

Это лицо. Вот жаль, у меня фотоаппарата под рукой нет, или видеокамеры. Я бы на память сняла, хотя и так вряд ли забуду, заодно и всем знакомым показала бы. Самоуверенность, решительность, твердость – все слетело сразу, как шелуха от семечек. Красавец и спортсмен стоял растерянный, снова и снова широко открывая рот, и не знал, что предпринять: его бывшая возлюбленная мило щебетала с другим, только что четко обозначив его роль в своей жизни: бывший любовник. Да еще и полное имя забыла.

Ирма:

Мне было очень весело. А еще я впервые в своей жизни чувствовала себя желанной, хотя и понимала, что смотрит Антон не на меня, а на Иру, и видит перед собой именно ее ухоженное тело и лицо. Но я запретила себе думать об этом и просто наслаждалась и поездкой в машине, и неспешной беседой, и завтраком в ресторане. Появление бывшего Иры внесло нотку пикантности в нашу встречу. Нет, я не расстроилась. Наоборот. Теперь Антон поймет, что его женщина желанна не только им. И не только он добивается ее.

Славик мне не понравился. Слишком груб, прямолинеен и неотесан. Странно, что такая изысканная женщина, как Ира, смогла когда-то влюбиться в него. И, похоже, давние чувства все еще тлеют под налетом времени.

Из-за загруженности мужа завтракали мы сегодня довольно поздно, и у меня было достаточно времени, чтобы поваляться в постели, предаваясь воспоминаниям.

Завтрак на это раз довольно неожиданно порадовал меня неполной тарелкой жидкой каши, пусть пока и овсяной, небольшим куском мягкого сыра и двумя паровыми котлетами, совершенно пресными и несолеными. Что ж, хоть так. Но отбивная в ресторане в мире Иры все равно была вкусней.

– Милая, как ты себя чувствуешь? – На этот раз в голосе моего супруга появились эмоции: что-то, хоть и отдаленно, но похожее на настоящее беспокойство.

– Благодарю, Ваше Сиятельство, сегодня – намного лучше.

Я ни капли не солгала. Мне действительно было лучше: мышцы болели уже не так сильно, да и встать с кровати я могла уже без посторонней помощи.

Мужа мое обращение не устроило, но при слугах он не стал меня поправлять.

– Я зайду к тебе после завтрака.

Зачем? Что ему у меня понадобилось? Я же обычно провожу это время со своими фрейлинами...

«Ирма, не трусь. Может, он просто поговорить хочет».

«О чем..?»

«Ну мало ли. Ты, например, уже знаешь, кто пытался тебя убить? Нет? Вот и тема для беседы».

Ира ошиблась. Но уж лучше бы она была права.

Позавтракав, я позволила горничным отвести себя наверх. Там с меня сняли платье и помогли надеть домашний шелковый халат с глубоким вырезом и длиной чуть выше колена, в котором мне и надлежало ждать мужа.

«Ирма, прекрати трястись. У вас с ним совсем недавно была ночь любви. А ты сама говорила, что чаще одного раза в месяц он у тебя не появляется. Так что глубоко вдохни и успокойся».

Супруг пришел через несколько минут, внимательно посмотрел на меня, покачал головой и спросил:

– У тебя есть что-то более приличное?

Все, что я смогла сделать, – это похлопать глазами на такие слова. Ира внутри хмыкнула:

«Правильно говорит, между прочим. Твой халат – сплошная порнография. Не совращай мужика».

Не дождавшись моего ответа, муж измученно вздохнул, что-то пробормотал под нос, и на постель упал... спортивный костюм очень большого размера.

– Я сейчас позову слуг. Они тебя переоденут.

– Не надо. – Я сама нее поняла, как эти слова вырвались у меня. Отчаянно покраснев под удивленным взглядом супруга, я опустила глаза и пробормотала:

– Я сама могу...

Муж пожал плечами:

– Хорошо, я подожду в коридоре.

Переодевание заняло какое-то время, но я все же справилась, пусть и с помощью Иры.

Вот уже несколько минут я усердно пыталась заниматься физкультурой, старалась тщательно выполнять все приказы мужа, слушала все, что он мне говорил, но выходило не очень.

Удостоверившись, что я переоделась, супруг открыл портал и перенес нас на какой-то полигон, уставленный непонятными мне устройствами, по которым и начал меня гонять.

У меня не получалось, муж нервничал, хоть и не показывал этого, Ира давала советы, но я просто не знала, что и в какой последовательности выполнять.

«Ирма, ну вот кто так прыгает? Ты же все кости себе переломаешь. В прыжке надо группироваться, а не валиться мешком с соломой. Так, все ясно. Уйди. Дай я побегаю».

– Ира!

«Вот же обормот. Быстро все понял».

Остановившись возле мужа, подруга поинтересовалась, пока еще вполне мирно:

– Да? Слушаю внимательно.

В ответ – обвинение.

– Зачем ты ей помогаешь? Она должна выполнять все са-

ма!

Вот теперь уже Ира задиристо прищурилась, явно собираясь высказать моему супругу все, что о нем думает:

– Варт, вот ответ мне честно: каким именно способом ты собрался отправить ее на тот свет – голоданием или непомерной физической нагрузкой? Да нас в университете так не гоняли, как ты ее сейчас!

Удивленно:

– Ты училась в университете?

Подруга фыркнула:

– Представь себе, да. Я вообще девочка, не по годам умная и образованная, это многие замечают, правда, не всегда успевают соответствующе отреагировать. Но не уходи от ответа, пожалуйста. Как именно ты ее хочешь угробить? Варт, она всю жизнь лежала и ела. Плюс изредка массаж. Да с такой нагрузкой она не встанет ни завтра, ни послезавтра.

Мой муж досадливо нахмурился:

– То есть, ты считаешь, что ей это еще рано? Но меня учили именно так!

– Не знаю, кто и чему тебя учил, но твоя жена такого обращения с собой точно не выдержит.

Ирина:

Выходной! Какое сладкое заветное слово! Я все-таки дожила до него! На сегодня, к сожалению, обещали сырость и дождь, так что байк отменяется. Зато у меня есть лошади.

Впервые на конюшню я попала в одиннадцать лет: жила у тетки, родной маминой сестры, в селе летом, и вместе с тем самым двоюродным братом, что потом пьяным разбился на мотоцикле, интереса ради пошла с ним в местную конюшню. Брат приятельствовал с конюхами и частенько бывал там. Я же тогда очутилась в этом дивном мире впервые и влюбилась в него навсегда.

Лошади. Стройные, красивые, величавые животные. Именно в то лето деревенские конюхи научили меня держаться в седле, тогда же я начала ездить на этих прекрасных длинноногих созданиях и поняла, что никогда не смогу их разлюбить. С годами моя страсть только окрепла.

Иметь в городе лошадь нельзя, а вот бывать на конюшне пару-тройку раз в месяц – очень даже можно. Конюхи меня уже знали, я приезжала в костюме для верховой езды, брала своего каурого Ричарда с длинными пушистыми ресницами и мягкими ласковыми губами и могла часами наслаждаться ездой.

Сегодняшний отдых удался на все тысячу процентов: обещанного дождя так и не было, а вот несильный прохладный ветерок и темные тучи на небе сбили летнюю жару, так что я не боялась запечься и вся отдавалась общению с Риччи.

Домой я приехала, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела. Зато удовлетворение от прошедшего с пользой дня и радость, оставшаяся после общения с лошастью, просто переполняли меня.

Теплый душ, стакан кефира, и можно ложиться спать.

– Ты уверена, что здесь мы можем говорить спокойно?

– Конечно. Эта дура нас точно не услышит: она всегда храпит по ночам без перерыва.

– Ладно. Что она сказала?

– Что одна провалившаяся попытка еще ничего не значит.

Нам надо потрудиться, если мы хотим заработать эти деньги.

Её нужно вывезти из дома и убить где-нибудь по-тихому.

– Как, интересно?

– Ты же знаешь, что это только наши проблемы. Арк и Стэн говорят, что больше не хотят иметь с ней дело: ее пока оттащишь, спину себе сорвешь. А кого-то другого привлекать опасно – могут сдать. Так что давай думать. На все у нас дня три, не больше. Потом он снова придет к ней, и она хочет уже тогда его утешить.

Дверь за заговорщицами закрылась, голоса затихли. Какая интересная информация.

«Ирма, ты спишь?»

«Уже нет. Ира, кто это был?»

«Хороший вопрос. Видимо, кто-то из твоих служанок приходил. Меня больше интересует сейчас, по чьей инициативе они хотят тебя убить. Так. Падай».

«Что?»

«Перекатывайся на постели и падай на пол. По-другому мы твоего мужа не дозовемся, а он здесь и сейчас ой как нужен. А как упадешь, передавай контроль мне. Ты все равно

нормально с ним поговорить не сможешь».

На грохот упавшего тела через несколько секунд сбежались практически все домочадцы, а вслед за ними практически сразу пожаловал и сам господин великий черный маг. Странно, а что это он в спортивной одежде? Не спал, что ли? В такое-то время? Очень интересно...

Выгнав прислугу, герцог магией поднял жену на постель и первым же делом заглянул ей в глаза.

– Ира. Конечно. – Красивые полные губы чуть презрительно скривились. – И почему я не удивлен. Чем вы тут занимались? Опять зарядку делали?

– Нет, – хмыкнула я, ничуть не огорченная подобным «теплым» приемом со стороны «великого и ужасного мага и советника императора». – Думали, как твою ненаглядную супругу от наемных убийц уберечь. Ты в курсе, что ее и в доме достать хотят?

Варт изумленно вскинул брови:

– Откуда такая информация?

– Да вот, услышали несколько минут назад один необычайно интересный разговор двух местных служанок. Очень уж им деньги нужны. А за Ирму, похоже, неплохо платят. А кстати... Ирма, солнышко, ты знаешь, сколько у твоего мужа любовниц в этом городе? Не уверена, но думаешь, что пять? А не многовато?

Красивое мужское лицо исказила недовольная гримаса. Я с трудом сдержала усмешку: да уж, как же, непонятно кто

подумал усомниться в его мужской силе. Позер.

– При чем здесь это? Тебе не кажется, что это личное и тебя уж точно не касается?

– Не касается, естественно. Хоть двадцать пять пусть будет, – легкомысленно пожала я плечами. – Тебе с ними во- зиться. Я понять хочу, кто из них задумал твою жену убить. Очень уж кому-то хочется на ее место прыгнуть.

– Что за чушь? Любовницы, если ты еще не поняла, как раз и появляются в дополнение к жене!

– Да что ты говоришь? То-то в моем мире эти дополнения готовы пойти на многое, чтобы на месте законной супруги оказаться. Хочешь сказать, у вас здесь женщины другие, не умеют ни чувствовать, ни желать, ни добиваться поставлен- ной цели? Да, еще вопрос: ты к кому-то конкретно намылил- ся через три дня, или просто гулять по бабам пойдешь, как тот кошак мартовский?

– Твоя речь, – скривился герцог. – Ты говоришь сейчас, как будто выползла из грязной вонючей подворотни.

Потом смысл моего вопроса все же дошел до Его Сиятель- ства, и мужчина запнулся.

– Илзе? Ты хочешь сказать, что это она задумала убий- ство? Глупости. Не может такого быть. Она мне постоянно твердит, с самой первой нашей встречи, что уж куда-куда, а в жены не хочет, что привыкла к свободному образу жизни.

– Угу. И ты, конечно, купился. Ничего я не хочу сказать. Это служанки здешние твердо уверены, что у них осталось

всего лишь три дня, чтобы заполучить деньги, а потом тебе понадобится утешение у одной крайне расчетливой и хитрой особы. Так что думай, Варт, кто тебе в этой ситуации дороже: супруга или одна из твоих куколок.

Ирма:

Меня пыталась убить любовница мужа... Вернее, одна из них... В сознании эта информация упорно не желала укладываться, но интуиции Иры я верила безоговорочно. Боги, какая невероятная глупость. Зачем это той женщине? Что у нее вообще в голове? Мужчины-аристократы в нашей стране своих любовниц всегда брали исключительно из рядов шикарных малообразованных дам полусвета: швей, белошвеек, актрис, певичек, цирковых акробаток и прочего разного обслуживающего персонала экстра-класса. Ни один уважающий себя аристократ, даже давно полностью разорившийся, никогда, ни при каких обстоятельствах не женится ни на одной из них, пусть даже и по нелепой случайности невероятно богатой. Это не просто дурной тон. Это... Ну как если бы человеку предложили сочетать себя узами брака с домашним любимцем: хомячком, собакой или кошкой. Потискать животное можно, приласкать – тоже. Но жениться на нем? Бред полный. Ни в одном храме жрецы ни за что не пойдут на такое нарушение всеобщего закона. Да и в общей государственной метрике данная брачная запись просто не появится: боги ни в коем случае не допустят подобного необычай-

ного мезальянса.

Муж ушел из дома рано утром, предварительно отдав прислуге четкое указание не заходить ко мне в комнату без моего на то приказа. Я такого приказа не отдавала, так как никого видеть не хотела, и все время или лежала в постели, или пыталась делать зарядку так, как меня учила Ира. Получалось, правда, не очень, но зато было хоть какое-то занятие, два и мышцы начали меня немного слушаться.

Обед мне по звонку принесли в комнату: та же каша, те же котлеты. Плюс несладкий кисель. Я проглотила всё за считанные секунды и поняла, что в этот раз не наелась. Но больше мне ничего не полагалось, так что пришлось остальное время оставаться голодной.

Ближе к вечеру в мою комнату зашел супруг, уставший, мрачный и злой. Взмахнув рукой, он создал на противоположной стене большой магический экран, на который спроецировал свой разговор с одной из любовниц. Я не совсем понимала, зачем мне нужно видеть это, но отказаться не посмела и покорно начала разглядывать невысокую, красивую особую, какой-то роковой красотой женщину средних лет с тонкой талией и пышными формами, нескромно выпирающими из-под ее домашней одежды. Она празднично сидела на узкой, оббитой зеленым шелком софе в пошло и безвкусно обставленной большой комнате, видимо, будуаре, и явно бездумно смотрела в окно.

– Милый! – немедленно подскочила она, удивленно и рас-

терянно улыбаясь, как только мой муж широкими шагами зашел в комнату.— Я не ждала тебя сегодня...

Супруг резко вскинул руку. И женщина тут же замолчала, хотя пыталась мычать. Он лишил ее дара речи? Просто так, даже без санкции суда? Боги...

— Ты пыталась убить мою жену. Не отрицай. Мне это известно. Зачем, Илзе? Неужели ты думала, что сразу после этого я немедленно женюсь на тебе?

Последнее слово было выделено особой, презрительной интонацией. Щеки у женщины ярко вспыхнули, видимо, от негодования и раздражения, и я поняла — да, именно так она по наивности и глупости своей и думала. Впрочем, поняла не я одна: муж посмотрел на свою собеседницу с откровенным омерзением.

— Ты — глупая дешевая театральная певичка, годная только на то, чтобы скрасить мне пару скучных вечеров, необразованная дура без положения, связей и состояния. Ты действительно надеялась, что я могу променять свою жену на такую идиотку, как ты?

Я почувствовала, как кто-то внутри меня при этих словах хмыкнул, причем довольно скептически. Ира? Я не заметила, когда она успела появиться...

«Пусти. Сейчас цирк будет. Надо с него спесь сбить».

Цирк? Спесь? Ничего не понимая, я послушно уступила подруге место, продолжая внимательно смотреть, как на экране мой супруг связывается по магофону с начальником

магического и немагического сыска, своим приятелем Аароном верт лон Вартом, затем открывает портал и передает все так же тщетно мычавшую испуганную женщину в руки последнего, параллельно кратко обрисовывая сложившуюся ситуацию. Экран наконец погас, а потом и полностью исчез, и супруг вопросительно повернулся ко мне, явно ожидая от меня какого-то особенного поведения или необычной реакции.

Еще один тихий смешок-хмыканье, и Ира, лукаво улыбнувшись, вдруг начинает задорно хлопать в ладоши, имитируя бурные аплодисменты в театре. Муж вздрогнул, растерянно взглянул мне в лицо и тут же поднял глаза к потолку:

– Опять. Вот за какие грехи?

– Тебе перечислить? – Коварно сощурилась подруга. – Да без проблем. Я могу. Только, боюсь, списки грехов у нас будут различаться.

Обреченное:

– Изыди, демон.

– Сам ты демон. – Ничуть не обиделась Ира. – Показал жене, как расправился с одной из кучи любовниц, и теперь невероятно горд собой. Молодец, возьми медаль и на шею повесь.

– Слушай, уйди, а?

– Да без проблем. Дашь выпить – уйду.

Что?

– Что? – это уже муж. – Зачем тебе спиртное?

– Так хочется же, в честь такого знаменательного события. Отпраздновать, так сказать.

Сарказм супруг понял, но предпочел не заметить, вместо этого взмахнул рукой, и на постели появилась пыльная бутылка с одиноким хрустальным бокалом.

– Это что? – с любопытством уставилась на выпивку Ира. – Хотя лучше открой, я сама попробую. Ммм... Виски. Да еще и старый. Слушай, ты точно волшебник.

Я почувствовала, как в горло полился горячительный напиток. Была бы на ее месте я, точно закашлялась. А Ира, наоборот, после первого глотка выпила еще и вдруг, отставив бокал подальше, запела, но не долго и протяжно, как поют в наших театрах, а как-то резко, весело, зло:

Ой, сударыня, разбой-разбой-разбой,
Полюбил меня детина удалой!

Мой супруг вздрогнул от неожиданности, а затем раздраженно поморщился:

– Ирма, угомони подругу!

Я лишь удовлетворенно ухмыльнулась внутри своего тела, наблюдая со стороны за этим безобразием и получая несказанное удовольствие от того, что кто-то наконец-то смог найти управу и на моего богами данного мужа.

– Чей-та? – между тем бесшабашно поинтересовалась довольная жизнью Ира, и мне показалось, что алкоголь уже на нее подействовал. – Я девушка свободная: хочу – пью, хочу – пою.

И тут же, продолжая свою песню:

Он схватил меня в охапочку,

Положил меня на лавочку...

(Г.И. Успенский. «Народное гулянье во Всехсвятском»)

– Хватит! – нервы мужа сдали быстрее, чем я рассчитывала. А жаль. Песенка мне понравилась, даже несмотря на ее пошловатое содержание. – Что это за чушь? И почему ты ее так орешь?

– Не ору, а пою! Между прочим, я музыкальную школу на отлично закончила! – обиделась на такие вопросы подруга. – И вовсе не чушь, а самый что ни на есть народный фольклор моей страны. Книжки надо умные читать!

– Хочешь сказать, у вас в книжках такое пишут???

– Тю. У нас и женщин голых в книжках рисуют, не то что такие невинные стишки печатают.

– Пропавший народ!

– Угу. А у самого-то глазки вон как сразу заблестели.

Муж смутился.

– Странный у вас мир, – буркнул он недовольно.

Ирина:

Как дите малое, право слово: похвалили меня, дражайшая моя супруга, за то что я пересилил себя, так сказать, нашел в себе силы передать одну из нескольких своих дорогостоящих любовниц в руки правосудия. И ведь обиделся на вполне справедливую реакцию. Демон, ага. Сам ты демон, да еще

и безмозглый. И вообще, сидит тут ворчит, насупился, как филин, все его не устраивает: зачем тебе пить, что ты поешь? Да тебе-то дело какое? Я, вообще-то, к жене твоей пришла, а не к тебе, мачо-чернокнижник. А кстати...

– Слушай, а тех двух служанок, что Ирму убить хотели, ты тоже поймал?

Задумался? Это означает «нет»? Что ж тогда горным коз-ликом скачешь?

– Вы с Ирмой сможете их опознать?

Я пожала плечами:

– Если только по голосам.

Кивнул:

– Хорошо. Я сейчас соберу и рабов, и слуг в общем зале, и ты послушаешь их всех.

– Это как? Так и сообщим, мол, дорогие домочадцы, у нас сегодня вечер прослушивания?

Хмыкнул. Ну хотя бы на юмор реагирует. Уже, значит, не все запущено.

– Я скажу, что у Ирмы пропало кольцо. Пусть каждая из служанок расскажет, где была вечером.

Шикарно придумано...

– Идеальный предлог, угу. Ничего поумней придумать не смог? Но... Может и сработать...

Дом, конечно, богатый... Но вот кто его обставлял...

«Не я. Его мать и бабка».

«Да уж, вкуса у них явно мало, зато денег чересчур много».

Хотя, конечно, выглядит лучше, чем у этой певички. Но все равно кичливо и аляповато».

Трехэтажный дом был обставлен в стиле «хоромы-люкс», как я люблю говорить: его владельцы прежде всего выпячивали свое высокое положение и весьма неплохое денежное состояние, но жить в таком «музее», холодном и безжизненном, я бы лично ни за что не смогла: сбежала бы на четвертые сутки.

Первый этаж был полностью отдан под вычурно обставленные залы для приема гостей, скромный и темный кабинет хозяина, огромный крытый бассейн, забитую техникой кухню и богато украшенную столовую, вполне современные ванную и туалет для гостей и слуг и несколько небольших узких комнаток для прислуги.

На втором этаже непосредственно располагались жилые комнаты для хозяев и их нечастых гостей, обставленные по-разному, но все – украшенные золотыми и серебряными орнаментами. Вот явно роду деньги девать некуда. Тут же находились и санузлы для хозяев.

Третий этаж занимали крытая оранжерея с цветущими круглый год цветами, библиотека, забитая литературой на самые разные темы, и спортивный зал со смещаемой крышей.

Плюс еще были подвал и чердак, где хранили такое количество разнообразных припасов, что один этот дом мог в полной осаде прожить несколько лет.

В общем, можно утром выйти из подвала и к вечеру добраться до чердака.

Ирма тихо хихикнула в ответ на мое сравнение. Я же величественно плыла по лестнице под руку с Вартом. Холодная, неприступная сволочь – вот как сейчас выглядел муж Ирмы. И надо сказать, эта маска ему шла: по крайней мере, можно было точно сказать, взглянув ему в лицо, чего от него ждать... Еще будучи в комнате жены, он с помощью магии вызвал к себе мажордома, внешне и повадками похожего на хозяина, и приказал собрать и слуг, и рабов в общем зале.

К нашему приходу слуги уже выстроились в два ряда: в первом стояли свободные люди, находящиеся в услужении за плату или стол и кров, во втором – бесправные рабы. Причем последние от первых отличались лишь ошейниками. Все остальное, включая чепчики у женщин и серые робы у обоих полов, было одинаковым.

– Моя жена обнаружила, что потеряла одно из своих колец. Сейчас каждая из служанок выйдет и отчитается, где и в какое время она была этим вечером.

Девушки и женщины, подчиняясь приказу, стали выходить по очереди и подробно докладывать о своем распорядке дня. На свободных слуг ни я, ни Ирма никак не отреагировали. А вот рабы...

«Вторая и четвертая...»

«Значит, мне не показалось. Отлично».

Обычные, ничем не примечательные женщины лет трид-

цати-тридцати пяти. Стоят, крепко сжав руки, сложенные над передником, уставившись в пол, не смея поднять глаза на хозяев. Среднего роста, настолько худые, что роботы болтаются на них, как на вешалках, с измученными, уже морщинистыми лицами. В общем, как убийца лично я совсем бы их не рассматривала.

– Милая? – обратился ко мне Варт, когда закончила говорить последняя рабыня.

– Рабы, вторая и четвертая, – четко ответила я. Маг кивнул и протянул руку по направлению к женщинам. Из его пальцев немедленно вырвались длинные темно-синие лучи, окутавшие провинившихся рабынь плотным коконом.

– Остальные свободны, – последовал очередной приказ. Жуткий у него тон все-таки, сразу видно – черный маг. Чельдь мгновенно разбежалась по комнатам и служебным помещениям, стремясь быть как можно дальше от явно чем-то недовольных хозяев. Сам Варт резко повернулся и направился в свой рабочий кабинет. Я шла рядом, с трудом понимая, что же произойдет и каково будет наказание. Рабыни покорно следовали за нами, как собаки, на коротком поводке, не имея никакой возможности пошевелиться или заговорить.

Всё та же мрачная комната с магическими шарами под потолком, дающими рассеянный свет, и жутким непонятным плотоядным растением у входной двери. Муж Ирмы по-хозяйски уселся в свое кресло, я умастилась на стуле, женщин, молчаливых и испуганных, все так же превращенных в цвет-

ные коконы, магия по приказу хозяина поставила у стола.

– Я, герцог Вартариус ранос дорт Антариониус, советник Императора и его правая рука, сильнейший маг Антонии, – начал чернокнижник, причем говорил медленно, громко, внятно, словно судебный приговор зачитывал, – обвиняю своих рабынь № 567 и 342 в предпринятой ими неудачной попытке убийства моей супруги Ирмы ранос дорт Антариониус, урожденной Ведернес. Властью, данной мне Императором, приговариваю обеих к немедленной смерти.

Взмах рукой – и от двух перепуганных женщин осталась только маленькая кучка пепла на ковре. О-х-х-х... Это даже не Темные Века, это варварство полное... Вот так вот испепелить обеих женщин... Без суда и следствия...

– Ира, дыши. Жена мне живой нужна.

Сказать бы ему всё, что думаю, но я прекрасно понимаю, что он здесь в полном своем праве. Феодал, твою ж мать. Рабовладелец хренов. Ненавижу таких самовлюбленных умников.

– Виски дай. – Блин, что ж так голос хрипит-то? Каркаю, как больная ворона.

Варт как-то странно на меня покосился, но драгоценный напиток все же оказался на столе. Ну что ж, будем лечиться...

Ирма:

Рабов при мне никогда не убивали. В моей семье публич-

ная казнь провинившейся челяди считалась дурным тоном, но об этой процедуре я слышала часто. Поэтому действия своего супруга понимала, хоть и не одобряла. А вот реакция Иры меня удивила. Подруга, похоже, была в полном шоке и уж точно не ожидала подобного исхода дела. И даже пара глотков виски из уже знакомого мне бокала делу не помогла. Наверное, она выпила бы и больше, не знаю. Меня от тяжелого похмелья спас, видимо, ее сработавший будильник.

Я чуть прикрыла глаза, стараясь справиться с сильным головокружением, накатившим сразу же после исчезновения моего альтер эго.

И тут же муж:

– Она ушла?

Как он это почувствовал?

– Да, Ваше Сиятельство...

Раздраженно:

– Вартариус. У меня есть не только титул, но и имя, Ирма. Почему ты, даже узнав его, все так же продолжаешь обращаться ко мне исключительно по титулу?

– Я не знаю... Наверное, из-за привычки... Простите...

Муж недовольно скрипнул зубами.

– Я сейчас перенесу тебя в твою спальню и пришлю горничных. Ложись спать.

Ира, нахмуренная, сидела у волшебного монитора, с помощью которого она связывалась со всем миром. «Компьютер», вспомнила я мудреное слово.

– Ирина Николаевна, на второй линии Осип Федорович.

– Соедини.

Резкое и отрывистое. У нее с утра плохое настроение?

Что-то случилось?

– Осип Федорович, доброе утро. Что у нас с финансами?

Что? Нет, так точно не пойдет. Отчет должен быть у меня на столе сегодня, сразу после обеда. Возможно, Осип Федорович, более чем возможно. Вы уж постарайтесь. Жду.

«У тебя что-то случилось?»

Фыркает с досадой:

«Скажи, то, что он сделал, – это нормально?»

Кто? Что сделал?

«Ты о чем?»

И изумивший меня ответ:

«Об убийстве этих несчастных!»

Убийстве?..

«Ты об утилизации рабынь?»

Отборная громкая ругань.

«Ирма, дитя другой эпохи, они были людьми! Их нельзя просто так взять и утилизировать!»

Не понимаю...

«Ира, но они же рабы, это же как личные вещи. А с вещами можно делать все, что захочешь...»

Долгое молчание. Потом раздосадованное:

«А ты себя никогда на их место не пыталась поставить?»

Чем они хуже тебя или твоего ненаглядного супруга? Только

тем, что родились не у тех людей?»

Я? На место рабов? Зачем? Абсурд какой-то.

«Ира, я тебе не понимаю и не хочу что-то выяснять и ругаться... Знаешь, а мне вкус артана понравился...»

Ворчливое:

«Меняешь тему? Ладно, пусть будет по-твоему... Артан – это вы виски называете так? Ты дожила до тридцати годов и ни разу не пила спиртное?»

«Нет. Не предлагали...»

Смешок:

«Вот даже и не сомневалась в подобном ответе».

В коридоре внезапно послышался непонятный шум, кто-то разговаривал на повышенных тонах, потом входная дверь вдруг резко распахнулась, и на пороге появился Славик, угрюмый, раздраженный, чем-то недовольный. Из-за его спины выглядывала с виноватым видом секретарь Иры, полненькая Аннушка:

– Ирина Николаевна, простите, пожалуйста. Я правда пыталась его не пустить.

Подруга поморщилась, словно от сильной головной боли:

– Все нормально, Аннушка. Иди работай.

Дверь аккуратно закрылась. Мужчина решительно подошел к столу, выдвинул стул, сел напротив. Я почувствовала, что Ире такое поведение ее бывшего возлюбленного неприятно, и она может взорваться в любую минуту.

«Пусти меня. Ты сейчас не в том состоянии. Наговоришь

гадостей, потом будешь жалеть».

Секундное колебание, и вот я снова руковожу чужим, но уже знакомым мне телом.

На то, чтобы откинуться в кресле, чуть прикрыть глаза и вытянуть ноги, придав таким образом телу самое возможное расслабленное состояние, ушло еще некоторое время.

– Ты не слушаешь меня! – ворвался в сознание резкий обвинительный мужской голос.

Я неохотно открыла глаза и с любопытством взглянула на навязчивого собеседника:

– А должна? Простите, Вячеслав, но наша с вами непродолжительная физическая близость несколько лет назад еще не дает вам права сейчас сидеть здесь с подобным нахальным видом.

Внутри меня поперхнулась воздухом и закашлялась, стараясь скрыть рвущийся наружу смех, Ира, Славик же, впад в ступор, с нескрываемым изумлением разглядывал меня, словно редкое животное, непонятно как оказавшееся в этой комнате.

«Пять баллов. Оригинальный способ отшивания неугодных кавалеров. Возьму на заметку».

Похвала подруги мне, сказать откровенно, очень польстила, хоть я и уловила лишь общую суть.

Между тем мой собеседник наконец-то вышел из ступора, покачал головой и заметил:

– Ты очень изменилась, Ира. Никогда не думал, что ты

можешь быть такой жестокой.

Недосказанное «по отношению ко мне» повисло в воздухе. Я плавно повела плечами, словно пытаюсь сбросить с них груз былых лет:

– Все мы меняемся. Это неизбежно. Так что вы хотели?

– Поговорить.

– Вы уже разговариваете.

– Но ты меня не слушаешь!

– И не должна. Извините, но у меня сегодня мало времени и много работы.

Мужчина, начав ерзать на стуле, вдруг перехватил мой скользящий взгляд:

– У тебя изменился цвет глаз. С каких пор ты носишь линзы? Раньше у тебя от них болели глаза.

Внимательный какой...

– С каких пор вас это интересует?

С вызовом:

– Меня интересует все, что связано с тобой!

Как банально.

– Неужели? А где вы были все эти годы?

Теперь поперхнулся он. Ира же тихонько фыркнула.

Ирина:

Убить двух женщин. Просто взять и испепелить их за каких-то пару секунд. Даже проснувшись, я не могла забыть этой жуткой картины и своих чувств при виде всего случив-

шегоя. Не помню, чем позавтракала перед отъездом. Единственное, что хотела, – это напиток. Желательно – виски. С трудом, но все же удержалась. На работу приехала злая и нервная. Сотрудники от меня шарахались во все стороны и с удовольствием шептались за спиной о неудачной личной жизни своего молодого босса. Мне было как-то все равно. Их мнение меня никогда не интересовало. Ирма своей жуткой наивностью и чуждым мне взглядом на жизнь и людей настроения отнюдь не улучшила, и поэтому на вломившегося в мой кабинет бывшего я смотрела, как голодная тигровая акула на дармовой кусок сырого мяса, неизвестно как появившийся в моем рационе, заранее предвкушая, как улучшу свое отвратительное настроение выбросом адреналина при небольшом (а может, и грандиозном, все будет зависеть только от моего желания) скандалом. Моё альтер эго почему-то решило вмешаться. В принципе, я была не против: мне импонировала способность Ирмы аккуратно и ненавязчиво ставить зарвавшихся мужчин на место. Но сегодня она побилла все рекорды. Славик пообщался с ней всего пару минут, а вышел из комнаты, как оплеванный.

«Да у тебя талант, подруга. Интересно, что ему вообще было здесь надо?»

Задумчиво:

«Мне кажется, он тебя ревнует».

Вот тут я подвисла: Славик и ревнует???

«К кому, хотела бы я знать?»

«К Антону...»

В ночные клубы я не ходила с юности. Раньше, пока училась и получала диплом, я готова была дневать и ночевать в них, теперь же предпочитала скучать дома. Старость, наверное. Но сегодня я решила изменить свой распорядок дня и после работы решительно повернула авто по направлению к лучшему клубу города, который назывался довольно замысловато в отличие от остальных заведений подобного рода: «Вечерний джаз». Здесь предпочитали встречаться крупные бизнесмены и банкиры, сюда после работы частенько приходили расслабиться топ-менеджеры окрестных частных и государственных компаний, здесь можно было в любое время суток достать все, что захочешь, даже если это противозаконно, – у клуба был очень влиятельный хозяин, и представители различных органов власти старались лишней раз не переходить ему дорогу.

Вот я и на месте: поставила машину, обновила макияж, надушилась «Черным Опиумом» для поднятия настроения, и решительно пошла навстречу клубному фейс-контролю в лице не обремененного интеллектом огромного детины а-ля шкаф деревянный, стоявшего прямо возле входа в клуб.

Официант поставил на столик заказанные коктейли и с поклоном удалился, я же с наслаждением откинулась на спинку стула и попробовала на вкус один из них. Неплохо, хотя лимонного сока, на мой взгляд, чересчур много...

Высокая, худая, нескладная молодая женщина, глупо хи-

хикая, присела за соседний столик в сопровождении известного в определенных кругах успешного бизнесмена. Мужчине было далеко за пятьдесят, в богато обставленном частном доме его ждали с работы красивая, элегантная, безработная супруга, ведущая домашнее хозяйство, увлекающаяся светской жизнью и изредка, напоказ, занимающаяся благотворительностью на деньги мужа, и трое детей-подростков, малолетних балбесов, обожавших новомодные гаджеты, он же отдыхал в дорогом престижном клубе рядом с потрепанной проституткой средней руки. Да уж... На вкус и цвет, как говорится...

Женщину я знала: «маленькая Вера», так часто звал ее Славик. Они росли в одном доме, жили в соседних квартирах, сейчас ей должно было быть двадцать пять, не больше. На лице яркий, кричащий макияж, заметный даже в полной темноте, в ушах – крупные круглые серьги с имитацией бриллиантов – дешевая бижутерия, купленная, видно, на одном из китайских сайтов, одета в короткое легкое синтетическое платье с глубоким вырезом, совсем не по погоде (у нас снова резко похолодало), на ногах – черные лаковые туфли из «кожи молодого дермантина», видимо, купленные в секунд-хенде на распродаже. В общем, явно не пара ее спутнику. На том красовались костюм от Луи Виттон и туфли от Серджио Росси, да и желтые запонки на рукавах крахмаленной белой сорочки явно стоили совсем недешево.

Вот что его заставило обмануть свою красавицу жену и

прийти сюда с этой дешевкой? Девушка между тем начала мило хлопать ресничками и что-то мурлыкать. Что она там вымогает-то? И голосок сразу сделался ангельским, и личико – кукольным. Прямо Барби, а не прожженная ночная бабочка. Актриса в ней точно погибла. А он сначала смотрит со снисхождением, но все же покупается на ее милую неприятную болтовню, начинает вести себя, словно индюк, распушает хвост, хвастается всем, что приобрел и еще собирается заполучить. В общем, здравствуй, цирк...

Домой я вернулась за полночь, в настроении гораздо худшем, чем у меня было утром... Распугав котов, перепутавших время года и устроивших весенние серенады под окнами, я поставила своего красавца на стоянку и направилась домой.

Есть не хотелось: сладкие коктейли перебили весь аппетит. Приняв душ, я завалилась на постель с очередным историческим любовным романом, но скоро поняла, что подобная литература мне надоела. Может, перейти на фантастику и начать читать о попаданцах? А то я, похоже, в какой-то мере стала одной из них.

– Ирма, ты что, издеваешься сейчас??? Я же тебе сто раз уже показывал, как выполняется это несчастное упражнение!!! Неужели так тяжело повторить???

У, как все запущено.

«Подруга, ты не так стоишь. Не смей реветь. Пошли его мысленно подальше и меняй стойку: ноги – шире, руки – по

бокам. Да, все верно, именно так».

– Вот! Ну наконец-то хоть что-то у тебя стало получаться!

«Занудный ворчун. Ирма, как ты его ещё терпишь? Что значит “богами дан”? Глупая отговорка. Любого мужа надо воспитывать. Угу, как они нас, точно. Кнутом и пряником».

– Ирма, не отвлекайся! Мы еще не закончили занятие! О чем ты в очередной раз задумалась? Или это твоя непутевая подружка в гости опять пожаловала?

Умный, да?

«Передай управление».

– Добрый вечер вашей хате! Чё это я непутевая-то? Прекрасно знаю, что за путь мне нужен. Ты ее снова, как белку в колесе, гоняешь? Совсем не жалко, да?

Похоже, у него болит голова. По крайней мере, лоб свой он начал тереть довольно усердно. Ну ничего. Главное, что от Ирмы на какое-то время отстал. Вот, а пока можно и присесть. И плевать, что под пятой точкой песок. Слуги отстирают.

– Ира, вот в кого ты такая говорливая...

В кого-кого. У нас негласный закон такой: на тихушниках все ездят. И как я успела убедиться, в этом мире работает та же система: не заболтаешь – задавят.

– В маму с папой. Слушай, Варт, ты же колдун, да?

Недовольно вскинулся:

– Маг!

А есть разница? Впрочем, как скажешь. Мне не жалко.

– Ладно, пусть будет маг. Для меня роли не играет. Вот скажи мне, кто из богов у вас брачными отношениями заведует? На чье имя мне вместо Ирмы претензии слать?

Посмотрел подозрительно, помолчал, уточнил:

– Это ты сейчас пошутила?

Я хмыкнула:

– Не совсем. Варт, ты ведь старше жены, я угадала?

Горделиво приосанился. Смотрит сверху вниз. Это что, он сейчас начнет из-за возраста выделяться?

– Больше, чем на сто лет!

Боже, какой старик. Мумия ходячая. А еще туда же: с любовницами шашни водит. Ладно, пусть его.

– Ну вот видишь. Взрослый такой дядечка, а не понимаешь, что к твоей жене особый подход нужен. Гоняешь ее бездумно, кормишь плохо, внимания настоящего, мужского, не уделяешь, жизнью ее не интересуешься, жалеешь мало. Зато на любовниц и времени, и сил, и внимания всегда хватает. Так что я и спрашиваю: благодарить-то кого из ваших богов за такой подарочек в твоём лице?

Сощурился подозрительно:

– По-моему, ты пытаешься дать ей время на отдых.

Я пожалала плечами, блаженно вытягивая гудящие ноги:

– Есть немного. Но и религия ваша меня тоже интересуется. В моей стране вот все просто: есть один бог, которому все поклоняются, есть его помощники, ангелы, есть антипод бога, дьявол, который, как говорят многие, слабее его. Все.

Здесь же, как я смогла понять, богов как минимум несколько. Обо всех рассказать не прошу. Но вот о том, кто заведует чувствами, услышать хочу.

– Той. Аргила. Младшая дочь бога-создателя Иридуса Великого. Капризная, веселая, вечно молодая девушка, любит играть с живыми существами.

– Оно и видно...

– Ира!

Что? Что-то не так?

– Что – Ира? Я уже тридцать лет, как Ира. Имя свое запомнить давно успела, не сомневайся. Ты на себя в зеркало посмотри. Мало того, что ты жене давным-давно в дедушки годишься, так еще за восемь лет брака интерес к ней впервые проявил только после моего здесь появления. Так что не надо взывать к моей совести.

– Сомневаюсь, что она у тебя есть. Как и мозги. Иначе ты давно была бы замужем.

О! Мы решили поумничать?

– Выйдешь тут. Один, теленок малолетний, в глаза смотрит и хвостиком умильно виляет, другой как клещ впился, когда вроде как уже и не нужен.

– Теленок, клещ. Ты так любишь животных?

Это он что, меня сейчас зоофилкой обозвал???

Следующие несколько минут я тщетно пыталась поймать на полигоне эту обнаглевшую гогочущую образину. Куда там. Нет, была бы я в своем спортивном накачанном теле, он,

конечно, далеко не убежал бы, даже порталы не спасли бы. Но тут, в теле Ирмы... В общем, счет к нему у меня только вырос.

Ирма:

Они довольно долго пикировались друг с другом, Ира снова цепляла моего супруга, тому, к моему большому удивлению, это, похоже, нравилось. Не думала, что ему придется по нраву упорный спор с ним. Но, наверное, в данный момент сыграла роль личность спорящего, и девушке из другого мира муж готов был дать больше свободы, чем собственной жене. Потом супруг нарочно чем-то задел мою подругу (я особо не вникала в их беседу), та мгновенно подскочила и стала гоняться за ним по всему полигону, шипя сквозь зубы угрозы и ругательства. Не поймала, конечно. А я внезапно подумала, что из этих двоих могла бы получиться великолепная пара. Они просто идеально подходили друг другу и по стилю общения, и по характеру, и по образу жизни. Да по всему.

Думать я старалась тихо, но все же была услышана.

«Ирма, побью. Вот сейчас подойду к Варту и попрошу тебя отшлепать».

Я хихикнула, представив себе, как отреагирует мой благодетель на такое предложение.

«Он разве тебе не нравится?»

Ухмыльнулась:

«Ну почему же. Нравится. Мне и обезьянки в зоопарке нравятся. Очень, знаешь ли, миленькие, активные такие».

Ну вот как она и сейчас шутить может!

«Ира, я серьезно!»

Фыркнула:

«Я тоже. Хватит сводничеством заниматься. Ты еще не забыла, что он женат? На тебе, между прочим».

После ужина, проведенного снова с супругом, мой муж навестил меня в моей спальне. Я занималась вышивкой, пыталась подобрать нужный цвет из уже имеющихся ниток, когда дверь открылась и вошел мой благоверный. Сев на кровать, он попросил:

– Отложи это и удели мне время.

Я с готовностью посмотрела на него.

– Расскажи мне о мире этой сумасшедшей. Откуда она? Чем занимается? Что это за дикий мир без магии? Почему она так странно порой разговаривает?

Вопросов было много, и я честно старалась подробно отвечать на все.

– То есть, как это – нет рабов? Кто же у них работает? – недоверчиво уставился на меня муж.

– Наемные рабочие. В домах их называют слугами, на предприятиях – менеджерами.

– И Ира – владелица слуг?

– Нет. Она скорее профессиональный управляющий большим, постоянно функционирующим предприятием. Хозяин

туда не заглядывает, как я успела понять, потому что фирма приносит хорошие доходы, Ире он доверяет, она всех держит в страхе и уважении.

Муж понятливо ухмыльнулся:

– С ее характером это не удивительно. Ирма, скажи, тебе кто-нибудь там нравится?

Я удивленно моргнула:

– В каком смысле?

– В прямом. Ира говорила, что за ней ухаживают двое. Тебе нравится кто-то из них?

Я покраснела и опустила глаза, прекрасно понимая, что выдаю себя таким образом, но, к моему удивлению, супруг лишь снисходительно улыбнулся:

– Значит – да. Я не ругаюсь, Ирма, можешь не таиться от меня. Кто? «Теленок» или «клещ»?

Вспомнив необычную классификацию подруги, я хихикнула:

– «Теленок». Он мягче и спокойней.

Муж удовлетворенно кивнул, словно ожидал подобного ответа, и вдруг заметил:

– Кстати, платья твои даже с корсетом на тебе болтаются. Похоже, образ жизни, показанный тебе этой твоей подругой, начинает приносить свои плоды, и ты действительно, постоянно двигаясь и нормально питаюсь, постепенно сбрасываешь лишний вес.

Я снова покраснела, на этот раз – от удовольствия.

Глава 4

Иногда то, чего мы боимся, менее опасно, чем то, чего мы желаем. Джон Чертой Коллинз

Ирина:

Звонок раздался неожиданно. Неважно себя почувствовав утром, я решила, что раз в пять лет имею право на однодневный отпуск, и сообщила секретарше, что сегодня меня не будет. И вот уже несколько часов я наслаждалась бездельем дома.

Заказав на дом пиццу, я наложила на лицо маску из лечебной грязи ярко-зеленого цвета, а на волосы – какую-то темно-лиловую китайскую лечебную хрень, якобы помогающую росту чего угодно, в том числе и волосяного покроя, я старательно обмотала голову старым шерстяным платком, поеденным в нескольких местах молью, но еще довольно теплым и не потерявшим свою функциональность, и, прогуливаясь по комнатам в одном коротком шелковом халатике, раздумывала, чем бы заняться в оставшееся свободное время. Вот именно тогда и позвонили в дверь. Я открыла. Не глядя в глазок. Я вообще не заморачивалась подобным. За порогом раздался чей-то испуганный вскрик, похожий на предсмертный вопль прыгнувшего с крыши самоубийцы. Я собралась было удивленно вскинуть брови на такую необычную реакцию, но помешала уже застывшая маска. Упс... Я виновато

посмотрела на паренька-курьера, все так же стоявшего с коробками пиццы в руках, серого от ужаса. Видно, выпученные глаза придали моему лицу какую-то особую выразительность, так как коробки сами собой грохнулись на пол, а молоденький курьер, развернувшись на 180 градусов, резко задал стрекача. Невинно пожав плечами, я нагнулась, забрала все, что было на линолеуме, на несколько коробок больше заказанного, и спокойно закрыла дверь. Ну и ладно. Нужна будет им оплата, пришлют ко мне другого курьера, более стрессоустойчивого.

«Злая ты».

И ржет, аки лошадь.

«И тебе доброго дня».

Я демонстративно подошла к зеркалу, и мое альтер-эго испуганно вскрикнуло:

«Знаешь, и я от тебя, такой красивой, удрала бы. И денег не нужно было бы».

Спасибо, добрая девушка.

«Муж о расспрашивал о тебе и твоём мире».

Великолепное известие...

«Вот уж не было печали. Зачем это ему?»

«Не знаю. Но в конце он спросил, кто мне нравится, “клещ” или “теленочек”».

Я подвисла.

«Это о ком?»

Мнется:

«Ну, о твоих ухажерах. Ему понравилась выданная тобой вчера классификация».

Оч-ч-чень интересно... Ну и зачем могущественному черному магу из чужой реальности, да еще и несколько лет как женатому, с кучей разных любовниц, расспрашивать свою супругу о моих кавалерах здесь? Что он там задумал-то?

«И кто ж тебе нравится, чудо ты мое?»

Смущенно:

«Тоша».

«Я вот почему-то так и подумала. Он намного ближе тебе по характеру».

Довольно:

«Да, муж тоже решил, что он».

Ну, это-то как раз и не удивительно. Он та еще козлина, конечно, но далеко не дурак.

«Ирма, вот объясни мне, почему ты до сих пор отказываешься звать его по имени? Ему вроде неприятно, когда ты титулом его со всей дури прикладываешь».

Виновато вздыхает:

«Я не привыкла. Да и для меня он скорее титул, чем настоящий, живой человек».

Муж как титул. Прэлэстно.

«Ты пиццу когда-нибудь ела? Попробовать хочешь?»

Ой, как загорелась сразу!

«Очень!»

Ладно, мне не жалко. Я не жадная. Если что, напугаю еще одного курьера. Ну или парочку.

«Тогда я сейчас чайник поставлю и пойду все смою, а ты потом попробуешь».

Попробовать пиццу наедине нам с подругой не удалось. Я только-только закончила смывать с себя всю эту разноцветную жуть и выключила яростно свистевший уже несколько минут чайник, как раздался очередной звонок. Да что ж такое-то? Проходной двор, а не квартира! И когда уже наш консьерж поправится и вернется к выполнению своих непосредственных обязанностей?

«Ирма, они мне все надоели. Перехватывай управление. Если это курьер, деньги лежат в жестяной коробке на полке у двери».

«Хорошо, поняла».

И подруга плавной походкой заскользила в тапках с помпонами к входной двери. Лучше бы это был курьер...

– Тоша!

И сколько ж искренней радости в голосе... Мать моя женщина, он теперь точно в меня влюбится. Ну спасибо, Ирма, удружила.

– Ирочка... – Стоит мнется. – Я тут был неподалеку, решил заехать. Если, конечно, ты не против.

– Нет, что ты! Входи.

А взгляд у него. С такими глазами порно смотрят, причем только самое жесткое.

Пока парень мыл руки, я предупредила:

«Никакого секса мне здесь, понятно?»

Судя по реакции подруги, о сексе Ирма не думала, она о нем яростно мечтала, причем именно с этим «товарищем». Вот же кошка влюбленная.

«Я поняла. Я ему откажу, не беспокойся, Ира».

«Ну посмотрим».

Отказала. Сразу же как посадила его за стол и налила чай, сконфуженно извинилась, что не очень хорошо себя чувствует из-за обычного женского недомогания. Тоша поскущел, но остался. Пиццу они ели вместе.

– Ох, очень вкусно! Спасибо. Ирочка, а ты не хочешь чуть поправиться?

Я бы чаем подавилась от такого предложения и мгновенно выставила бы нахала за дверь, Ирма же просто вздрогнула, отложила кусок пиццы и удивленно посмотрела на собеседника:

– Тоша, тебе нравятся толстые женщины?

– Ну не совсем чтобы толстые, – смутился тот. – Скорее пышные. Чтобы можно было потискать.

«Нет, ну наглец же!»

Тихое хмыканье.

«Как думаешь, я ему понравилась бы?»

Даже не сомневаюсь.

«О, думаю, он был бы в восторге!»

Ирма:

Я ела вкусную пищу, пила крепкий кофе со сливками в квартире у Иры и понимала, что по уши влюблена. Первый раз в жизни. Очень необычное ощущение: словно на крыльях летаешь и готова горы свернуть ради одного только желания своего любимого человека. О том, что мы не сможем быть вместе, я запретила себе думать. Не нужно травить себе душу. Буду наслаждаться пусть и редкими, но моментами счастья.

А утром, не успела я проснуться, в комнату зашел муж и с порога объявил:

– Вечером к нам приедут твои родители.

И ощущение эйфории исчезло, мгновенно сменившись животным страхом.

Супруг заметил это, подошел, сел на постель рядом, посмотрел внимательно в глаза:

– Перед вашей встречей я наложу на тебя уйму защитных щитов. Они и пальцем к тебе прикоснуться не смогут. Страшного ничего не случится, слышишь?

Я слышала, но от этого мне было не легче: родителей я страшилась больше, чем собственной смерти. Отец постоянно бил и открыто унижал меня все то время, что я жила дома, и я за последние годы жизни там приучилась не смотреть в глаза прислуге из-за возможности увидеть в них насмешку или жалость по отношению к себе. Мать, дико боявшаяся своего мужа, обычно наказывала меня исподтишка, что ино-

гда было даже хуже отцовского жестокого отношения. Увидеть их сейчас, после восьми лет относительно спокойной семейной жизни? Нет, это выше моих сил...

– Ирма, поверь, если бы я смог, я отказал бы им в появлении здесь. Но это – политический завтрак. А правила ты знаешь.

Знала, всё прекрасно понимала, но поделаться ничем со своими чувствами не могла.

– Хорошо, давай так: я буду тянуть до последнего. Если сегодня вдруг появится Ира, тыпустишь ее и позволишь ей вести себя так, как она того пожелает. Я целиком и полностью буду на вашей стороне, что бы ни случилось.

Да, это уже лучше. Намного.

– Спасибо...

– Успокаивайся давай. Ты выглядишь хуже утопленницы. Горничные зайдут и тут же упадут в обморок.

Фраза мужа напомнила мне об Ире и ее маске. Я захихикала. Супруг с удивлением покосился на меня и поинтересовался причиной смеха. Чуть поколебавшись, я подробно пересказала историю с курьером. Муж выслушал и хмыкнул:

– Вполне в ее характере. Бедный парень: такую мымру увидеть в дверях. Тут не только пиццу потеряешь.

Вечер приближался с жуткой скоростью почтовой кареты и горькой неумолимостью сторожевого бешеного пса, а я никак не могла заставить себя успокоиться, хоть на несколько минут забыть о встрече. Так плохо мне за эти восемь лет не

было еще ни разу. Я уже и забыла, что это такое: дрожать от ужаса при возможном появлении в комнате матери или отца. И завтрак, и обед остались нетронутыми: мне банально не лез кусок в горло. Я даже представить боялась, как увижу родителей, как начну исполнять роль законной и радушной хозяйки и улыбаться им, как сяду с ними за один стол...

«Это что еще за похоронный настрой? Ты что, снова умереть собираешься? И что за причина на этот раз?»

Она все-таки пришла!

«Ира!»

«Ох... Ирма, сумасшедшая, оглушишь же. Я тоже рада тебя видеть. Что у вас тут случилось?»

Не сдерживая эмоций, я начала путано объяснять:

«Прости, пожалуйста... Мои родители... Они должны приехать сегодня... Ира, я не могу... Я не могу с ними общаться... Я их боюсь, Ира... До дрожи боюсь...»

«Так, успокоилась, глубоко вдохнула, потом выдохнула и четко обрисовала ситуацию».

Легко ей говорить. Но я честно попыталась:

«По определенным политическим правилам нашего государства, все члены верховной власти обязаны раз в несколько лет проводить так называемые “домашние ужины”, во время которых ведется неформальное обсуждение любых острых проблем империи. Муж предупредил меня рано утром, что сегодня должен состояться такой ужин у него и моих родителей. Мой отец – старший судья, то есть, он ру-

ководит всей судебной системой Империи. Он обязан приехать на ужин с женой. Муж, как правая рука Императора и главный маг этой страны, должен принять их вместе со своей супругой...»

«Вот теперь мне все ясно. И что этот “главный маг” сообщил тебе по поводу ужина?»

«Он сказал, что навесит на меня всевозможные защитные щиты. А потом добавил, что если вдруг вечером появишься ты, то он не будет возражать против нашего обмена. И будет на нашей стороне, что бы ты ни делала».

Удовлетворенное:

«Угу. То есть, фактически, мне выдана индульгенция. Хорошо, развлечемся».

Ирина:

Ё-моё. Это что ж такое надо вытворять все детство и юность с родным любимым дитем, что оно и после восьми лет не очень удачного брака не хочет своих обожаемых родителей видеть? Да уж... Но Варт молодец, разрешение дал. Значит, насладимся общением по полной. И пусть потом не жалуется.

«Ирма, как ты обычно обращаешься к отцу с матерью?»

«Батюшка и матушка, на вы».

Даже так... Всё интересней... “Высокие, высокие отношения...”

Одевались и красились мы с подругой самостоятельно. И

только после завершения всей подготовительной части я наконец-то вызвала горничных. Ирма в ожидании появления служанок нервно хихикала, стараясь не коситься в зеркало. Правильно. Что она там не видела? Сама же мне гримироваться помогала.

Дверь отворилась, уже привычные мне две горничные зашли в комнату и... сразу же встали у порога испуганно моргающими соляными столбами. Ну? Долго будем стоять?

– Госпожа, – тихо проблеяла наконец-то, решившись, одна из них. – Мы не уверены, что герцог одобрит...

– Что-то не так? – когда я говорила таким тоном, мои нерадивые подчиненные всегда старались раствориться в пространстве, желательно до молекул. Эти красавицы не были исключением – обе стали цвета воздуха в комнате:

– Нет-нет, госпожа, все в порядке, простите!

Меня подхватили под белы руки и стали конвоировать вниз, в обеденный зал. Вот, самое правильное решение. Вокруг то и дело сновали рабы и слуги, каждый из них при встрече со мной старательно делал вид, что на него напал, видимо, внезапно, безо всякого объявления войны, кашель, и это было странно, потому что так много резко заболевшей челяди не было ни в одном доме.

«С меня теперь все будут смеяться».

Не слышу что-то грусти в голосе по этому поводу.

«А раньше что, поголовно все уважали? Забей. Зато хорошенько повеселимся. И вообще, что здесь такого? Ну по-

вязали с десятков жиденьких косичек с вплетенными в них длинными разноцветными лентами. Ну надели платьице, фасоном и размерами напоминающее детское, ну раскрасились яркими цветами и повесили на себя побрякушки. Твой ненаглядный супруг все равно заранее отпустил нам все грехи. Так что наслаждайся спектаклем и не мешай мне развлекаться».

Тихий смешок, и довольная сложившейся ситуацией подруга послушно замолкает. А я тем временем, уже будучи на середине лестницы, с любопытством рассматриваю коридор внизу и людей в нем. Да, хорошо слуги постарались, качественно все украсили. Наш макияж как раз в тон будет: такой же яркий и до глупости пошлый. Только я применяла красный, желтый, черный и зеленый цвета, а здесь лишь золото, серебро и бронза. Ну зато мгновенно видно богатство хозяев. И полное отсутствие у них вкуса. Вот зачем столько живых цветов везде, да еще и в золотых высоких напольных вазонах? А если у кого-то начнется аллергия на это море разнообразных запахов? Кстати, хорошая идея. Надо будет на практике применить.

Так, а вон то кто посреди коридора так активно беседует? Ну герцога, стоявшего ко мне вполоборота, положим, я мгновенно узнала: такой же мрачный и холодный, как и когда сжигал рабынь, полная сволочь внешне. Одет, как обычно, в черное и коричневое. Любимые цвета, что ли? Или комплексы какие детские таким образом в одежде проявляются?

Эх, психолога хорошего на него нет. А жаль. Рядом, похоже, родители Ирмы. Вон как она сразу сжалась в комок. Как же она у них такая дылда толстая вымахала, а? Ведь они сами маленького роста, будто гномы... Одеты чересчур вызывающе, просто кричаще, на женщине вроде как платье, если не из натурального золота, то из очень похожей материи. Мужчина весь, как павлин, разодет в сине-зелено-желтые цвета. Фрак из шелка? Или мне кажется? М-да... Вкус, ау! Ты где? Вернись немедленно! Тут тебя явно потеряли.

Между тем нас наконец-то заметили, вот только отреагировали как-то странно: судья с супругой неприлично широко раскрыли рты и выпучили глаза, герцог внимательно осмотрел с ног до головы, хмыкнул, подошел, подал руку, помогая спуститься. При этом уставился мне в глаза. Таки да, они зеленые. И шо?

– Добрый вечер, – как и следует благовоспитанной дочери и хозяйке, поздоровалась громко я со всеми.

«Нет, Ирма, это называется не «заорала, как сумасшедшая в период обострения», а именно поздоровалась. Ору я обычно, уж поверь мне, пожалуйста, на слово, намного громче».

Варт улыбнулся уголками губ, а затем, посерьезнев, повернулся к гостям:

– Мартиус, Арталия, я думаю, вы соскучились по дочери.

И мне:

– Ирма, ты можешь обнять родителей.

Ах ты ж, зараза такой. Ведь точно знает, что это я, своей

жене не позволил бы обниматься. А тут... Точно решил развлечься за мой счет. Скучно, наверное, товарищу живется. Ну держись! Злая Ира вышла на тропу войны!

Я расплылась в довольной широкой улыбке голодного крокодила, увидевшего на берегу беспечного туриста, и, случайно наступив на ногу магу, с большим удовольствием выслушала его тихий сдавленный стон, а затем со всего разбегу бросилась своей широкой массивной грудью напрямиком на судью. Когда на маленького ребенка со всей скоростью летит слон, в несколько раз превышающий паренька и размерами, и габаритами, первым желанием бедного дитяти будет немедленно спрятаться куда подальше и пересидеть атаку в безопасном месте. У судьи этого, к его глубокому сожалению, не получилось, просто не успел, болезный: он стоял неподалеку от стены, и я буквально вмяла его в грубо обтесанные серые камни:

– Батюшка, родимый! Как я рада вас видеть! Как же я по вам с матушкой соскучилась!

«И ничего мне не отдавили! Не верещу я! Ирма, не мешай! Собьюсь ведь, из роли выйду!»

Придушенно захрипел подо мной мужчина, ахнула испуганно рядом его жена, уже, похоже, осознавшая, что ей грозит нечто подобное, но я решила поменять тактику и, отпустив лепешку, в которую превратился отец Ирмы, повернулась к ее матери с хищным оскалом, призванным изображать улыбку. Та резко поменялась в лице. Правильно, бойся ме-

ня. Я зла в гневе. Что я там хотела? Чихать?

Еще в школе меня научили дружки-раздолбаи, куда нужно нажимать на лицо, если хочешь немедленно закашляться или расчихаться. Вот сейчас я и воспользовалась этим знанием и начала усиленно тереть точки под носом, со стороны казалось, будто я потеряла носовой платок. Женщина стояла на ногах крепко, но все же пошатнулась, когда ее обдало звуковой волной после моего чихания. Я поглубже втянула воздух и повторила маневр. На этот раз супруга судьи успешно упала на пятую точку. Вот, часть дела сделана. Судья уже сумел отлепиться от стенки, его жену поднимает с пола учтивый Варт, явно с трудом сдерживающийся, чтобы не расхохотаться, я же стою с дебильной улыбкой на кукольном личике и наивно хлопаю ресничками. Интересно, краска не размазалась?

– Прошу прощения, я так соскучилась! – И многообещающе улыбаюсь мгновенно посеревшим гостям. Что, не нравится? Так я только-только начала. Все развлечение будет впереди.

Герцог, единолично взяв на себя все обязанности хозяина дома, не стал ничего комментировать. Вместо этого он молча подошел ко мне, подхватил под руку, твердо зафиксировав мою конечность, чтобы я, не дай бог, не отчебучила что-нибудь еще по пути, и повел в обеденный зал. Правильно. От греха подальше. А то я что-то злая сегодня.

И здесь шик и блеск: белая накрахмаленная скатерть на

длинном деревянном столе, сам стол ломится от продуктового изобилия, всё сервировано золотой посудой и хрустальными фужерами. Пока шли к положенным нам местам, я насчитала штук двадцать разнообразных мясных блюд и примерно столько же – рыбных. А вот овощи были только в качестве украшения к выставленным красотам. Из напитков – вина и виски. Ну и графин с компотом, скромно притулившийся неподалеку от хозяйских мест. Это спецом для Ирмы выставили, что ли? Ну, Варт, придушу. Только попробуй предложить мне эту гадость!

Мы с магом сели во главе стола, родители подруги были посажены по правую руку ее супруга: сначала – изрядно помятый отец, так и сверкающий недовольно черными глазами в сторону неуклюжей глупой дочери, потом – пострадавшая мать, упорно смотрящая только на свои руки. Какая-то она скованная стала. Что ты говоришь, Ирма? Боится жестокого наказания от мужа? Почему? За плохо воспитанную дочь? И что, раньше уже наказывал за твои проступки? И не один раз? Боже, какой кошмар. Куда я попала... Да знаю уже, что в другой мир. Это, моя дорогая подруженька, был чисто риторический вопрос.

– Милая, что тебе положить? – и маг, играя заботливого супруга, предупредительно повернулся ко мне. Ответить я не успела – над столом раздался негодующий голос судьи:

– Прошу прощения, Вартариус, но Ирме никак нельзя мясное! И рыбу тоже!

Вот же... Старый перец...

Герцог тем временем повернулся к гостю, чуть вскинул брови, выражая этим свое удивление, и холодно заметил:

– Мартиус, вы, видно, забыли, что ваша дочь вам уже давно не принадлежит.

Ой... А что это вдруг с «гномом» стало? Покраснел весь и чуть зубы не стер от негодования. Варт же вновь обратился ко мне:

– Так что ты будешь?

– Рагу, милый. – И глазками с длинными черными ресничками хлоп-хлоп. Варт, зануда ты такой, у тебя глаза смеются! Нет, ну это что-то! Лицо неподвижно, зато хихикают глаза.

– Как скажешь, родная. – И на тарелке у меня оказались две столовых ложки сочного мясного рагу с овощами. Эй, а слуг для этого здесь нет? Что-то мы одни в зале. Ах, считается особым шиком на подобном семейном обеде поухаживать за женой? Ну тогда понятно.

– Родной, я бы хотела того замечательного артана. – И выстрелила глазами в сторону знакомой бутылки. Ну или ее сестры-близнеца.

Маг чуть слышно хмыкнул, но спиртное в высокий хрустальный бокал все же налил. А вот у судьи сейчас, похоже, инфаркт будет. Вон как посинел весь. Что, и спиртное тоже ненаглядной дочурке нельзя? Да что вы говорите? А артан чудный. А что же это матушка Ирмы перед пустой тарелкой

голодная сидит? Или ее муж настолько увлекся отслеживанием того, что ест их дочурка, что о жене забыл? Да, там не только любви, там и уважения нет... Печально...

Варт хладнокровно положил себе мясной рулет, налил вина и задал гостю какой-то вопрос о местной судебной системе. Судье пришлось отвлечься от созерцания моей активно уминающей рагу тушки и начать неохотно отвечать. Завязался профессиональный разговор. Жена судьи и Ирма откровенно скучали, а я заинтересованно прислушивалась, не забывая удерживать на лице глупую улыбку.

Нет, это бесполезно. Не зная местных реалий, я не пойму их законы. Тем более что в одном и том же случае есть закон, а есть рекомендация, которая вроде и не осуждается, но придерживаться её явно не стоит. В общем, муть.

Хмель ударил в голову, я немного расслабилась, откинулась на спинку своего сидения и тихо замурлыкала себе под нос старый мотивчик. «Степь да степь кругом...» Люблю эту песню. Пусть и не очень жизнеутверждающая, зато после пары-тройки бокалов спиртного поется на ура. Мужчины сразу же замолчали и с удивлением покосились на меня. Ну что вам надо-то? Сижую пою, никого не трогаю.

– Милая, тебе скучно?

И как ты угадал?

– Да, родной, – мартовской кошкой мурлыкнула раззадоренная я. – Я люблю своих родителей, но, откровенно говоря, с тобой наедине мне гораздо веселее.

«Гном» подавился воздухом, посинел и закашлялся от такого «тонкого» намека, выпучив глаза. Да что ж он хилый-то какой-то? Варт коварно ухмыльнулся:

– Потерпи, моя ненаглядная, очень скоро мы вновь останемся одни, тогда и развлечемся.

Так, а вот это прямая угроза. Вот же... Сам мне отпущение грехов выдал, между прочим! Ирма, у вас тут вообще танцуют? Да? Просто великолепно. Ты кое-что уже успела увидеть у нас. Что-то похожее есть? Джойт? Это что? Медленный танец с кружением по залу? Вальс, что ли? Отлично!

Моя мать, учительница начальных классов, чопорная и строгая женщина, всегда настаивала, чтобы дочь получала классическое образование, утверждая, что это мне обязательно поможет в дальнейшей жизни. Чем конкретно, правда, не уточнялось. Поэтому в свое время я долго и упорно изучала английский и немецкий языки и ходила не только в музыкальную школу, но и на танцы. И то, и другое казалось мне чрезвычайно утомительным и скучным, но танцевать меня все же научили, и если навыки игры на скрипке и фортепиано сами собой ушли в далекое прошлое, растаяв, как страшный сон поутру, едва только я закончила обучение и получила аттестат, то навыками, приобретенными в танцевальном кружке, я пару раз в своей жизни уже воспользовалась, введя в ступор своих знакомых, не ожидавших от меня такой «подлянки». Сейчас, похоже, будет очередной раз...

Мужчины снова вернулись к своему, прерванному из-за

меня, архиважному и архинудному разговору, не забывая при этом отдавать должное приготовленным кулинарным излишествам, супруга судьи все так же сидела, нервно сцепив руки и глядя в пустую тарелку, а я, воспользовавшись полным отсутствием внимания к моей скромной персоне, выскользнула из-за стола. Зал был большой, обеденный стол, против обыкновения, стоял ближе к стене, так что у меня оставалось достаточно свободного места, чтобы вспомнить все то, чему меня учили в детстве и что потом пригодилось в юности. Как там нас учили? Раз-два-три?

Движения дались легко, и через несколько секунд я уже кружилась по залу под воображаемую музыку. Так, а вот этого столба тут точно не было. Да и ноги у столба какие-то очень уж знакомые. Варт. Как быстро он опомнился. Остановилась, встретилась с ним глазами, радостно улыбнулась, глядя в озадаченное лицо:

– Потанцуешь со мной, родной?

Отказать якобы любимой жене при ее родителях? Супруг Ирмы очаровательно улыбнулся, подхватил меня в объятия, прижал к себе, шепнул на ухо:

– Конечно, радость моя.

По щелчку пальцев мага музыка из воображаемой превратилась в реальную. Что-то отдаленно похожее на «Венский вальс». Чудесно. Я полностью отдалась танцу, позволяя кавалеру вести себя и наслаждаясь ситуацией.

Ирма:

Ира приступила к подготовке встречи с моими родителями с привычным ей энтузиазмом. Когда из меня мы совместными усилиями вместо обычной величавой и ухоженной полной тридцатилетней женщины сотворили инфантильного толстого подростка с косичками, я не знала, плакать или смеяться. Но чем дальше, тем ситуация забавляла меня все больше: горничные, выйдя из ступора под воздействием тона подруги, старались в мою сторону лишний раз не смотреть, чтобы не сорваться в хохот, прилежно исполняя роль одушевленных костылей, слуги и рабы, попадавшие во время спуска с лестницы нам навстречу, с трудом сдерживали рвавшийся наружу неудержимый смех, родители были в шоке от увиденного, только мужу, похоже, все понравилось. Он один развлекался, с интересом наблюдая за проделками подруги.

Приветствие и обед, исполненные в стиле а-ля глупая девочка, соскучившаяся по родителям, полагаю, и отец, и мать запомнят надолго. А это значит, что следующая встреча произойдет нескоро, и меня, откровенно говоря, это радовало. А потом Ира решила размяться и начала танцевать джойт, который она назвала вальсом. И мой супруг мгновенно к ней присоединился. Я танцевать, конечно, умела, но не любила, да и грацией меня природа обделила, а вот подруга двигалась просто потрясающе. И я снова подумала, что вместе они составляют отличную пару.

– Больше не боишься?

Муж зашел неслышно, сел на кровать рядом со мной, небрежно отодвинув в сторону мою корзинку с вязанием, и я поймала себя на мысли, что уже не вздрагиваю каждый раз от испуга при его неожиданном появлении.

– Нет, – признательно улыбнулась я, откладывая подальше не довязанный шарф. – Вы и Ира сделали всё, чтобы я не чувствовала сегодня страха. Спасибо.

– Да мне-то за что, – пожал плечами супруг. – Это твоя подруга развлекалась, весь вечер сводя с ума судью. Кто из вас обеих вообще придумал так одеться?

– Ира. Ей показалось необходимым полностью изменить внешность, чтобы как можно сильнее шокировать моих родителей.

– Да уж. Это вам удалось. Твой отец перед уходом недовольно заявил, что так как все вопросы мы уже решили, он постарается как можно реже беспокоить нас с тобой.

У меня при этих словах мужа как будто тяжеленный камень с плеч упал: я, возможно, теперь несколько лет не увижу ни мать, ни отца. А значит, никто меня не будет пугать постоянной, пусть и уже невозможной, угрозой наказания.

– Скажите, вам понравилось танцевать с Ирой? – отважившись, задала я вопрос.

Супруг хитро улыбнулся:

– Ты сейчас, произнося эти слова, ревнуешь или пытаешься работать сводней?

Я традиционно покраснела:

– Скорее второе. Вы идеально смотрите вместе, как будто изначально были созданы друг для друга.

– Ну... если не обращать внимания на разницу в воспитании и социальном положении...

– Ира хорошо воспитана, – вскинулась я, защищая подругу. – Её поведение здесь – всего лишь защитная маска, ей очень не нравится наш мир из-за рабства и некоторых других моментов, которые она не понимает. А насчет разницы в социальном положении: в их стране нет никаких аристократов, там важную роль играют деньги и связи, а у Иры в достатке есть и то, и другое!

– Точно, сводня, – с какой-то особой, непонятной мне нежностью улыбнулся муж, заинтересованно, словно в первый раз, разглядывая меня. – И надо же, говоря сейчас об Ире, ты, похоже, забыла всю свою постоянную скромность.

Я привычно залилась краской и опустила глаза:

– Просто вы сейчас были не совсем справедливы по отношению к ней.

Супруг помолчал, потом спросил:

– Ты покажешь мне ее мир?

Позволить ему залезть в мою голову? Нет, это было не больно, тем более, мой муж, сильный маг, сможет блокировать любые сильные ощущения, просто... неприятно как-то... Да и мои мысли и чувства... Он же увидит и почувствует их...

– Обещаю, что буду смотреть только на то, что связано с

миром твоей подруги, – понял мое смятение муж.

И я решилась.

Мы крепко прижались друг к другу лбами, закрыли глаза. И практически мгновенно у меня появилось неприятное ощущение, словно кто-то сильно скребет пальцами у меня по черепу, в волосах: между нами появился мысленный контакт.

– Да уж... – ошарашено потряс головой супруг, наконец-то прерывая наш контакт и выныривая из глубин моей памяти. – Жуткий пустой мир с энергетическими дырами, непонятные отношения между живыми существами, потерянные и злые люди, и везде – горечь, боль, обида. Как там вообще можно жить?

– Каждый сам по себе, – пожала я плечами. – Никто не чувствует принадлежности к своему классу или роду и не пытается найти в нем защиту и поддержку.

– Там и классов как таковых давным-давно нет, а родов – и подавно. Все чрезвычайно размыто, – все еще находясь под впечатлением от увиденного, пробормотал задумчиво муж. – Теперь мне становится понятным, почему она тут так неадекватно себя иногда ведет – старается хоть немного отдохнуть от навязанного там быстрого и хаотичного ритма жизни.

Глава 5

Если бы исполнились все человеческие желания, земной шар стал бы сущим адом. П. Буаст

Ирина:

На работу я в этот раз опоздала: будильник то ли сломался и не зазвонил, то ли все же звонил, но я, увлекшись вальсом в другом мире, предпочла его не услышать. Как бы то ни было, у себя в офисе я появилась на полчаса позже положенного времени, впервые за долгое время довольная и собой, и жизнью.

– Ирина Николаевна, – приветствовала меня невозмутимая Аннушка. – Вам несколько минут назад звонил какой-то человек, назвался Виктором. Оставил свой номер. Просил связаться с ним.

Я кивнула и зашла к себе. Интересно, что ему понадобилось?

Мои родители развелись и немедленно разъехались, когда мне только-только исполнилось шесть лет. Отец, Николай Ираклиевич Большаков, удачливый бизнесмен, умный и импозантный мужчина, не смог больше терпеть вечные сцены ревности, которые ему, не стесняясь малолетней дочери, постоянно устраивала жена Алла Андреевна, скромная школьная учительница, не блиставшая ни красотой, ни талантами. Когда я впоследствии спросила у отца, почему он женился в

свое время на маме, ведь они были такими разными, настоящими противоположностями, он признался, что его привлекли именно серьезность и степенность, выделявшие ее на фоне беззаботных и веселых однокурсниц. Не знаю, действительно ли изменял отец матери, как она его в том каждый раз обвиняла, пока они жили вместе, но именно в этом она его всегда и подозревала.

После развода отец через суд добился права забирать меня к себе на летние и зимние каникулы. Все остальное время я жила с матерью и прилежно училась. Кружки и любое внешкольное обучение, как и алименты, платились из кармана отца. Когда я приезжала к нему, он брал отпуск и возил меня по дорогим заграничным курортам, знакомил с иностранной культурой и кухней и учил всему, что знал сам, иногда даже показывал на своем новомодном телефоне фотографии со своими полуголыми любовницами где-нибудь в жарких странах или на островах, и мы активно обсуждали с ним достоинства и недостатки его красавиц. С некоторыми я даже была знакома. А вот, например, с Вики и Ники, близняшками старше меня на три года, бывшими моделями, а ныне – владелицами самого крупного рекламного агентства в нашем городе, я до сих общаюсь, как со старыми добрыми приятельницами.

Только однажды, серьезно заболев, он уступил напору матери, и то лето я провела у её сестры, где и познакомилась с лошадьми, влюбившись в них на всю жизнь. Когда я под-

росла, отец отдал меня в лучший из возможных в то время университетов.

Погиб отец случайно: глубокой ночью ехал из командировки, по так и не установленной причине не справился с управлением, и машина упала в бурную реку на одной из дальневосточных дорог. Мне тогда было двадцать. Завещания он, естественно, не оставил, так как о смерти своей и не думал, и его партнеры немедленно конфисковали всю его часть их совместного далеко не маленького бизнеса, оставив мне, на тот момент безутешной студентке-третьекурснице, только счет, открытый им несколько лет назад на мое имя. Там было достаточно денег, чтобы я смогла проучиться, не работая, три последних года обучения.

Тем не менее, я перевелась на заочное, стала работать менеджером в небольшой фирме по продаже стройматериалов и начала делать карьеру. Отцовские связи и фамилия помогли мне всего дважды. Все остальное время я работала на себя сама, упорно продвигаясь вверх по социальной лестнице. С матерью мы общались редко: она внезапно воспылала огромной любовью к мужчине младше себя на десять лет, свободному художнику, как он просил его называть. Нигде не работая, он только и делал, что писал плохонькие картины и безуспешно пытался продавать их, крича на каждом углу о своем великом, но недооцененном при его жизни таланте. При первой же встрече у нас с ним возникла сильная взаимная антипатия, мать, разумеется, во всем винила меня, заяв-

ляя, что я ревную и не желаю ей личного счастья, я не видела смысла что-то объяснять или доказывать, и общение наше само по себе медленно, но неуклонно, сошло на нет. Я даже не была на их более чем скромной свадьбе и потом совершенно случайно узнала, что у меня, оказывается, родился брат. Два года назад, непосредственно перед новогодними праздниками, мать вдруг вспомнила о дочери, позвонила мне и вместо приветствия или поздравления в ультимативной форме потребовала, чтобы я оплатила какой-то крутой частный садик Лёничке. Я просто положила трубку.

Именно тогда я первый и единственный раз напилась до зеленых чертей, а на следующий день решительно перелистнула эту страницу моей жизни. Больше мы с матерью не общались.

И вот мой так называемый отчим звонит мне сегодня.

Я набрала нужный номер.

Виктор был в стельку пьян, что, в принципе, и не удивительно. Выпить он любил всегда. С трудом, но все же мне удалось понять из его несвязного бормотания, что мать и брат погибли три дня назад: купались в реке, Лёня начал тонуть, мать попыталась его спасти. Не получилось. Вчера были похороны. Мой отчим скорбел, конечно, но волновала его не только смерть жены и ребенка. Еще он справедливо опасался, что злая падчерица отберет у него квартиру, купленную когда-то Николаем Ираклиевичем Большаковым за пару лет до свадьбы и оставленную им, как наследство, для лю-

бимой дочери. Непризнанному горе-художнику очень уж не хотелось возвращаться в свою небольшую комнатку в старом общежитии.

Положив трубку, я некоторое время сидела, бездумно уставившись в одну точку. Чувств не было совсем. По идее, я должна была сейчас ощущать горе и боль, должна была плакать, но в душе царила пустота. Видно, все, что только было можно, я выплакала еще тогда, два года назад, перед Новым Годом в одиночку методично напиваясь в своей шикарной многокомнатной квартире.

Через несколько минут я подняла рубку:

– Аннушка, позови мне Венечку.

Венечка был нашим юристом, тридцатипятилетним мужчиной небольшого росточка, с хитрыми синими глазами и кудрявыми черными волосами, пышной короной окаймлявшими его худое, подвижное, остроносое лицо. На работе он вот уже несколько лет подряд упорно изображал из себя человека нетрадиционной сексуальной ориентации, хотя я самолично три года назад присутствовала на его свадьбе с моей бывшей однокурсницей и хорошей давней приятельницей Светкой Чернышевой. Через год у них родилась двойня. На мой прямой вопрос, зачем он постоянно мается дурью и упрямо косит под гея, он тонко улыбнулся и пояснил, что в таком образе от него не ждут никаких гадостей, наивно полагая, что держу я его исключительно из жалости («толерантности», как он тогда выразился). Что ж, возможно, в этом

был свой резон. Но, несмотря на свою необычную внешность и постоянные странности в поведении, в открытую демонстрируемые перед нашими партнерами и клиентами, Венечка был знатоком своего дела, законы помнил практически наизусть и интересы компании отстаивал каждый раз, как свои собственные.

– Звали, Ирина Николаевна? – В дверь просунулась знакомая кудрявая голова.

– Да, Веня. Зайди.

Мужчина, закрыв дверь, подошел к столу и, отбросив привычную жеманность, проницательно посмотрел на меня:

– Что-то серьезное случилось?

Да куда уж серьезней... Я кивнула и кратко обрисовала ему сложившуюся ситуацию.

– Соболезную, Ирина Николаевна. Я займусь этим вопросом, можете не беспокоиться.

Ну вот и хорошо. Значит, хотя бы здесь можно вздохнуть с облегчением. Квартиру отца я отчиму точно не отдам.

Ирма:

– Ирма, стоять надо прямо, не сжиматься; руку не напрягай, целься аккуратно.

Вот уже час супруг тщетно пытался научить меня стрелять. После похищения он всерьез озаботился моей безопасностью и умением постоять за себя. На тренировках я не только занималась физически, но и начала осваивать основы

рукопашного боя. Вчера же ко всему остальному прибавилась стрельба. Я не протестовала: тот случай наглядно показал мне, что в жизни случиться может буквально все, и Ира была права, когда утверждала, что слуги далеко не всегда будут рядом, а значит, надо учиться выживать самой. Физические тренировки и самооборона, пусть и с большим трудом, но все же давали необходимый результат. А вот оружия я боялась, сама не знаю, почему. Каждый раз, прикасаясь к ориенту, я вся замирала и боялась пошевелиться. Муж о моем страхе уже знал, но заявил, что его нужно преодолеть, что оружие может помочь мне в опасной ситуации, а значит, мне просто необходимо научиться владеть им. И я честно старалась второй день подряд. Пока получалось слабо.

«О, смотрите-ка! Пистолет! Да еще и моделька почти современная. Ирма, выбрось сейчас же каку. Еще поранишься, не приведи бог!».

Ира. И снова язвит. Но я рада ее слышать.

«А ты умеешь стрелять?»

Хмыканье.

«Я? Еще спрашиваешь. Только вот твой благоверный снова будет ругаться, что я тебе тренироваться мешаю. Кстати, как вы его здесь называете-то?»

«Кого? Благоверного?»

Ухмылка:

«Ха. Смешно. Цацку эту».

«Ориент».

Удивленно:

«Да? Странное название. Ладно, дай пострелять».

Следующие несколько минут пули уверенно летели напрямиком в центр стоявшей вдалеке мишени. Когда в барабане наконец стало пусто, Ира опустила руку.

– Потрясающая меткость. Здравствуй, Ира. И кто ж тебя так стрелять учил?

Подруга ухмыльнулась:

– И тебе не хворать, друг мой ситный. На курсы походила немного, вот и научилась.

Супруг изумленно поднял брови:

– У вас и женщин такому учат? Варварская страна.

Ира оскалилась:

– Да вот то ж. Ходим такие по улицам, вооруженные до зубов, периодически стреляем друг в друга. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой.

Муж улыбнулся:

– Как-то слабо верится в такую картину. Вот дома у вас необычные, чересчур высокие. Как вы только в них живете и не боитесь.

Подруга недоверчиво посмотрела на моего супруга:

– Тебе-то откуда знать, какие у нас дома?

И тут же услышала в ответ:

– У Ирмы в воспоминаниях видел.

Ирина:

То есть, как это – у Ирмы в воспоминаниях видел? Я непонятливо нахмурилась:

– Ты и такое можешь? Зачем, позволь спросить, ты к ней в голову залезал?

Варт самодовольно осклабился:

– Я много что могу, поверь мне. Зачем? Захотелось взглянуть на тебя вживую, в твоей реальной обстановке.

Даже так? Ну-ну...

– И как? Впечатлила тебя моя маска?

Весело хмыкнул:

– Это та, что ярко-зеленого цвета, ядовитая до невозможности? О, да. Она действительно сногсшибательна. Мне даже стало жалко того паренька. Как он еще от твоего вида сознание не потерял.

Нет, мне решительно перестает нравиться этот разговор, пусть даже шуточный. Вот что ему такого понадобилось в моем мире, а? Еще и Ирма, зануда, не смогла муженьку своему отказать. Хотя она у нас скромница еще та.

– Я рада. Можно тебя попросить?

С готовностью:

– Да, конечно. Что нужно сделать?

О, да сущий пустяк. Ты будешь в восторге, я тебя уверяю.

– Отшлепай меня?

Воздухом подавились оба, причем резко, и синхронно начали кашлять. Вот что значит «одна сатана».

– Прости?

А что не так?

– За что? Вполне невинная женская просьба. Ирма тебя никогда о таком сама никогда не попросит, постесняется, а дать ей по шее за согласие показать тебе мой мир просто необходимо. Вот я и прошу, пока еще командую этим телом, отшлепать, ну, считай, нас обеих. Спорим, ты так давненько не развлекался?

«Ира!»

О! А что ты так возмущаешься-то, подруга?

«Что не так? Ты зачем его в голову впустила? Не верю, что он мог тебя силой или угрозами заставить. Он с тобой в последнее время носится, как с писаной торбой. Значит, сама разрешила. По какой причине? Молчишь? Ну вот видишь. И не сопи так гневно. За каждое действие всегда бывает расплата».

По лицу чернокнижника расплылась блудливая улыбка. Ну точно кот мартовский. Глаза цвета пьяной вишни просто засияли от предстоящего удовольствия.

– Как скажешь, Ирочка.

Я уже Ирочка? Что ж ты задумал, гад чернокнижный?

Порталом мы перенеслись в дом, в спальню Ирмы.

Варт удобно уселся на кровати, широко расставил ноги, я подошла и добровольно улеглась животом на одно из колен. Костлявый, как тот Кощей. Даже лежать неудобно. Маг тем временем усмехнулся, спустил тренировочные штаны и кружевные панталоны, занес руку для первого удара.

Ну вот кто так бьет, а? Он явно постоянно сдерживает свою силу, чтобы Ирме потом сидеть на пятой точке было комфортно. После двадцати чисто символических хлопков наказание было прекращено, и меня, снова одев, усадили рядом на постель.

– Удовлетворена?

Ну точно издевается. Вон как глазюки сияют.

– Нет, но, как понимаю, большего от тебя в данную минуту не добьешься. Слушай, Варт, а почему в вашем мире женщина не может потребовать развода?

– А зачем? – аж растерялся от смены темы мой собеседник.

– Ну как. Это ты чаще всего себя с Ирмой нормально ведешь. А ее отец, например, избивает родных. И что, его жене терпеть все это всю свою оставшуюся жизнь?

И сразу бровки домиком:

– В каком смысле «чаще всего»?

– Вот не надо возмущаться, а? Сначала ответь на мой вопрос, а потом, если захочешь, я тебе объясню свои слова. Так почему?

– Да потому что у нас не все так жестоко, как ты уже себе навоображала. У большинства моих знакомых в семьях руководят женщины. Да, это делается по-тихому, чтобы на людях не пострадала репутация мужа, но их диктат в доме никто не оспаривает. И там действительно жены как сыр в масле катаются. А случай с Ирмой и ее семьей – действительно

полная дикость, в нашем государстве подобного несколько веков точно не было. Судья – отличный актер, как оказывается, потому что все то время, что он занимает свой высокий пост, никто в правительстве и аристократических кругах о таком невероятном положении дел даже не догадывался.

– Нет, это не ответ. Это отговорка. Вот смотри: есть один такой случай, наверняка, могут быть и остальные. Да даже если и нет, те же измены ваши постоянные. Почему женщина, законная жена, должна их вечно терпеть? Это ее унижает, между прочим. Вот что ты фыркаешь? Что, я что-то не так сейчас сказала?

– Ира, я не знаю, что у тебя в голове творится, но у нас нет измен. У нас есть любовницы. Это в корне разные вещи. По природе своей разные. И нельзя ставить между ними знак равенства. Практически у каждого мужчины в моем кругу обязательно есть жена и есть любовницы, как минимум одна, если он не так знатен и богат, как остальные. И это считается обычной практикой, совершенно нормальной для мужчин-аристократов. Это традиция. И никто никогда ее не оспаривает.

– И что тут обычного? Что за традиция такая невероятно дикая? Живет все время с одной, а ходит частенько к другой. А если дети появятся? От любовницы, я имею в виду. Тогда что случится?

Равнодушно пожимает плечами:

– Ну и появятся. В чем проблема-то? Мужчина сразу по-

сле родов заберет ребенка в свой дом, будет воспитывать его параллельно с родными детьми, в восемь лет тот, как это и положено, принесет клятву верности роду и останется служить на благо семьи.

Небо, какой кошмар. И они еще считают себя образованными и цивилизованными людьми. Настоящие дикари с юбочками вместо штанов. Пусть у костров попляшут и в бубен побьют, тогда точно сходство выйдет полным.

– Патриархат в своем полном расцвете. Ужас. Полный ужас. Ладно, о чувствах любовницы никто не думает. Кто она, в самом деле? Так, просто баба на стороне. Зачем ей дети? Пусть готовится и дальше любовника своего ублажать и по пустякам не отвлекается. Забрал чадо – и скажи, милая, спасибо, что оно в богатом доме расти и получать образование будет, рожай мне деток дальше, увеличивай мой род. Но... Бедная-бедная жена. Вы бы хоть ее пожалели. Видеть у себя перед глазами незаконнорожденного отпрыска своего супруга каждый божий день. У вас тут убийств на почве ревности не случается, нет?

С искренним изумлением смотрит на меня:

– Да кто ей позволит убить? Ты, Ира, мыслишь странным, непонятным мне образом, наверное, исключительно в рамках законов и обычаев своей страны. У нас всегда хозяин в роду мужчина, причем не обязательно самый старший. Выбирают только самого сильного, в том числе и физически, и влиятельного, чтобы смог в случае чего защитить своих

многочисленных домочадцев. Ему все остальные члены семьи, нанятые слуги и рабы обязательно приносят магическую клятву верности. Ирма, когда выходила за меня замуж, тоже принесла такую клятву мне и моему роду. При этом ее предыдущая клятва роду своего отца была фактически аннулирована богами в ту же минуту. И если у меня вдруг появится байстрюк, я приведу его в этот дом, и моя жена будет обязана воспитывать его так же, как если бы он был ее собственным ребенком, не делая никаких исключений и уделяя ему столько же внимания.

Хм... Интересные обычаи. Жуткие, но интересные.

– Получается, люди для вас всего лишь вещи. Полезные, да, но только вещи. И подходите вы к ним исключительно с рациональной точки зрения. Слушай, а тот мажордом, так похожий на тебя, ну тот, что слуг строил, он твой брат?

– Да. Незаконнорожденный. Мы вместе росли и одинаково воспитывались моей матерью. Он приносил клятву верности сначала нашему отцу, а когда тот умер и меня избрали главой рода, то и мне.

Значит, я угадала. А вот интересно:

– А он может жениться?

Нет, ну что я опять такого сказала? Долго с наслаждением хохочет, потом утирает слезы и отвечает:

– Давно я так не смеялся, спасибо, Ира. На самом деле, я плохо себе представляю, кто и при каких условиях может, будучи в своем уме и не чувствуя давления со сторо-

ны, согласиться выйти замуж за незаконнорожденного, даже по невероятно сильной и чистой любви, как пишут в ваших женских романах, у нас в Империи обычно подобное не практикуется, так как это является существенным понижением социального статуса женщины, но если вдруг найдется такая экстравагантная дама, то, конечно, я дам свое согласие на этот необычный и не очень-то нужный брак, и она войдет в мой род, но уж никак не на правах полноправного члена семьи. Скорее всего, как и муж, будет считаться наемным слугой, полностью подчиняющимся прихотям и капризам своих господ. Ну и, естественно, если у них в свое время появятся дети, они тоже, принеся клятву, будут наемными слугами, как и их родители. И да, байстрюкам любовницы не положены. Для удовлетворения их страсти существуют рабыни, ну или жены, как ты только что это придумала.

– Класс... Социальное равенство и близко не ночевало. А если по нелепой случайности появятся дети у рабов?

Весело хмыкает:

– Ты неправильно ставишь вопрос. В таком контексте он просто невозможен. У рабов дети не появятся. Никогда. Они могут появиться исключительно у рабынь. Рабы же здесь все стерилизованы. Иначе их никто не допустил бы в дома господ, не позволил бы каждый день видеть мать, жену или дочерей своего господина. Как только у рабыни рождается мальчик, все равно, от кого, он немедленно становится собственностью господина этой самой рабыни, и в три-пять ме-

сяцев ребенка обязательно стерилизуют. В дальнейшем он растет в доме своего господина и в пять лет, уже став вполне сознательным, приносит клятву верности своему хозяину и его роду. Вот, кстати, это была единственная причина, по которой тем рабыням удалось в обход магии запланировать и провести попытку покушения на Ирму: формально моя жена не принадлежит к моему роду, а значит, клятва на нее не распространяется.

– Какая дикость... Первобытный век, блин. Знаешь, мне в первый раз в жизни даже сказать нечего...

Самоуверенно улыбается:

– Это для тебя дикость. А для меня, например, был полной дикостью ваш ненадежный строй. У вас же нет защиты, ни у кого. Случись с вами что, кто вас защитит? Или кто за вас отомстит?

– У нас есть суд. Туда может в случае чего обратиться любой желающий.

Морщится:

– Суд. Суд – это полная глупость. Судью всегда можно подкупить или запугать, и он вынесет неверное решение. У нас главу рода запугать или подкупить попросту невозможно, не позволит магия рода. И если что-нибудь серьезное случится с любым из тех, кто приносит мне клятву, я обязан буду защитить его и наказать обидчика. Естественно, для рабов, вольных слуг и полноправных членов семьи законы разнятся, но рассчитывать на мою поддержку и заботу в опреде-

ленных условиях может любой член рода. И людям это прекрасно известно. Так что, как видишь, разводы нашим женщинам просто-напросто не нужны.

– Зато вашим мужчинам они зачем-то нужны, – фыркнула ничуть не убежденная я, понимая, что спорить нет никакого смысла, все равно мой собеседник будет твердо убежден в своей правоте, а я не смогу подобрать правильные аргументы, так как очень поверхностно знаю их законы и повседневную жизнь.

– Мужчины у нас разводятся всего лишь в двух случаях. Во-первых, если была доказана измена жены мужу, в таком случае женщину немедленно освобождают от клятвы роду и отправляют в бедные районы города. Ее дальнейшая судьба ни мужа, ни отца, ни братьев больше не интересует. Обычно она просто идет по рукам и умирает в течение года-двух от различных болезней, в том числе и венерических, или спивается и погибает в пьяной драке. Во-вторых, если супруги прожили вместе двенадцать лет, постоянно пытаюсь завести ребенка, а женщина в итоге так и не смогла забеременеть. В таком случае с ней расторгают брак, саму ее официально признают бесплодной и поселяют в дальнем крыле дома на правах приживалки. В дальнейшем она за еду и кров над головой помогает дворецкому в управлении слугами, следит за чистотой в доме и нянчит новорожденных детей второй жены мужа. Всё. Больше разводов у нас не случается.

– А если женщина не может забеременеть исключительно

из-за нездоровья мужчины?

Снисходительный, чуть жалостливый взгляд, словно на маленького ребенка, неожиданно сморозившего полную глупость и не желающего признаваться в этом:

– Каждый мужчина тщательно следит за своим здоровьем, на то у нас и магия. Ни у кого из аристократов нет проблем с зачатием ребенка. Проблема может быть исключительно в женщине.

Вот же сноб...

– Великолепно. Просто шикарно, блин. То есть, получается, что мужчина чуть ли не официально может иметь любовниц, а жена не имеет права изменять ему. Равенство здесь и не ночевало. Сплошной махровый патриархат.

И снова жалостливый взгляд. Так и хочется придушить этого нахального чернокнижника!

– Это – устоявшаяся веками норма. Зачем мне выкладываться по полной и растить, а затем и защищать ребенка жены, если я не уверен в его происхождении? И зачем мне разбрасываться людьми и оставлять, например, своего новорожденного незаконного сына у любовницы, если он впоследствии сможет помогать мне в работе с родом или управлении хозяйством.

Угу. Ценитель человеческих ресурсов, блин.

– Звучит чересчур цинично для меня.

Равнодушно пожимает плечами:

– Ты – женщина. Вы живете не разумом, а эмоциями.

Именно поэтому у нас место женщины в доме. Никто и никогда не доверит ей управление даже домом, не говоря уже о фирме.

Да что вы говорите. Умник нашелся.

– Это камень в мой огород? Слава богу, у моего начальства хватило мудрости так не думать.

Высокомерно передергивает плечами:

– Да. И теперь ты тратишь впустую свою жизнь, работая на чужого человека и ничего не получая взамен, хотя могла приносить пользу своему роду, например, рожать детей и воспитывать их.

– Нет его у меня. Я осталась единственная в этом самом роду. Так что и пользу приносить некому.

Снова смотрит на меня, на этот раз – внимательно:

– И много вас таких в твоей стране?

Станный вопрос.

– Да кто ж их считал-то. У нас государство в личные дела своих жителей не лезет, если только, конечно, они не нарушают законы. Но, думаю, немало.

Покачивает головой:

– Очень жаль. В старину, когда у нас постоянно велись кровавые междоусобные войны, в моем мире тоже случилось, что истреблялись целые семьи, причем практически поголовно. Но тогда всех выживших все равно, пусть и насильно, присоединяли к какому-нибудь роду, не позволяли им жить отдельно, ведь иначе они могли погибнуть или сой-

ти с ума от одиночества...

Ирма:

Ира сидела за компьютером, что-то печатала и изредка по-сматривала на часы. Насколько я успела понять, до конца ее рабочего дня осталось не так уж много времени.

«Ты на меня не сердишься?»

Хмыкнула, не отрываясь от печатанья:

«Какие люди и без охраны. Сидеть не больно?»

Я улыбнулась:

«Ты же знаешь, что нет».

«Знаю, потому и уточняю. Вот за каким лешим ты его пу-стила в свою голову, Ирма?»

Покаянно вздохнула:

«Он хотел посмотреть, как ты живешь».

Настороженно:

«Зачем ему это?»

Мне-то откуда знать...

«Сказал, что хочет лучше понять тебя и твое поведение».

Негодование в голосе:

«Вот не было печали. Что он забыл здесь? Мы с ним очень уж разные. Нет ему смысла пытаться меня понять. Что он еще затеял?»

Думаю, об этом надо спрашивать только его...

«Не знаю, Ира. Он никогда не посвящает меня в свои пла-ны...»

Где-то через полчаса мы были в квартире Иры. Она закрыла входную дверь и уже переделалась в свой домашний халатик, когда в коридоре раздалась трель.

– Кого там еще принесло? – недовольно проворчала подруга и вернулась к двери. Нажав кнопку, она произнесла:

– Слушаю.

И тут же услышала в ответ:

– Ирина Николаевна, к вам Антон Валерьевич.

– Пропустите, – последовало распоряжение. И уже мне: «Развлекайтесь».

Тоша зашел с букетом желтых тюльпанов.

– Ирочка, это тебе.

– Ох, спасибо! Какая красота!

«Ненавижу тюльпаны, – прошипела Ира. – Ирма, ваза вон на той полке. Да, правильно».

Поставив цветы в воду, я повернулась к внимательно наблюдавшему за мной парню и улыбнулась:

– Тоша, проходи садись. Я сейчас чайник поставлю, чай поьем. С овсяным печеньем.

Ответ меня удивил:

– Давай чуть позже. Знаешь, нам нужно поговорить...

«Что-то мне не нравится это начало...»

Я насторожилась:

«Думаешь, что-то случилось?»

«Понятия не имею».

– Да, конечно, – кивнула я, садясь напротив своего

необыкновенно сосредоточенного собеседника. – О чем?

– О тебе. – И уставился прямо в глаза, не отводя взгляда. – Ты ведь не Ира, да?

Ругань Иры в голове, четко выраженная и довольно разнообразная. Да, с ее помощью я узнаю много новой лексики...

«Твою ж... Ирма, тяни пока время».

Тянуть время? Постараюсь, конечно, но не уверена, что у меня это получится... Да и нужно ли?

– Почему ты так решил?

В ответ – грустный понимающий взгляд:

– По нескольким причинам. Я давно наблюдаю за тобой, да и анализировать информацию меня тоже научили. Первое: Ира ненавидит имя «Тоша». Она меня называет Антоном, и в ее голосе при этом не бывает твоей мягкости. Второе: Ира не любит тюльпаны, тем более – желтые. Ты же им обрадовалась вполне искренне. Ну и самое главное – Ира не носит линз. Никогда. У нее от них глаза болят. А у тебя сейчас глаза не зеленые, а серые, как у меня.

«Ира?»

Недовольно:

«Что – Ира? Не думаю, что получится теперь выкрутиться. Он слишком хорошо подготовился, зараза такая. Вот правильно говорят: в тихом омуте черти водятся. Пожалуйста вам, вылезли, родимые, и очень не вовремя».

«И что делать?»

«Хороший вопрос. Просто великолепный. Если б я еще

ответ на него знала. Ну попробуй для разнообразия рассказать ему правду. Он или поверит, или вызовет психушку, и лечиться будем все вместе».

Да уж... Хорошая перспектива... Я глубоко вздохнула и честно ответила:

– Нет, Тоша, я – не Ира.

Странное дело, но Антон расслабился и тут же расплылся в довольной улыбке:

– Значит, я все-таки был прав, и это не моя персональная шиза. А кто тогда?

Уже легче. Не придется больше лгать и притворяться.

– Меня зовут Ирма, мне 30 лет, я человек из другого мира. Мы с Ирой часто меняемся сознаниями, когда один из нас спит. Она бывает в моем мире, я – в её.

Уточняет:

– То есть, сейчас, в своем мире, ты спишь?

– Да.

С любопытством:

– А какая ты там, в своем мире?

«Зажатая толстая скромница».

А еще подруга называется!

«Ира!»

Лукаво:

«А что, это не правда?»

Я обиженно фыркнула про себя и ответила вслух:

– Невысокая, полная, спокойная. Замужем.

Парень тут же потускнел.

– Ты любишь своего мужа?

И вот что ему на это ответить?

«Правду».

– Нет. Он намного старше меня, опытней, жестче и сильнее. Скорее, я его боюсь.

– А меня?

– Что – тебя? – не поняла я.

– Меня ты любишь?

«Шустрый парень».

– Не знаю, Тош. Ты мне очень нравишься, с тобой мне хорошо, легко и спокойно, но я не до конца уверена, что это – именно любовь.

В ответ – взгляд, полный надежды, и неожиданная просьба:

– Расскажи о себе?

– Что именно? – растерялась я.

– Что угодно. Я хочу получше узнать тебя.

«В общих словах. Не надо мелочей. Можешь не успеть и прервешься на полуслове».

«Поняла».

– Я замужем почти восемь лет, детей у нас нет, с мужем в последнее время в дружеских отношениях, росла в доме со строгими правилами, младшие брат и сестра, двойняшки, умерли в младенчестве, больше никого, кроме меня, у родителей не осталось. Обожаю цветы и книги, любые. Вот, в об-

щем-то, и все. А ты?

– Я? У родителей, кроме меня, есть еще сын и дочь, оба младше меня на два и четыре года соответственно. Никогда не был женат. Детей тоже, насколько я знаю, нет. И ты мне очень нравишься. Не Ира, а именно ты. Это ведь ты была тогда в ресторане, когда у нас с Ирой должно было быть первое свидание?

– Да. Ира не захотела встречаться со своим бывшим и попросила меня подменить ее.

И практически сразу, меняя тему:

– Давай я все-таки поставлю чайник.

Ирина:

Вот так сюрприз. Антон-то, оказывается, вовсе не такой тюфяк, каким я его все это время себе представляла. Как ловко он сумел обвести нас с Ирмой вокруг пальца. И линзы, и тюльпаны, и свое имя, и стиль общения. Наблюдательный...

Я почувствовала, как подруга исчезла, когда они с Тошей пили чай. Парень сразу напрягся и понимающе посмотрел в мои ставшие зелеными глаза:

– Она уже проснулась, да?

Я кивнула, и мой неожиданный гость тут же торопливо собирался домой.

Оставшись одна, я сначала загрузила грязной посудой посудомойку, а затем отправилась в библиотеку. Что бы тако-

го почитать на ночь? Да уж, после моих посещений иной реальности никакие романы, ни исторические, ни любовные, в качестве интересных книг уже не рассматриваются... Плюнув на муки выбора, достала первую попавшуюся книжку. «Страсть и магия». Да уж, повезло... И чем нас порадует автор?

Как-то все традиционно: попаданка в ином, магическом мире. Как обычно, простушка и неудачница здесь немедленно превратилась в крутую супербогиню там. Строит вокруг себя всё, что движется, сильнейшие маги современности прыгают перед ней на задних лапках и молят на коленях о большой взаимной любви, она везде устанавливает свои собственные законы и явно наслаждается жизнью. Бред, причем полный. У автора явно занижена самооценка, вот и пишет всякие глупости, с реальностью не имеющие ничего общего.

Книга полетела вглубь кровати уже на пятнадцатой странице. А я вдруг мысленно представила Варта, молящего меня на коленях о большой взаимной любви. Ага, щаз. Будет такой молить. Он скорее на цепь посадит, как собаку, чтобы не сбежала, и ошейник золотой купит, для красоты и возможности покрасоваться перед равными себе. Смотрите, мол, друзья-приятели, какая у меня новая и симпатичная любовница появилась, вся в золоте.

Опять меня не в ту сторону понесло. Вот при чем здесь Варт, а? Да и вообще, что это я о нем задумалась? Нужен он

мне больно. Или?.. Нет, Ирочка, так уж точно не пойдет. Одно дело – подруга из другого мира, с которой можно нескучно провести ночное время, и совсем другое – возлюбленный маг-чернокнижник и по совместительству – муж этой подруги. Треугольник. Бермудский. Блин... Вот еще влюбиться мне не хватало для моего огромного женского счастья.

Ирма сидела на постели и покорно поглощала свой скудный завтрак: овсяная каша, мясная котлета, кусок твердого сыра, немного овощей. А вот ночнушка на ней уже болтается. Это есть гуд. Значит, похудение идет полным ходом.

«Да, Ирма, очаровала ты парня...»

Улыбается:

«Доброе утро».

«Доброе... Слушай, а расскажи-ка мне о вашем местном пантеоне богов».

Удивленно:

«Откуда такой необычный интерес?»

Действительно, откуда... Подумаешь, религия. Это настоящая чепуха, правда?

«Да говорят, что каждый народ надо познавать, получая знания о том, во что он верит, в том числе – и какие боги для него важны больше, какие – меньше. Вот я и хочу попытаться вас понять...»

«Интересный подход. Ну давай попробуем... Итак... Создателем планеты и людей считается Ирибус Великий, бог памяти и разума, воплощающий в себе единый высший за-

кон. Его единственная жена и верная подруга – Аортина Кроткая, богиня семьи и домашнего очага. У них десять детей: старшие братья-близнецы – Несир и Нусир, заведующие обманом и торговлей соответственно, средние – Ленла, богиня всевозможных живых существ, кроме человека, Ариус – бог вкусной обильной еды и умелых поваров, Мартинек – бог магии и искусства, Ранира – богиня знаний и науки; есть еще младшие – Аргила, богиня любви и страсти, Артон – бог ненависти и братоубийственной войны, Жела – богиня болезней и медицины, Денир – отдельный бог для рабов и слуг. Есть еще вечный антипод Иридуса, Шурх. Это его младший брат, который является богом смерти, чаще всего – жестокой, и загробного мира».

«То есть, главное для вас – разум, закон, семья и дом, получается. Так? А чувства и страсти находятся на последнем месте. Я примерно так и думала...»

«Чувства – главное не у нас в Антонии, а в Рамии, что граничит с нами».

«О! А я ведь и забыла, что здесь далеко не одно государство. А что такого необычного в Рамии? И какие еще существуют тут континенты и страны?»

«Всего на этой планете существует четыре континента: Астор, Рапон, Отрий, Аверней. Антония располагается на Асторе. Вместе с нами здесь находятся Рамия и Дорен. Рамия – дикая отсталая страна, где женщины раз в пять лет выбирают королеву и вместе с ней правят своими мужчина-

ми, те находятся в полном подчинении, практически в рабстве. Мы стараемся не контактировать с ними. Дорен – княжество. Во главе стоит княжеская чета. Там мужчины и женщины во многом сосуществуют на равных, почти как в твоей стране, рабства там нет и никогда не было. С ними мы тоже не очень охотно поддерживаем контакт. Но мужчины оттуда часто приезжают к нам и охотно покупают у нас рабынь, освобождая их у себя и делая своими любовницами, а также платят большие деньги женщинам из среднего и низшего классов, чтобы те выходили за них замуж и жили в их стране на наших условиях, то есть полностью завися от своего мужа и терпя его отношения на стороне. Многие охотно идут на такую сделку, так как там их положение все равно в разы лучше, чем у нас. На Рапоне всего одна страна: Азирия. Там живут эльфы и гномы. Их социальный строй похож на наш, мы охотно поддерживаем с ними дипломатические и торговые отношения, они постоянно появляются в столице и крупных городах с помощью магических порталов.. Иногда между императорскими семьями заключаются межрасовые браки, чтобы укрепить союз. Поговаривают, что прабабка нынешнего Императора Дженераса Великолепного была чистокровной эльфийкой. А может, и до сих пор есть. Эльфы ведь живут долго, дольше самых сильных наших магов. А у гномов, вроде как, и сейчас замужем за их правителем тетка нашего Императора, Иолатана Высокая. Отрий лежит в отдалении от Астора и Рапона. Там тоже только одна страна,

Ведея, в ней живут огромные огнедышащие драконы. Они иногда прилетают к нам, понятия не имею, зачем, но плотно мы не общаемся, и я мало что знаю о них, слишком уж закрытое у них общество. Последний континент, самый маленький и самый далекий, Аверней, населен сплошь нечистью: туда, по преданию, наши предки изгнали несколько веков назад русалок, леших, домовых, фейри и прочих подобных существ. О них я вообще не знаю ничего, так как обычным людям почему-то строго запрещено получать информацию об этом континенте».

«М-да... Нет слов... Какое расовое разнообразие... Знаешь, меньше всего я ожидала, что у вас тут будет жить кто-то нечеловеческого происхождения».

«Почему? У вас их разве нет?»

«Нет, конечно. Остались только в детских сказках и фантастических романах для взрослых».

Растерянно:

«А как же вы живете? Ведь это же огромная пустота должна быть в структуре мира. Чем тогда она у вас заполнена, если ваш мир еще жив при таком положении вещей?».

«Понятия не имею. Мы как-то не задумываемся на эту тему, вернее, вообще не считаем её важной. Ладно, оставим это. Еще один вопрос: у вас вообще бывают браки между разными социальными слоями? Или это нонсенс?»

Уверенно и бескомпромиссно:

«Нонсенс, конечно. Аристократы никогда не возьмут в

жены кого-то ниже себя по положению. Да и любовниц выбирают только из obsługi экстра-класса, простенькую торговку с рынка никто к себе в постель не потащит. Если уж очень невтерпеж, проще с рабыней несколько раз переспать. Остальные сословия тоже заключают браки исключительно между собой».

«Мило. То есть общество насквозь кастовое».

Глава 6

Самое смешное желание – это желание нравиться всем. И. Гёте

Ирма:

Подруга уже два часа как исчезла из моего сознания, давным-давно вернувшись в свой мир к повседневным заботам и хлопотам, а я все сидела на постели и размышляла о сказанном ею.

Да, Ира права, целиком и полностью: для нас, антонийцев, действительно важнее всего в этой жизни разум, закон, семья и дом. Чувства... Чувства у наших мужчин в любом случае на самом последнем месте. А раз так, то и женщин они с рождения приучают думать о разумности/неразумности своих поступков, не придавая значения душевным стремлениям. До последнего времени я считала, что такое положение дел вполне естественно для моего государства, что все мечты о любви, изредка забредавшие в мою голову, просто глу-

пость, прихоть скупающей аристократки. Но потом я встретила Тошу. Нежный, ласковый, заботливый, с хорошим чувством юмора, он был полным антиподом моему властному, сильному и жестокому супругу, любившему пошлые шутки и черный юмор, и я, прекрасно осознавая, что нам не быть вместе, все же позволила себе пойти на поводу у чувств. Так что теперь я каждый раз с нетерпением ожидала возможности пусть на пару часов, но все же оказаться в теле подруги и пообщаться со ставшим уже родным мне человеком. Открывшись ему и услышав в ответ, что он поверил моим словам, что ему нужна я, а не Ира, я испытала чувство облегчения и необычайный эмоциональный подъем. Мне впервые в жизни захотелось летать.

– Ирма! – Дверь распахнулась, и в комнату быстро и решительно вошел мой муж. – Посмотри сейчас на эти отпечатки и скажи, видела ли ты когда-нибудь изображенных на них людей.

Отпечатки, или, как официально именовали их в отделе магического и немагического сыска, магические слепки внешности и ауры любого живого существа, появились у нас в государстве совсем недавно, лишь пару десятков лет назад, но уже значительно облегчили работу отдела, с которым плотно сотрудничал мой муж. По этим самым слепкам можно было теперь не только увидеть изображение человека, но и понять и запомнить особенности его ауры. Маги уверяют, что ауру подделать нельзя, а значит, любой, кто засветится

на отпечатках, навсегда попадет в картотеку отдела, как потенциальный преступник. Я не вмешивалась в дела мужа, но краем уха как-то слышала, что он в свое время был причастен к изобретению данных слепков.

Передо мной на кровать легли изображения двух мужчин, внешне чрезвычайно похожих на бандитов, и одной девушки, довольно миленькой, с открытым честным взглядом.

– Я знаю только ее, – я взяла в руки отпечаток с девушкой. – Она помогала мне одеваться тогда, при похищении.

– Ну хоть что-то. – Супруг был явно недоволен, словно ожидал большего. – Меня не жди, ужинай сама. – Он забрал слепки и, резко развернувшись, вихрем вылетел из комнаты.

Заставив себя сделать несколько физических упражнений, показанных Ирой, я взяла оставленный на столике роман. «Роковая страсть». Пошлое, избитое название. И сюжет такой же: юная красавица королевской крови, с рождения безвылазно проживающая в Рамии и не знающая жизни, приехала в составе официальной делегации в Антонию, полюбила местного графа, задиру и гуляку, но не смогла жить по нашим жестким правилам и вернулась к себе. Он отправился за ней, нарушил их законы и был за это казнен. Она узнала и, не выдержав душевной боли, немедленно вскрыла себе вены. В конце предполагались ручьи слез от чувствительных матрон и наивных молоденьких дурочек. Каюсь, до встречи с Ирой я, может быть, тоже проплакала бы несколько часов над судьбами этих двоих, но, видно, действие на

меня иронично-циничного характера подружки уже начинало сказываться, и я, фыркнув от раздражения, отложила книгу с неправдоподобным сюжетом куда подальше.

– Госпожа, – в спальню с опаской заглянула одна из моих горничных, наверное, боялась застать здесь моего раздраженного супруга. – К вам пожаловала герцогиня Аренила ранос дорт Антариониус. Она ожидает внизу, в гостиной.

Мать мужа. Какой кошмар. Я видела ее всего дважды в своей замужней жизни и каждый раз просто мечтала спрятаться куда-нибудь в щель между полом и стеной от этих пронзительных обсидиановых глаз, рассматривавших меня с презрением и холодностью. Как будто служанку нанимала или только что купленную рабыню осматривала. Я не протестовала, нет, я боялась и её, и всех членов ее семьи. Вот что ей могло тут понадобиться? Тем более, когда супруга нет дома?

Но идти надо. Горничная ждет моих указаний...

«Ирма, вот ты трусиха».

«Ира?»

«Угу. Рано еще, знаю, но я умудрилась по пути на работу, практически возле дома, сильно ногу вывихнуть, дохромала кое-как назад, и появившийся в квартире доктор заявил, что мне нужен покой. Ну и сон. Накачал меня снотворным. Так что я сплю в свой тепленькой кроватке. Что такое не везет, и как с этим бороться, блин. У меня из-за этого дурацкого происшествия важная встреча сорвалась».

Да нет, похоже, везет. Только мне.

«Что мне делать?»

Категоричное:

«Пусти».

С радостью.

– Самое скромное платье и скромный макияж.

Тон у неё... Бр-р-р... Ледяной просто. Горничная мгновенно начала выполнять указания, уже через десять минут я была зашнурована в серо-голубое одеяние, делавшее меня невзрачной простушкой. Волосы забраны в пучок, ресницы практически не накрашены. По настоянию Иры на щеки мне наложили тональный крем сероватого цвета, придававший моему лицу болезненный вид.

«Красота. Увидишь такую – или испугаешься, или жалеть начнешь. Посмотрим, что за «фрукт» твоя свекровь».

Ирина:

Утро началось неудачно: на подземной стоянке, уже на подходе к своей красавице, я сломала каблук и подвернула ногу, причем, судя по боли, лучше бы я эту самую ногу сломала... Ругаясь сквозь зубы, как записной грузчик, кое-как с помощью одного из охранников добралась домой, вызвала на дом врача и потом сто раз пожалела об этом – вердикт эскулапа был неумолимым: покой и сон. Ногу мне вправили, да, но потом... Пытавшуюся протестовать меня накачали снотворным, и я с лишь чудом успела проводить этого по-

следователя Гиппократ за дверь и добраться до постели, где и отключилась.

Привет, Ирма. Давно не виделись. Я даже соскучиться успела. Что там у тебя опять приключилось, что ты так сильно дрожишь вся? Что, приехал страшный монстр в обличие свекрови, а ты боишься к нему выйти? Всего-то? Боже, мне бы твои проблемы. Вот же ребенок наивный. Да и трусливый к тому же. Так, дай-ка мне место. Хоть развлекусь.

Скромное платье в пол, макияж сероватых оттенков под цвет одежде, никаких цацек, пучок из волос на голове, и ву-аля – перед нами тихое забитое существо, от которого никогда в жизни не будешь ждать жесткого отпора или гадостей. То, что надо, для встречи с этой дамой.

Опять лестница с жуткими ступеньками, прямо-таки мечта любого травматолога. Вот никогда бы не подумала, что буду радоваться поддержке горничных. Это что получается, я теперь все время буду бояться упасть? Мда... Приехали...

Гостиная была обставлена так же безвкусно, как и остальной дом: серебристая лепнина на потолке, массивная деревянная мебель из какого-то там дорогого дерева, оббитая синим или коричневым бархатом, напольные золотые вазы с живыми цветами, посередине комнаты – стол с белоснежной накрахмаленной скатертью. На нём – подсвечники, бокалы с вином, легкая закуска. Рядом – два кресла с вычурными ножками и подлокотниками. В одном из них – уже пожилая, но все еще красивая женщина, чуть полноватая, с выдвину-

тым вперед подбородком, говорившим о ее непростом характере, с правильными тонкими чертами лица, роскошной черной шевелюрой и немного удлинненным носом. Одета в ярко-желтое платье, усыпанное драгоценностями. Аляповато и «бахато», как любят сейчас говорит у нас с намеком на дурной вкус человека. Да, красавица еще та. Теперь мне понятно, почему ее Ирма боится. Но то – Ирма, а то – я. На мне она где сядет, там и слезет.

«Ты как к ней обращаешься?»

«Как она и велела – матушка»

Да? Ну ладно. Мне не сложно.

– Матушка, – тихий скромный голосок от двери, и я с грацией хромой утки, пару раз задев косяк, вплывая в комнату. Женщина скривилась, видно, от отвращения, при виде своей невестки. Ничего-ничего. Я только начала. У нас с тобой, дорогая, все еще впереди.

Горничные, усадив меня в кресло, тут же удалились по величественному взмаху руки свекрови. Очень интересно. Она что, и слугами здесь вольна распоряжаться?

«Да. Она – мать главы рода, вторая по значимости в местной иерархии».

Прелестно...

– Ты отвратительно выглядишь, Ирма. Посмотри, на кого ты только стала похожа: вся обрюзгла, непомерно растолстела, а ведь ты еще так молода!

А ты сюда приперлась, только ради того, чтобы потрети-

ровать невестку?

– Я знаю, матушка. – Глазки долу, параллельно неловко задеваю стоявший рядом на столе бокал, и он падает на ковер. Охаю, пытаюсь поднять, чуть не падаю. – Увы, я здесь бессильна... Ваш сын не позволяет мне вести активный образ жизни.

Брезгливо поджатые губы:

– Что за чушь! Вартариус – добрый и нежный мальчик!

Та ладно. Когда это он был добрым и нежным мальчиком?

В каком веке?

Тихо вздыхаю, вроде как не желая противоречить. А потом – горькую пилюлю.

– Возможно, когда он рядом с вами, так и есть...

Негодование:

– Что? Ты недовольна своим мужем???

Смиренно:

– Ну что вы, матушка. Ни в коем случае. Он намного лучше моих родителей...

И ведь не соврала ни разу. Ирма, хватит фыркать. Ты меня с мысли сбиваешь.

Так. А вот теперь в холодном змеином взгляде появилась заинтересованность:

– Я наслышана о судье и его поведении вне работы. Поговаривают, что он довольно жесток с домочадцами. Теперь я начинаю понимать, почему ты такая.

Удивление:

«Какая?»

А то она не знает.

«А я тебе уже сто раз говорила, какая именно: затюканная, забитая, трусливая. И не обижайся. На правду не дуются».

Свекровь между тем продолжала:

– У тебя, Ирма, чересчур закрытый, можно даже сказать, зажатый характер. И я вполне могу допустить, что вы с моим мальчиком не поняли друг друга.

Ничего себе мальчик. Ему за сотню перевалило, вообще-то. Дедушка почти.

Отвожу взгляд:

– Я... Я не хотела бы обсуждать нашу с мужем личную жизнь... Простите...

Царственный кивок:

– Конечно, дитя мое. Я все прекрасно понимаю. Я собиралась к вам в гости буквально на несколько часов, но, видимо, придется поменять планы и пожить тут немного, чтобы своими глазами увидеть, как вы оба живете и как мой сын с тобой обращается.

Упс.

«Прости, Ирма. Похоже, я подложила вам с Вартом большую жирную свинью...»

Задумчиво:

«Я боюсь, он не обрадуется...»

Зато скучать перестанет.

«Так все плохо?»

Ответа я не дождалась: широко распахнулась дверь, и в комнату буквально ворвался предмет разговора.

– Матушка? – Изумился-то как. И почти натурально. Я было поверила. – Какая приятная неожиданность. Я думал, вы сейчас отдыхаете в своем имении.

Что значит в переводе на обычный язык: что ты тут делаешь? Вали побыстрее к себе домой и оставь нас с женой в покое. Впрочем, свекровь дурой не была.

– Я соскучилась, сынок. Мы с тобой так редко видимся из-за твоей вечной занятости. Ты, как мой первенец, всегда будешь мной любим больше остальных.

Боже, сколько патетики. Эти двое вообще умеют нормально разговаривать?

Варт между тем подошел ко мне, критически осмотрел, поднял, заглянул в глаза. Угу, и тебе, добрый человек, хорошего и веселого дня. Давно мы с тобой, товарищ, не виделись. Я прямо изнемогла вся от тоски и скуки по тебе, красавцу ненаглядному. Блин, опять у него ухмылка на губах промелькнула. Зараза такая.

– Сын, я решила пожить у вас немного. Надеюсь лучше понять свою дорогую невестку.

А вот теперь мага реально передернуло. Что ж ты глазками на меня стреляешь-то, болезный? «Не виновата я, он сам пришел».

– Милый, – опущенные глазки, легкое шмыганье носом. – Прости, пожалуйста, я не сумела достойно принять матушку.

– Ничего, дитя мое. – Мамо, как вы не вовремя. – Я не сержусь. Пойдем проводишь меня, покажешь мою комнату, заодно и побеседуем тет-а-тет. Вартариус, открой, пожалуйста, портал в имение. Артил передаст тебе мои вещи.

Да? Получается, ты заранее планировала остаться здесь подольше? Так, что ли? Актриса. Ну пойдем.

«Ирма, куда ее поселить?»

Ерничает:

«В подвал или на чердак».

Ну... Я тоже так могу.

«Поумничала? Теперь серьезно. Смотри, я ведь в комнату рядом с тобой ее закину».

Тихое ойканье, и быстрое:

«Лучше рядом с мужем».

Какая хорошая идея...

По лестнице мы поднимались неспешно. Свекровь расспрашивала меня о жизни здесь и поддерживала под руку, я отвечала по возможности честно и всюду давила на жалость. Так что к тому моменту, как мы подошли к комнате главы дома, герцогиня Аренила пылала искренним негодованием по отношению к сыну-неумехе.

– А вот и комната моего супруга...

Те же тихие, печальные нотки. И долгожданные искорки в глазах свекрови:

– Знаешь, Ирма, детка, я, пожалуй, поселюсь рядом, вот в этих чудных покоях.

Да пожалуйста. Вот Варт будет рад.

Он действительно был просто счастлив, когда ураганом влетел в комнату Ирмы, наклонился, резко поднял меня с кровати и несильно тряхнул:

– За что? Что я тебе сделал?

– Ты о чем? – даже не стараясь освободиться, недоуменно посмотрела в глаза цвета пьяной вишни.

– Зачем ты оставила ее здесь? И почему поселила рядом с моей комнатой???

Так и чувствуется пламенная любовь по отношению к собственной родительнице.

– Ты меня оглушить хочешь? Или синяки Ирме понаставить, чтобы твоя матушка их потом нашла?

Подействовало. Меня бережно опустили назад на постель. Маг сел рядом и мрачно поинтересовался:

– Работа тебя там еще не заждалась?

– Да кто ж ее знает, – беспечно пожала я плечами. – Не была я там еще. Ногу подвернула, в постели сплю.

Искреннее беспокойство в голосе:

– Все так серьезно?

– Понятия не имею. Врач вколол снотворное и оставил дома. Очень надеюсь завтра все же выйти.

Уточнил:

– То есть лишний день отдохнуть ты не хочешь?

Ой. Это что сейчас было?

– Варт, а откуда такая забота о моем здоровье?

Отвел взгляд, чуть помолчал, потом все же ответил, хоть и немного неохотно:

– Ты – колючка, но с тобой хоть не скучно.

Опять его налево потянуло. Ходок активный. У него законная супруга дома, под боком, а он постоянно себе приключений на всевозможные части тела ищет.

– Попытался бы понять свою жену, и с ней скучать не пришлось бы. И не надо с таким возмущением на меня смотреть. Лучше скажи, чем вам обоим грозит появление вашей гостыи.

Раздраженно повел плечами:

– Ничем хорошим – это точно. Мама – человек гиперактивный. От нее даже я быстро устаю. Хорошо, конечно, что она наконец поменяла свое отношение к Ирме, зато теперь точно замучает невестку своей бурной деятельностью.

– Ну так это не так уж плохо. Ирма хоть скучать не будет. Да и двигаться чаще будет.

Устало хмыкнул:

– Не знаешь ты герцогиню.

Проснулась я ближе к обеду, оставив Ирму и Варта разбираться с постоянными капризами обожаемой ими обоими маменьки. Нога, вправленная доктором Айболитом утром, уже не болела, но двигалась я все равно с опаской, стараясь как можно реже наступать на так некстати подведшую меня больную конечность.

Доковыляв до кухни, вытащила из холодильника кефир,

мелко порезала овощи и сотворила нечто похожее на окрошку, потом поставила миску на поднос и вместе со взятым наугад с книжной полки непонятно чьим очередным фантастическим произведением вернулась в постель. Нет, завтра надо обязательно выходить на работу: не могу я так долго валяться в кровати без дела.

Книжка ожидаемо не порадовала. Любовное фэнтези, говорите? Чудное произведение... «Прекрасный дьявол». Да уж. Кто у них пишет аннотации и придумывает названия... На этот раз мне рассказывали о страшно злом и жестоком, хотя и порочно красивом одиноком демоне, за пару месяцев вдруг прирученном до состояния комнатной болонки какой-то наивной глупенькой баронессой и по уши влюбившемся в нее. Пара месяцев. Как он ее не сожрал целиком за это время? По идее, успел бы и переварить. Ну и ляпов, конечно, было огромное множество. Особенно впечатлила фраза: «Она быстро зарядила свой нож, одела его и повесила под куртку». Над этим перлом я безостановочно хохотала несколько минут, тщетно пытаюсь мысленно представить себе эту необычайно странную картину. Видимо, главная героиня решила, что с «заряженным и одетым» ножом под мышкой ей будет комфортней, чем возле своего ненаглядного «прирученного» демона. И где она вообще эту жуткую «игрушку» нашла, если живет в полной глуши, да еще и одна? Книга, как и ее предшественница, полетела подальше, в глубину кровати. А ведь когда-то я обожала такие вещи

«Долго будешь в молчанку играть?»

«Я не хотела тебя отвлекать. Что это за место?»

«Кладбище».

«Что?»

«У вас такого нет? Это место, где мы хороним своих умерших родственников».

«Мы обычно их сжигаем, пепел развеиваем по воздуху, это рациональней. Так много холмов здесь...»

«Да. Умирают у нас часто».

«У тебя здесь близкие?»

«Мать и младший брат».

«Мне жаль».

«Не стоит. Мы очень давно не общались».

На кладбище Ира пробыла недолго. Постояла несколько минут у ограды, помолчала, потом повернулась и медленно пошла к своему железному демону. Сев в него, спросила:

«Хочешь, покажу, что такое “кино”?»

Станный вопрос. Конечно, да. Развлечения этого мира я любила: они были разнообразней и ярче наших. Но вот фильм подруга выбрала необычный. И страшный.

«Как ты можешь такое смотреть?»

Сидит и равнодушно рассматривает убийцу и его жертву на большом экране.

«Обычный триллер. Не трясись, Ирма. Твоя свекровь явно пострашней будет».

Я улыбнулась шутке:

«Она меня хочет завтра вывести в люди».

«Это как?»

«В гости на обед к какой-то приятельнице».

Добродушно:

«Ну вот видишь. Говорю ж: фильм по сравнению с этим мероприятием – просто чепуха».

«Как твоя нога?»

«Прихрамываю. Но это не помешает мне завтра выйти на работу. Пора. А то они там без меня, думаю, уже и расслабиться успели».

Проснувшись утром, я терпеливо позволила массажисту размять мои и так постоянно ноющие мышцы. Потом – ванна с солями и маслами, туго затянутый корсет, очередное нежно-розовое платье с рюшами, уже висевшее на мне, словно на вешалке, нежный макияж, подчеркивающий свежесть моего лица, и две горничные привычно отконвоировали меня к столу в обеденном зале.

– Ирма, душенька! – радушно поднялась мне навстречу герцогиня. На этот раз на ней было темно-зеленое платье с глубоким вырезом. Грудь украшало бриллиантовое кольцо. Заменив собой горничных, женщина отодвинула стул, помогая мне сесть. – Вартариус с утра уже сбежал, сказал, что у него какие-то неотложные дела. Но ничего, мы с тобой вдвоем позавтракаем. Как ты спала?

– Благодарю, матушка. Чудесно.

С этой, новой, более мягкой в обращении свекровью общаться было легче, но я все равно постоянно ожидала какого-то подвоха с ее стороны, может быть, просто по привычке.

– Скажи, милая, кто одевает тебя в такие отвратительные платья? Вартариус?

И вот что ответить? Как там Ира советовала: «Не знаешь, что сказать, говори правду»?

– Ваш сын сам принес подобное платье в качестве примера в первый месяц нашей совместной жизни, и слуги начали покупать мне только такие наряды.

– Ужасно. Никогда не думала, что у моего мальчика совершенно нет вкуса. Оно же полнит тебя. Я уже пригласила швею. Сейчас позавтракаем и подберем тебе другие, более женственные наряды. А завтрак? Кто кормит тебя этим???

Как много она говорит... И как громко...

– Повар. По приказу мужа.

Нахмурилась:

– Я серьезно побеседую с ним при первой же встрече. Он явно намерен известить тебя!

Бедный мой супруг. Не уверена, что он выдержит такое давление, а значит, увижу я его теперь нескоро...

Швея оказалась степенной матроной средних лет и средней же полноты, профессионалом своего дела, с отличной репутацией, почтительно склонявшимся перед любыми, даже самыми дикими и сумасбродными, желаниями и авторитетом аристократии. С герцогиней она не спорила, терпеливо

предлагала то один, то другой цвет и вариант кроя, показывала разные ткани и подробно обсуждала с нами эскизы будущих платьев и возможные украшения к ним. Примерка длилась без перерыва несколько часов, и когда все закончилось, меня уже не держали ноги. Свекровь же просто фонтанировала энергией. Когда прислуга сделала необходимые мерки, договорилась о следующем приеме и наконец-то ушла, моя «матушка» с довольной улыбкой повернулась ко мне:

– Ирма, дорогая, сейчас ты переоденешься во что-нибудь не такое пышное, мы отправимся к моей хорошей приятельнице, графине Аурелии ранос тен Прелиниос. Нельзя жить все время одной. Нужно и в свет выходить хоть изредка. А у графини постоянно бывает все высшее общество столицы.

Я заставила себя сдержать рвавшийся из груди тяжелый вздох, присела в положенном вежливом реверансе и, мысленно жалуясь самой себе на свою покладистость, покорно пошла переодеваться.

Из менее пышных у меня было только то самое серо-голубое платье, в котором я вышла в гостиную вчера. Нежный макияж, кудри, рассыпанные по плечам, и вот уже вместо мученицы в зеркале отражается скромная простушка.

«Не шикарно, но очень даже неплохо. Лучше, чем ты обычно выглядишь. Это к поездке со свекровью нарядилась?»

«Да».

Та же самая карета. Герцогиня села в кресло напротив,

придвинула себе хрустальный графин с морсом и блюдо со сладостями, нажала на магический кристалл, вновь вставленный в ручку одного из кресел, и мы плавно поехали вперед.

– Ирма, детка, а ты почему не ешь и не пьешь? Нам минут двадцать точно ехать. Графиня живет за городом.

Я бы и хотела, да никак нельзя...

– Мне муж не позволяет, матушка...

– Что??? – В изумлении взлетели чуть ли не до небес пышные черные брови. – Какой ужас! Он тебя что, всегда во всем ограничивает? Глупость несусветная! Бедный ребенок!

«Угу, ребенок. Слушай, сколько же ей лет, если она – мать твоего мужа?»

«Думаю, около двухсот, а что?»

Подруга непонятно почему вдруг закашлялась. Успокоившись, поинтересовалась:

«Э... Ирма, солнышко мое ясное, сколько вообще у вас люди живут? В среднем, так сказать».

Станный вопрос...

«Рабы – лет сорок, максимум – сорок пять, слуги и низшие классы – около семидесяти, средний класс – сто – сто двадцать. Обычные аристократы, что не маги, около двухсот пятидесяти. Ну а у магов все от личной силы зависит. Кто и тысячу спокойно прожить может. А у вас не так?»

Тихий смешок:

«Да как тебе сказать... В шестьдесят обычно уже народ

активно к смерти готовится. Если до девяноста дожил, считай, тебе очень повезло. Или не повезло. Тут уже как посмотреть».

Теперь закашляться захотелось уже мне.

«Ты серьезно???»

«Более чем».

Красивый четырехэтажный особняк был огромен, величественен и словно высечен из цельного куска холодного белого мрамора, что, несмотря на всю свою необычность, производило довольно отталкивающее впечатление.

«Дворец Снежной Королевы. Или Спящей Красавицы. Ирма, ты уверена, что хочешь туда?»

Сравнения я, как обычно бывает при общении с подругой, не поняла, но ответила:

«А кто меня спрашивает...»

«Логично. Тогда подвинься. Мне развлечься хочется».

Ирина:

Долгожители, блин. По двести лет они живут, видите ли. Угу, я завидую, знаю.

Свекровь белой лебедушкой выплыла из кареты, подхватила под руку мою тушку и с непередаваемым высокомерием объявила вышедшему встречать гостей высокому седому старику дворецкому, что графиня ожидает нас к обеду. Судя по тому, как гудели ноги Ирмы, загоняла «матушка» невестку знатно. Чем, интересно?

«Примерками. Пригласила швею, и они вдвоем все планировали и обсуждали несколько часов подряд. Это было намного хуже, чем попасть в лапы к Шурху».

«Да неужели? Зато гардероб обновись. Шучу-шучу. Не рычи так. Люди слышат».

Дворецкий между тем почтительно согнулся в поклоне, едва услышал имена и титул гостей, и открыл массивную деревянную дверь, оббитую по всему периметру железом, давая нам возможность зайти в широкий и высокий холл.

Да... Я дом Ирмы критиковала? Ну если там – музей, то здесь – точно склеп. Все вокруг было идеально чистым и казалось стерильным, даже воздух пах тем самым медицинским раствором, от которого меня частенько тошнило в юности в местных городских больницах. Боже, тут же жить вообще невозможно: в мумию превратишься, самостоятельно забальзамируешься.

Высоко под потолком, несмотря на дневное освещение, щедро лившееся яркими солнечными лучами в высокие стрельчатые окна, летали несколько больших магических шаров, окрашивавших воздух в красно-розовый цвет. Улица красных фонарей, блин.

«Что?»

«Это так у нас места, где проститутки работают, называют. И не возмущайся. Там тоже стараются чисто убирать, чтобы клиенты не дай бог лишнюю заразу у них не подхватили. Все, Ирма, ша, не мешая мне осматриваться».

Впрочем, осмотреться мне толком не дали: свекровь во время нашего с подругой диалога уверенно шагала дальше, удерживая мою руку в своей ладони, и все, что я успела увидеть, – это узкие, длинные, хорошо освещенные магическими шарами коридоры и портреты надменных предков-аристократов на выкрашенных желтой краской стенах. О! Тут еще, оказывается, и желтый дом.

«А теперь – что это?»

«Больница для умалишенных. Раньше там красили стены в желтый цвет».

«Зачем?»

«Понятия не имею».

Музицирование, пение и смехи за стеной привлекли наше внимание. Свекровь решительно распахнула дверь в одну из комнат и зашла внутрь, так же ведя меня за руку. Это что? Бальная зала? Да, похоже на то. Опять все вокруг вычурно, аляповато, безвкусно. И никакого чувства меры. Обстановка просто вопиет о богатстве и безмозглости хозяев: золото и серебро повсюду, кажется – отломи кусок подоконника, и он тоже будет золотым. В дальнем конце зала – пианино и несколько кресел и диванчиков, на которых и за которыми расположилась уйма разношерстного народу, в основном – молодежь. На стук двери оглянулись, пианино замерло, и нас стали внимательно рассматривать. Через пару секунд одна из женщин, чересчур полная низенькая блондинка, одетая в ярко-оранжевое платье, с кричаще пошлым и невероятно до-

рогим изумрудным ожерельем на пышной, практически полностью открытой груди, стремительно поднялась с кресла и поспешила к нам.

– Аренила, дорогая! Какой приятный сюрприз! Я велю выпороть слуг за их беспечность и нерадивость! Вас должны были проводить сюда и доложить мне!

Тут же – вопросительный взгляд в мою сторону. Свекровь как-то странно улыбнулась, словно увидела хищницу, равную себе по повадкам и манерам, а не хорошую приятельницу:

– Аурелия, позволь представить тебе Ирму ранос дорт Антариониус, мою невестку, жену моего ненаглядного Вартариуса.

Меня внимательно осмотрели с ног до головы, будто букашку, под микроскопом, признали не стоящей царственного внимания хозяйки и холодно кивнули. Ах, так? Ладно, женщина, я вам это вспомню чуть попозже.

Графиня провела нас к гостям и представила как хороших знакомых, даже не подумав упомянуть о приятельских отношениях с Аренилой. Ой, нарывається кто-то. Я смотрю, и у свекрови глаза подозрительно заблестели. Похоже, скоро здесь будет очень весело.

В любом обществе всеобщее внимание к себе чаще всего привлекают две категории женщин: роковые красавицы, обжигающие своей внешностью, как огонь, и тихушницы-неудачницы, у которых все валится из рук. К первым тя-

нутся, с ними стремятся дружить, над вторыми смеются и стараются держаться от них подальше. Роковую красавицу с нынешним обликом Ирмы я сыграть не могу. Значит, придется действовать под другой маской.

Подойдя к пианино и намеренно игнорируя сидевшую за ним длинноногую красавицу брюнетку, я любовно погладила музыкальный инструмент по полировке и совершенно честно восхитилась:

– Какое великолепие! Наверное, играть на нем – сплошное удовольствие!

– Ты умеешь музицировать, деточка? – С легким презрением поинтересовалась у меня Аурелия.

– Немного, – откровенно призналась я.

– Синдара, встань. Пусть наша гостья покажет нам свое умение.

Думаешь посадить меня в лужу? Наивная.

«Ирма, тебя учили играть?»

«Да, но давно».

«И то хлеб. Значит, пальцы поставлены».

Когда брюнетка послушно встала из-за инструмента, я уселась на ее место, пробежалась по клавишам, привыкая к их звучанию, чуть прикрыла глаза и под частью внимательными, частью насмешливыми взглядами всех присутствующих начала играть Бетховена. «Лунная соната» была единственным произведением, которое я могла сыграть даже во сне. Именно эта вещь примирила меня с постоянными похо-

дами в музыкальную школу и разучиванием гамм. Именно благодаря ей я каждый раз самостоятельно садилась за пианино, купленное мне по настоянию матери отцом, и прилежно выполняла все домашние задания. И сейчас я, полностью отдавшись музыке, играла именно это произведение.

Наконец прозвучали последние аккорды, и в зале установилась немая тишина.

Я открыла глаза, возвращаясь в реальность.

– Вы великолепно играете!

Это кто там еще? Парень лет двадцати – двадцати пяти, высокий, с пепельно-серыми волосами, прямым носом и темно-синими глазами. И стоит так удобно...

– Спасибо, – я смущенно улыбнулась и тут же испуганно ойкнула, когда крышка инструмента, якобы случайно задев мною, с грохотом обрушилась вниз, лишь чудом не упав на руку говорившего. Вовремя он ее отдернул. А жаль...

– Ой, простите...

Да, я умею краснеть по заказу. Жизнь научила.

– Вы такая неловкая, милочка, – презрительно скривилась та самая брюнетка, которую ради меня выгнали из-за пианино. Как там ее? Синдара, да? Интересно, она ревнует или завидует? Хотя, скорее всего, то и другое сразу.

– Я знаю... – покаянный вздох. – Мой муж мне тоже постоянно это твердит.

При упоминании самого могущественного мага Империи девчонку аж перекосило, и язычок свой она прикусила мгновенно.

венно. Вот и ладушки. Не будет пока ядом плевать. Я же тем временем неуклюже поднялась из-за инструмента, выбрала местечко потемней и скромно пересела на небольшой диванчик подальше от основной толпы. Что удивительно, мой недавний собеседник присел рядом.

«Ирма, ты его знаешь?»

Растерянно:

«Первый раз вижу...»

Все интересней.

«Тогда что ему от тебя может быть нужно? Впрочем, сейчас выясним...»

– Позвольте представиться, милая леди: баронет Вариандр ранос донт Арентирий.

Боже, вот как они свои имена выговаривают?

Мило улыбаюсь, чуть краснею и усиленно хлопаю длинными черными ресницами:

– Очень приятно, баронет. У вас тут весело.

С воодушевлением:

– О, да! Скажите, герцогиня, где вы научились так чудесно играть?

В другом мире, парень. Исключительно в другом мире. Но ты этому все равно не поверишь.

– У меня были хорошие учителя.

Хитрый, чуть с прищуром, взгляд:

– А танцуете вы так же хорошо?

«Ирма, я нарушу что-нибудь из ваших драконовских за-

конов, если поставлю этого умника на место?»

«Нет. Ты находишься под присмотром свекрови, она всегда встанет на твою защиту».

«Отлично».

В очередной раз наивно хлопаю ресницами:

– Хотелось бы верить. Больше всего люблю джойт.

– Какое совпадение! Я тоже!

Да что ты говоришь. Нет, ему явно что-то от меня надо.

Парень тем временем поднялся, подошел к Синдаре и что-то ей сказал. Та раздраженно покосилась в мою сторону, обожгла злобным взглядом, но все же взяла первые аккорды вальса.

И снова все замолчали, с любопытством наблюдая, как неловкая толстушка нерешительно выходит под руку с местным красавцем на середину зала. И снова я, как тогда с Вартом, полностью растворилась в танце.

Ирма:

Ира вернулась к себе, когда мы со свекровью уже ехали обратно. «Матушка», оказывается, разгадала все хитрости моего альтер-эго, откровенно посмеивалась над выходками подруги и, довольная успешным выходом в свет, потирала руки:

– Ирма, детка, ты просто умница! Сегодня ты произвела настоящий фурор! И эта маска наивной неуклюжей дурочки, и то, как ты, будто ненароком, каждый раз пыталась по-

калечить или калечила бедного баронета, и твои чудесные великосветские манеры – все было именно так, как нужно, ничуть не выходя за рамки этикета. А как «изящно» ты сразу же после танца наступила ему на ногу. И этот подхалим вынужден был терпеть, мужественно уверяя, что ему ни капли не больно. Да уж, видела я, как ему «не больно» – был бы один в комнате, непременно попрыгал бы на одной ножке. И как качественно ты измазала тем жирным кремом платье его невесте. Синдара просто пылала гневом, но должна была молчать из страха перед именем Вартариуса. В общем, девочка моя, все идет именно так, как я и задумывала.

Синдара – невеста баронета? Вот уж не думала... Они хорошо смотрятся вместе, но...

– Матушка, почему же он, придя на вечер с невестой, все время крутился возле меня?

Герцогиня улыbnулась и мягко, словно разговаривала с несмышленным ребенком, ответила:

– У них договорной брак, милая, насколько я слышала, она ему не по душе, плюс еще и ниже его по социальной лестнице – дочь разорившегося винтара¹. Вот он при каждой возможности и подчеркивает свое негативное отношение к их будущему совместному проживанию.

Приехали домой мы довольно поздно. Свекровь, слава богам, решила, что на сегодня нам развлечений более чем достаточно, и мои личные горничные проводили меня в спаль-

---

¹ Винтар – малоземельный рыцарь. Низший чин в иерархии аристократов.

ню. Там меня переодели и подготовили ко сну.

Я уже собиралась ложиться, когда посередине комнаты неожиданно раскрылся портал, и оттуда вышел, напряженно оглядываясь по сторонам, будто боясь увидеть кого-то, мой супруг. Магический шар в его руке освещал мои покои ровным тусклым светом и позволял мне рассмотреть мужа. Тот выглядел невероятно уставшим и измученным. Что случилось? Где он был все это время? И почему пришел в таком состоянии? Задать свои вопросы я не успела, так как входная дверь вдруг широко распахнулась, и на пороге с торжествующим видом появилась герцогиня, облаченная в длинную шелковую ночную рубашку с короткими рукавами. Супруг, никого не стесняясь, громко заскрежетал зубами, его мать же, наоборот, была явно довольна происходящим.

– Думал сбежать от нас, Вартариус? Не выйдет. Я тебя как облупленного знаю.

Дверь захлопнулась, позволяя свекрови остаться в моей комнате. Муж обреченно вздохнул, будто приговоренный к жестокой казни преступник, и вежливо ответил:

– Что вы, мама. И в мыслях не было.

– Не лги матери. И смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю. Это ты, а не я, должен был все эти годы развлекать свою молодую красавицу жену. Это ты должен был с самого начала вывести ее в высший свет и познакомить со всеми достойными аристократическими семействами столицы. Это ты должен был постоянно интересоваться ее наря-

дами и тем ежедневным образом жизни, что она ведет. И уж тем более, ты, сын, никак не должен был запрещать ей есть нормальную еду. Она же боится есть и пить без твоего на то разрешения. Тебе должно быть стыдно за свое нерадение, Вартариус.

Наверное, если бы не недавнее знакомство с Ирой и не ее такой отличный от моего бойцовский пробивной характер, сейчас мне было бы невероятно страшно, как и раньше в юности, перед очередными наказаниями матери или отца, и я, видимо, накрывшись с головой одеялом, старалась бы как можно меньше прислушиваться к разгоравшейся все сильней ссоре двух близких родственников прямо возле моей постели. Но благодаря подруге я многое поняла и переосмыслила в своей жизни и сейчас с любопытством крутила головой в разные стороны, наблюдая, как вспыхивают ярко-красным, практически малиновым цветом от негодования и с трудом сдерживаемого гнева щеки у мужа, как лихорадочно блестят, с каждой минутой все сильней, обсидиановые глаза вошедшей в раж свекрови, как они стоят напротив друг друга в бойцовских позах, словно два драчливых соседских петуха, не поделивших одну-единственную местную курицу, и мой супруг единственно только из-за сыновней почтительности и глубокой любви к родительнице вынужден выслушивать все ее вполне справедливые обвинения на свой счет.

– И запомни, сын: твоя жена – молодая и очень симпатич-

ная женщина. Сегодня в особняке Аурелии за ней все время ухаживал один очень милый баронет!

В этот раз стрела не достигла цели. Муж, сразу же расслабившись после последнего неудачного выпада матери, равнодушно пожал плечами:

– Я доверяю Ирме и прекрасно знаю, что измены с ее стороны никогда не будет.

– Измены, может, и нет, – фыркнула недовольная своим проколом герцогиня, – но сердце девичье он вполне может занять. Подумай над этим. И завтра с утра мы с Ирмой ждем тебя к завтраку.

Дверь захлопнулась вторично, теперь уже – снаружи.

Супруг устало потер ладонями осунувшееся лицо, что-то очень тихо, но довольно экспрессивно пробормотал себе под нос, стараясь при этом, чтобы я не расслышала ни единого слова, затем опустился на постель и, взглянув на меня какими-то совершенно больными глазами, вяло поинтересовался:

– Ира развлекалась?

Я кивнула:

– Она решила расшевелить местное общество.

– Судя по яркому выступлению матери, ей это удалось.

И уже с сарказмом:

– Скольких она убила?

Я хихикнула, оценив шутку:

– Убить не убила, но покалечить хотела.

– Того самого «очень милого баронета»? Бедный несчастный парень. Я ему заранее искренне сочувствую. Если Ира была в ударе, от него мало что осталось.

И потом задумчиво:

– И все же с упырями и личами договориться явно проще, чем с моей милой матушкой...

Глава 7

Исполнение самых сильных наших желаний часто бывает источником величайших наших скорбей. Се-нека Младший

Ирина:

Я сидела за рабочим столом и медленно, с наслаждением, словно дорогой выдержанный коньяк, небольшими глотками пила валерьянку. Это был самый лучший напиток для меня на сегодняшний день. Надо все-таки найти время и прогуляться куда-нибудь: или к психологу, или к астрологу, или еще к какому-нибудь -логу... пусть хоть один из них мне внятно и толково объяснит, когда эта бешеная круговерть вокруг меня наконец-то закончится. Хотя... Что я сейчас ною. Самой же совсем недавно скучно было, сама в свой День Рождения угрюмо жаловалась небесам на постоянное одиночество. Вот и наслаждайся теперь, Ирочка. Хлебай полными ложками свои приключения. Видно, Высший Разум решил для разнообразия тебя все же услышать, ну и,

естественно, немножко развлечься за твой счет. Теперь тебе уж точно ни капли не скучно и совсем не одиноко.

А ведь как хорошо все начиналось...

Утром я, против обыкновения, проснулась с небывалым приливом сил. Давненько такого не испытывала: хотелось и в космос улететь, и горы свернуть, и моря выкопать. Весело напевая себе под нос что-то из современных зарубежных мелодий, тщательно привела себя в порядок, сытно поела, решив на этот раз, в порядке исключения, побаловать себя припасенным на вечер гуляшом из ресторана неподалеку. Пробок, на удивление, практически не было, и на работу я в тот день приехала даже раньше обычного. И ведь в голову даже мысли не пришло, что все эти положительные флюиды, постоянно вертящиеся вокруг меня, могут очень резко поменять направление.

Аннушка, отправленная за традиционным крепким утренним кофе, на этот раз почему-то долго не возвращалась, и я уже стала всерьез беспокоиться, не съел ли ее тот самый бабайка, что живет в нашей кофемашине и постоянно обливает некоторых сотрудников, с руками, растущими из совершенно неправильного места, драгоценным, а главное – очень недешевым напитком. Потом в коридоре почему-то послышались громкие резкие звуки, переходящие чуть ли не в крик. Кого там бьют? К нам пришли злобные коллекторы и наконец-то поймали одного из вечных должников? Увы... Лучше бы то были коллекторы...

Входная дверь не просто распахнулась, нет, ее практически снесли с петель, грохнув ею о стену так, что посыпались и побелка, и мои дипломы, и на пороге появились, тяжело дыша, как после тяжелой затяжной борьбы, мой колобок-секретарша, все еще тщетно пытавшаяся преградить дорогу незваному посетителю, и некий знакомый мне тип спортивной наружности, желавший, видимо, в очередной раз пообщаться со мной красивой. Славик. Давненько тебя, парень, не было видно. Я уж наивно понадеялась, что Ирма тогда в ресторане тебя навсегда отшила и ты до конца моей бурной личной жизни возле меня даже случайно не появишься... Видимо, не с моим счастьем...

– Аннушка, пропусти этого упертого бугая и принеси мне наконец кофе.

Секретарша, недовольно фыркнув, кое-как пролезла под плечом нахального спортсмена, демонстративно толкнув его в бок, и направилась по новой к злосчастной кофемашине. Мой бывший, одетый в черный мужской костюм, теперь уже изрядно помятый, просиял довольной белозубой улыбкой:

– Доброе утро, Ирочка.

– Дверь закрой и дипломы с пола подними, – вместо приветствия холодно приказала я.

Ничуть не смутившись таким отнюдь не жарким приемом, Славик спокойно выполнил указанное и аккуратно сложил стопкой мои потом и кровью заработанные свидетельства о различных пройденных тренингах неподалеку от двери, по-

том подошел и сел напротив. Дверь снова открылась, гламурный колобок принес кофе начальнику и укатил в приемную, раздраженно взглянув на проигнорировавшего его наглого посетителя. Уже понимая, что ничего хорошего я не услышу, я поостереглась пить обжигающий напиток, отставила в сторону манившую меня чашку и выжидательно уставилась на нахала:

– Ну?

На стол легла коробочка, оббитая синим бархатом. Мужчина аккуратно пододвинул ее ко мне.

– Открой.

– Это твоя вещь, ты и открывай.

И такое небрежное отношение к себе любимому Славика ни капли не смутило. Он потянулся, взял синюю коробочку в руки, открыл и снова поставил рядом со мной:

– Выходи за меня, Ира.

Кольцо. Шикарный тонкий ободок из благородного белого золота, усыпанный бриллиантами и рубинами. Специально искал и покупал. Мой размер, даже на взгляд определю. Еще пару месяцев назад я бы точно сошла с ума от счастья, издала громкий крик первооткрывателя, обнаружившего очередной континент на нашей маленькой голубой планете, и исполнила зажигательный танец племени мумба-юмбы прямо на этом столе, не обращая внимания на разложенные на нем бумаги. Ну и, конечно же, у нас была бы красивая пышная свадьба с профессиональным тамадой, букетом

невесты, сотней гостей и прочей чепухой. Сейчас же я просто сижу и молча разглядываю драгоценность. И когда мой бывший перестал интересоваться мной? Впрочем, ответ более чем очевиден, и думать об этом я не желаю. Не нужно травить себе душу...

– Ира?

Сидит ждет моего ответа. Нахмурился, уже чувствует, что что-то пошло не так: и кольцо до сих пор на столе, и предполагаемая невеста не проявляет ни малейших признаков радости.

– Ты же любишь меня, Ира. Всегда любила. Я знаю это. Признаю, я был полным дураком, что бросил тебя тогда. Давай попытаемся восстановить наши отношения. Выходи за меня.

Долго учил слова? Перед зеркалом репетировал или перед своей длинноногой крашеной блондинкой, так похожей на манекен в витрине магазина? Люблю, Славик, люблю, милый, конечно, люблю, да вот, увы, только уже не тебя...

Ответить мне не дали: дверь снова распахнулась, и на пороге появился Антон.

Серые внимательные глаза за несколько секунд оценили обстановку, красавец шатен мгновенно сделал правильный вывод и решительно шагнул к столу с приклеенной к губам светской улыбкой:

– Ирочка, хорошая моя, прости, опоздал немного. Пробки, родная. Но наш завтрак уже готов, ресторан ждет. Поеха-

ли?

Славик набычился и, не оглядываясь на вошедшего, раздраженно поинтересовался у меня:

– Ира, что этот здесь делает?

Тоша хмыкнул, явно забавляясь сложившейся ситуацией, и заботливо поинтересовался у меня:

– Ирочка, солнышко, это тело тебе здесь мешает? Мне убрать его отсюда?

«Тело» подскочило с кресла, как ужаленное, мой бывший юлой обернулся к парню, уже хорошенько разозленный:

– Слышь, ты, шел бы ты подобру-поздорову отсюда, пока я тебе все кости не переломал.

Я, больше не медля, решительно нажала на кнопку вызова охраны под столом, прекрасно понимая, что миром дело здесь не закончится. Бойцовские петухи, и те меньше искрят ненавистью друг к другу.

Охранники появились довольно оперативно, всего лишь через две минуты пятнадцать секунд, я специально время засекала, но эти двое уже успели «продуктивно пообщаться» друг с другом, и теперь у Антона была рассечена и сильно кровила нижняя губа и наливался фиолетовым фингал под левым глазом, Славик же красовался симметричным фингалом под правым своим оком и, похоже, выбитым передним зубом. Увели обоих. Причем бывшему моему один из охранников, дюжий детина, по моей просьбе засунул в карман пиджака коробочку с кольцом.

И вот теперь я оглядывала хозяйским взглядом частично разгромленный кабинет, думала, кому из этих оборотов прислать счет на восстановление своего рабочего места, и целенаправленно напивалась валерьянкой.

Идиоты-водители на дороге радости нисколько не добавили. Кто им только права выдает? Где таких придурков штампуют? В какой закрытой лаборатории? И когда ж они наконец закончатся? Видимо, не на моем веку... В общем, домой я приехала невероятно раздраженная и взвинченная, готовая порвать на части любого, кто по дурасти подвернется под горячую руку.

В квартире привычно хозяйничала баба Валя, моя домработница, появлявшаяся у меня на четыре часа три раза в неделю и имевшая свою ключ. Дома ничего ценного, кроме сто первой пары брендовой обуви, кучи шмоток и любовных романов, а также расписных тарелок из Японии, – чьего-то старого ненужного презента на какой-то очередной «фирменный» праздник – я, твердо помня уроки отца, никогда не держала, поэтому и оставлять пожилую женщину одну в своих «хоромах» не боялась.

– Ирка, ты когда ела-то последний раз? Вон, в зеркале уже не отражаешься. Худющая, аки жердь, и с синячищами под глазами с мой кулак. Спать тебе надо больше.

Спасибо за адекватное приветствие...

– На том свете и отъемся, и отосплюсь, – мрачно отшутилась я и тут же получила по затылку тряпкой от пыли. Не

больно, конечно, но довольно-таки неприятно. Баба Валя искренне хотела мне добра, в том смысле, в котором она это понимала, так что обижаться было бы просто глупо. Тем более что женщина, работавшая у меня уже четвертый год, относилась к своей молодой работодательнице как к дальней родственнице, непутевой и глупой. Так что я лишь устало вздохнула, разуваясь:

– Мало мне мужиков, дерущихся на работе, теперь и вы туда же.

– Забей на них, – последовал мудрый совет. – Мужики – что петухи, пока хвост не распустят да не прокукарекаются, ни на что не годятся.

Я лишь хмыкнула, услышав такое поэтичное сравнение. Определенно, сегодня мы с баб Валею думаем в одном направлении.

Поставив чайник, я развлекла домработницу последними новостями, заплатила ей за работу и, проведив пожилую женщину, собралась пить любимый кофе.

«Ира, ты такая мрачная... Что-то случилось?»

Ирма. Весь день не было слышно. Поздновато что-то она сегодня объявилась.

«Угу. Твой любимчик с моим бывшим сегодня с утра полностью разгромили мой кабинет. Да не трясись ты так. Оба живы-здоровы. Правда, ума им эта драка вряд ли добавила. Ну хоть последний не выбила, я надеюсь, и то хорошо».

Испуганное:

«Что с ним?»

Детский сад, ясельки.

«Ирма, прекрати задавать дурацкие вопросы. Я же сказала: жив-здоров. Синяк красивой формы под глазом и расщепленная губа. Ничего страшного не случилось. О, а вот и чайник закипел».

Нет, сегодня точно не мой день. Мне почему-то кажется, что кто-то там, на небе, знатно веселится, с удовольствием наблюдая за бедной скромной мной. Не успела я налить себе кофе, как требовательно зазвонил домофон.

«Отвечать будешь?»

Щаз. Разбежалась.

«У меня лицензия на оружие давным-давно просрочена. Убью – точно сяду».

Фыркает:

«Ира, я серьезно».

И не сомневалась даже.

«И я. Пусть идут лесом».

С любопытством:

«А если там что-то важное?»

И что? Что такого важного может быть у меня сегодня вечером после работы?

«Тем более. Нет меня: заснула, ушла, умерла. Пусть сами с собой развлекаются».

А вот фигушки. Что ж там за настойчивый тип такой? А, у нас же консьерж снова на посту. А дядя Дима свою рабо-

ту выполняет прилежно. Знает, что я дома, сам видел, как в подъезд заходила, а значит, будет трезвонить без остановки. Придется ответить.

– Слушаю.

– Ирина Николаевна, к вам Борзов Вячеслав Анатольевич. Вот же... Говорящая фамилия...

– Пусть проходит.

Ой, а что ты так напряглась, подруга?

«Ира, пусти».

Какие мы кровожадные-то.

«Хочешь за Антона рассчитаться? Ну ок. Только смотри не убей его, а то тело негде будет прятать».

Тихий смешок, и я привычно отступаю на второй план.

Как там было? “Лифт послушно отсчитает этажи”? Отсчитал. Ирма открыла входную дверь сразу же, как только услышала уверенные мужские шаги с той стороны.

«Подруга, глазок тебе зачем? Учись пользоваться».

На этот раз на Славике был спортивный найковский костюм. Зуб, когда мужчина, зайдя в квартиру, заговорил, почему-то оказался на месте. Наверное, мне просто показалось. А жаль...

– Ира, я приношу свои самые искренние извинения за произошедшее сегодня утром и разгром твоего кабинета. Естественно, я оплачу все расходы.

“А в ответ – тишина”.

– Ира... Ты, конечно, злишься... И ты имеешь на это пра-

во... Но... Скажи что-нибудь...

«Нет, то, что ты подумала, приличные люди не говорят. Тем более – вслух. И вообще, тебе, моя дорогая герцогиня, подобные слова знать просто не положено».

– Я не понимаю, о чем нам с вами разговаривать.

И невероятный арктический холод в голосе. Спасибо, Ир-ма. Теперь я могу точно себе представить, как выглядит и говорит Снежная Королева.

Бывший как-то сник.

– Я дурак был, что ушел тогда. Ты ведь уже не дашь мне второго шанса?

Все так же холодно:

– Извините, но вам пора.

Гость кивнул, вздохнул и вдруг заметил:

– У тебя глаза серые.

– А у вас – бесстыжие!

Дверь захлопнулась, и Ирма отступила внутрь.

Я вернулась на кухню, включила повторно чайник, с сомнением покосилась на уже остывший кофе.

«Как думаешь, холодный кофе от чего-нибудь лечит?»

Хихикает:

«Как ты вообще можешь его пить. Он же горький!»

И когда мне мешал сей факт?

«Что б ты понимала. Это ж кофе. Натуральный, причем».

Холодный напиток все же отправился в раковину. Я сполоснула чашку и насыпала туда молотого кофе. Каждый раз,

когда я делала так прилюдно, кто-то в моей компании театрально хватался за сердце, почему-то у некоторых в тот момент, вопреки законам бытия и человеческой анатомии, расположенное справа: как ты так можешь, его же обязательно варить надо, ты же тогда не распробуешь его вкус – и прочая дребедень. Я молча все это выслушивала и заливала кипятком то, что было в чашке. После этого народ немедленно замолкал и с любопытством наблюдал, как я кайфовала, смакуя получившийся в итоге напиток. Сейчас умничать было некому, так что я могла делать так, как привыкла.

«Ира...»

Боже, ну вот что еще могло случиться? Теперь-то почему она от страха трясется? Прямо осиновый лист, а не человек.

«Угу, я здесь. В чем дело?»

С напряжением в голосе:

«Посмотри чуть левее, да, в угол кухни».

Посмотрела. Пора включать свет, так как в комнате уже темно и ничего конкретного я там не увидела.

«И что там?»

«Там... там тень, словно чей-то призрак...»

Какой призрак в России в двадцать первом веке, в городе-миллионнике, на десятом этаже? Тем более что квартиру я купила в новостройке, еще на этапе строительства, а значит, никто из прежних владельцев тут умереть просто физически не мог.

Дать ей, что ли, успокоительного? Нет, не прокатит. Мне

же и нужно будет эту гадость внутрь принимать...

«Ирма, ты переволновалась сегодня».

Негодующее фыркает:

«Думаешь, у меня галлюцинации?»

Честно?

«Да».

Обиженно:

«Но я действительно его вижу! Он прямо сейчас колышет-ся из стороны в сторону!»

И вот что ей ответить? Так, стоп. А с чего жене черного мага панически бояться призраков? Нет, я, конечно, понимаю, что перед супругой он своими достижениями не хвастается, да и вообще о работе может с ней не говорить, но ведь даже на сгоревших рабынь она своего царственного внимания не обратила. А тут – какой-то, в общем-то, безобидный призрак.

«Ирма, а в чем проблема? Ну призрак. И что? Пусть его. Ты чего боишься-то?»

Изумленно:

«У вас разве нет страшных поверий, с ними связанных?»

А должны быть?

«Даже если и есть, они меня мало интересуют, я в них просто-напросто не верю. Так почему ты испугалась?»

«У нас считается, что увидеть призрака – к несчастью».

«К чьему? Того самого призрака? Вот в это я охотно верю».

Получилось. Смеется. Ну и хорошо. Значит, страха уже нет.

Ирма:

Когда я спустилась утром к столу, муж и свекровь уже сидели на своих местах и о чем-то вполне мирно беседовали. Едва увидев меня, супруг сразу же вскочил и галантно отодвинул стул неподалеку от своего места. Такой жест внимания с его стороны был нов и необычен для меня, но я молча села на предложенное мне место. Герцогиня удовлетворенно улыбнулась. Понятно, с чьей подачи это было...

Слуги поставили передо мной завтрак: блинчики, обильно политые медом, на золотом блюде, зеленый ароматный чай и вазочку, наполненную мелко порезанными различными сладкими фруктами. Гм... Может, появление в этом доме «матушки» только к лучшему? По крайней мере, разительные перемены во всем видны сразу. Сама свекровь с аппетитом угощалась пышными оладушками со сметаной. Муж расправлялся уже со второй отбивной. Да уж, давно за этим столом не было такого продуктового разнообразия.

– Сын, – позвала герцогиня, когда муж закончил есть. Тот отставил в сторону чашку с черным чаем и вопросительно взглянул на мать. – Через несколько дней у вас с Ирмой очередная годовщина: восемь лет, как вы женаты. Я взяла на себя смелость пригласить лучшие аристократические семьи в ваш дом на бал. Наряды твоей жене к тому времени уже

будут готовы. Об остальном мы с ней тоже позаботимся. От тебя требуется только появиться дома в назначенное время.

Счастливым мой супруг от услышанного точно не выглядел, но спорить не стал, кивнул, соглашаясь:

– Хорошо, мама.

Сразу же после завтрака муж с видимым облегчением объявил, что его давно ждет во дворце Император, и немедленно скрылся в открывшемся непонятно куда портале, а «матушка» решительно сообщила мне, что сегодня у нас по плану детальный осмотр достопримечательностей столицы.

– Ирма, детка, вот скажи честно: ты за эти восемь лет хоть раз просто так по городу ездила? Не в оперу или на балет с моим сыном выезжала, а сам город рассматривала?

Я лишь тяжело вздохнула в ответ на это, и свекровь с огорчением покачала головой:

– Плохо. Очень плохо. Значит, сегодня мы это упущение наконец-то исправим.

Протеникерс, столица Империи, был самым многолюдным и самым внушительным городом в нашем государстве. Основанный сразу после битвы за всеобщую свободу 33 века назад, он мгновенно разросся и теперь поражал жителей и гостей своим величием и какой-то особой скрытой мощью. Поговаривали, что первыми жителями столицы были драконы, и именно они наделили город присущими ему необычайными красотой и силой. У нас здесь не было ни рощ и парков, как у эльфов, ни пещер и гротов, как у гномов, ни пол-

новодных рек, как у наяд. Нет. Наш город был весь сложен из камня, будто вытесан из единой скалы, и именно необычной каменной силой своей поражал любого, кто видел его впервые.

Карета вывезла нас на главную площадь города, Площадь Всех Сил, как называли ее в народе, или Площадь Его Императорского Величества Артонура Прекрасного – под этим официальным наименованием она значилась в любом туристическом справочнике. Я вслед за свекровью вылезла наружу и с любопытством стала осматриваться: довольно мрачно и совсем неуютно. Вокруг одни высокие здания, окружившие площадь плотным кольцом, словно молодые солдаты, удачно взявшие в плен утомленного битвой престарелого вражеского генерала. Сама площадь, кстати, как будто излучала какой-то непонятный внутренний свет. На ней хотелось стоять целую вечность и не уходить, наслаждаясь ощущением легкости, идущим от нее.

– Чудесные ощущения, правда? – раздался сбоку знакомый мужской голос. – Я, когда был подростком, постоянно сюда приезжал, думал встретить здесь самых настоящих драконов.

Баронет Вариандр ранос донт Арентирий.

Герцогиня, стоявшая рядом, довольно улыбнулась, как будто рассчитывала встретить его здесь.

– Да, Вариандр, вы, несомненно, правы. Это место действительно наполнено силой драконов. Ирма, детка, куда бы

ты хотела отправиться теперь?

Меня спрашивают о моих предпочтениях? Наверное, первый раз в жизни. Впрочем, ответ я знала совершенно точно.

– В музей вечной славы, матушка.

– Довольно необычный выбор для девушки, – удивленно взглянул на меня баронет. – Впрочем, я уже успел убедиться, что вы, Ирма, действительно необычная девушка.

Он льстит. Мне. Странно. Что ему нужно? Раньше мне было бы очень приятно любое чужое мужское внимание, тем более – искреннее. Теперь же я ищу во всех чужих действиях подвох, а в словах – скрытый смысл, и искренне жалею, что сейчас на его месте не Тоша...

– О да, Ирма – чудесная девушка. Не желаете ли проехать с нами в музей?

– О, с радостью! Давно там не был. А ведь когда-то готов был проводить там сутки напролет.

Музей вечной славы был единственным местом в столице, в котором можно было увидеть и оружие, и детали быта, и одеяние всех рас, населявших нашу планету. Я мечтала попасть туда с самого детства, с того самого момента, когда впервые услышала о нем от престарелой кормилицы. Мне хотелось прикоснуться к повседневной жизни и различным обычаям тех, кого, возможно, я никогда не смогу увидеть вживую. Но сначала при отце-тиране, а потом – и при равнодушном муже, такая поездка была невозможна. Зато теперь, когда рядом свекровь, благодаря Ире резко поменявшая свое

отношение ко мне, моя мечта может наконец-то исполниться.

«Бр-р-р... Ирма, чудо ты мое, вот где вы теперь бродите? Что это за жуткое место?»

«Площадь Всех Сил. Тебе не нравится?»

«Да как сказать. Запах тут. Странный, мягко говоря. Словно мертвецов тысячи похоронены».

Я принялась незаметно от своих спутников, но ничего подобного не почувствовала.

«Ладно, закрыли эту тему. Вокруг тебя снова крутится это молодое нечто?»

«Ты о баронете? Да, мы с герцогиней сегодня случайно встретили его здесь».

«Случайно? Ирма, ты как маленький ребенок. А что это он забирается в вашу карету?»

«Мы все вместе сейчас едем в музей вечной славы. Его свекровь пригласила».

«Да??? Ей так и хочется, чтобы любимый отпрыск наконец-то начал ревновать свою ненаглядную женушку? Ну-ну... Да не красней ты, словно девица».

Герцогиня и баронет всю дорогу обсуждали общих знакомых, сидя друг напротив друга. Я располагалась рядом с «матушкой» и частенько во время их беседы ловила на себе заинтересованные взгляды нашего случайного спутника.

«А парень-то конкретно на тебя запал. Ну или играет, как настоящий актер. Варт-то в курсе?»

«Да. Они встретились с герцогиней у меня в покоях вчера вечером, поругались, свекровь пыталась заставить его ревновать. Когда мы остались одни, он спросил, скольких ты убила».

Обиженно фыркает:

«Почему это сразу убила? Просто чуток покалечила».

Улыбаюсь:

«Я ему так же сказала. Он посочувствовал баронету».

Раздраженно:

«Вот же умник нашелся. Ничего, мы еще встретимся с ним, я ему припомню...»

Тем временем мы наконец подъехали к музею. Это здание, как и все остальные в нашем городе, было каменным, невероятно огромным и навевающим жуть. Баронет, как настоящий джентльмен, первым вышел из кареты и помог выбраться сначала свекрови, а потом и мне. Мою ладонь он задержал в своей руке немного дольше положенного этикетом времени.

«Я уж думала, он совсем тебя не отпустит».

«Что ему надо?»

«Да кто ж его знает. Может, нравишься ты ему сильно, а может, хочет каким-то образом на твоего чернокнижника выйти».

Четырехэтажное здание было внутри разбито по тематическим залам. На первые два этажа, где располагались вещи гномов и эльфов, пускали всех желающих. На этаж, посвя-

ценный драконам, – только по спецпропускам. Туда же, где хранились частички быта мелкой нечисти, кроме двух-трех сотрудников музея, позволялось заходить лишь десяти-пятнадцати людям из всей нашей огромной Империи. Не более.

Свекровь заплатила за нас обеих, баронет – за себя, и мы вошли в первую залу. Одежания эльфов. Великолепие и роскошь. О! Здесь я могу стоять часами. Как прекрасны их длинные узкие юбки с вплетенными в саму структуру ткани живыми полевыми и садовыми цветами. А платья! Ярко-красные, нежно-голубые, насыщенно-желтые с то и дело пробегающими по ним искрами магии... Герцогиня тут же отошла к мужским военным костюмам, начала подробно изучать их, мы же с баронетом надолго застряли возле женской одежды. Он тщетно пытался объяснить мне, почему живые цветы в этих тканях даже сейчас кажутся только что сорванными, но все, что я поняла, – это влияние необычной эльфийской магии. Мы разговаривали уже несколько минут, когда сзади вдруг раздалось потрясенно-гневное:

– Ирма???

Я, вздрогнув, обернулась и захотела немедленно провалиться от всепоглощающего ужаса сквозь землю: напротив нас стоял мой отец. Он был просто в бешенстве. Если бы я была одна, наверняка привычно втянула бы голову в плечи, постаравшись стать как можно менее заметной, но рядом с моим спутником этот детский поступок был попросту невозможен, поэтому пришлось стоять и выслушивать, как отец,

брызгая слюной и шипя, как бешеная змея, отчитывает меня за неподобающее женщине поведение в обществе:

– Ты! Ты здесь одна, без мужа! Рядом с чужим мужчиной! Ты! Ты позор нашего рода! Ирма!

Он, наверное, наговорил бы еще много гадостей, не обращая ни малейшего внимания на растерянного баронета, если бы позади него не раздались сухие хлопки и холодный голос свекрови не произнес вымораживающим ледяным тоном:

– Прелестно. А сколько экспрессии.

Судья мгновенно обернулся и залился краской: красные, белые, малиновые тона сменялись на его лице каждую секунду.

– Милейший, я надеюсь, вы знаете, кто я? Да? Великолечно. В таком случае, будьте добры, пожалуйста, повторите сейчас мне в лицо все те многочисленные оскорбления, что вы только что высказывали здесь своей дочери. Ну что же вы молчите? Я вас внимательнейшим образом слушаю.

Отец действительно молчал. Я первый раз в своей жизни видела, чтобы ему было настолько страшно. Семья моего мужа вот уже несколько десятилетий обладала наивысшей, после Императора, властью в этой стране, и герцогиня при желании вполне могла поспособствовать лишению всевозможных привилегий для моего бывшего рода, а также – отсылке всех членов провинившейся семьи куда-нибудь на материк к лешим и фейри, что означало бы немедленную смерть и полное забвение для них. И отец это прекрасно понимал,

потому и боялся сейчас сказать хоть слово против разозленной свекрови. Та между тем смерила его своим фирменным взглядом голодной кобры и тихо велела:

– Вон.

«Да, теперь я знаю, в кого этот чернокнижник уродился, – прокомментировала молчавшая до этого момента подруга – Гены, увы, не скроешь. Такой же холонокровный ползучий гад».

Муж? Гад? Не знаю, возможно, мое отношение к супругу после появления в нашей с ним жизни Иры кардинально изменилось, но считать его гадом я не могла...

Судья тем временем уже активно пятился к выходу, непрестанно кланяясь до пола. Только дойдя до привратника, с любопытством наблюдавшего за нашим общением, он развернулся лицом к дверям и пулей вылетел наружу. Свекровь повернулась ко мне, посмотрела с искренним сочувствием, но ничего на эту тему не сказала, предложив вместо этого осмотреть зал рядом, где выставлялись старинные и современные украшения эльфов.

По залам мы ходили часа два, не меньше. Я получила настоящее удовольствие от прекрасно оформленных экспозиций и стала намного четче представлять себе культуру и повседневную жизнь других рас. Ира вернулась в свой мир практически сразу после встречи с судьей, так что из комментаторов рядом остался лишь почтительный и вежливый баронет, знавший невероятно много и рассказывавший обо

всех музейных экспонатах не хуже любого гида.

После музея мы втроем посетили Императорскую картинную галерею, в которой полюбовались произведениями кисти древних и современных известных живописцев. Я открыла для себя работы Аурана Лоренского, полугнома-получеловека, жившего в столице более сотни лет назад и писавшего прекрасные пейзажи, марины и натюрморты. Его картины как будто оживали на глазах, радуя зрителей богатством тонов и красок. Как оказалось, Ауран был дальним родственником Вариандра (баронет настоятельно просил называть его по имени), и тот мог часами рассказывать о жизни и творчестве своего знаменитого троюродного дяди.

Затем герцогиня почему-то захотела осмотреть оружейную галерею, и мы наняли гида-гнома, который несколько часов подряд довольно интересно, а главное – подробно и профессионально, рассказывал о зарождении и развитии оружейного дела у гномов и людей.

Напоследок мы отправились в самую известную в нашей Империи ювелирную мастерскую, где гном-мастер Прибоди Ронекор детально описал и продемонстрировал нам все этапы создания ювелирных украшений, от простеньких колечек до дорогостоящих диадем и тиар.

Проголодавшись, свекровь зашла в эльфийскую кофейню, и мы все трое полакомились прекрасными воздушными пирожными и несколькими кусками шоколадного торта, приготовленного эльфом-кондитером Аирунарием Асирским.

Домой мы вернулись только под вечер, и у меня просто отваливались ноги от длительной и непривычной пешей прогулки. В холле нас, вопреки обычаю, встретил мой супруг.

– Мама, – покачал он укоризненно головой, хотя его карие глаза весело смеялись. – Ну нельзя же так. Вы лишите Императора всех его доверенных лиц.

– Уже пожаловался, – презрительно скривилась свекровь, легко скидывая с плеч тяжелое меховое манто. Слуга, крутившийся рядом, мгновенно подхватил и унес вещь. Другой слуга помог раздеться мне, сняв с меня длинное зимнее пальто. – Да уж, настоящий мужчина, что и сказать. И чем он вас с Дженерасом порадовал?

– Рассказом о страшной герцогине и ее непонятной реакции на его небольшую ошибку.

– Видела я его ошибку. Таким как он надо вообще запретить иметь детей, а еще лучше – стерилизовать, как рабов, во младенчестве, во избежание случайностей. Твоя жена до сих пор его до дрожи боится. В общем, сын, была б моя воля, я бы отправила его прямиком на ужин василискам.

– Мама, – снова покачал головой муж. – Вы же знаете, что это не гуманно. У них же изжога будет.

Ужинали мы снова вместе. Ни я, ни герцогиня голодны не были, так как как вышли из кафе совсем недавно, поэтому, вяло поковырявшись в своих салатах, мы лишь делали вид, что пытаемся есть, и присутствовали за столом лишь как говорящая мебель. Супруг, глядя на нас, добродушно посмеи-

вался и наслаждался очередным приличным куском хорошо прожаренного мяса со специями и белым соусом.

Придя после ужина ко мне в комнату и выгнав оттуда испуганных его появлением горничных, муж участливо спросил, присев на постель:

– Сильно испугалась?

– Очень, – честно призналась я, стыдливо опустив глаза.

– Почему? Ты ведь уже давно не в его власти. Он не способен навредить тебе, Ирма, даже если бы очень сильно этого захотел. Да, кстати, как поживает бедняга баронет? Все еще здоров после вторичной встречи с Ирой?

Я признательно улыбнулась супругу за шутку:

– Она сегодня комментировала все исключительно изнутри.

– И как ей наш город?

– Сказала, что на Площади Всех Сил мертвецами пахнет.

Муж озадаченно нахмурился:

– Так и сказала? Очень интересно, как она смогла это почувствовать, она же не местная...

– Так это правда? – удивленно посмотрела я на супруга. – Там действительно закопаны трупы?

– Да, – кивнул все еще хмурившийся муж. – Площадь построена на костях десяти последних представителей императорской семьи драконов. Их убили там много веков назад, и их же останки охраняют и саму площадь, и весь наш город. Другое дело, что Ира, не имея корней здесь и магии в своем

мире, не должна была этого почувствовать.

Глава 8

В жизни есть две трагедии. Одна – не удовлетворить желание своего сердца. Другая – удовлетворить.

Б. Шоу

Ирина:

– Ирка! – громкий звонкий женский крик оглушил не только меня. Вздروгнули и испуганно оглянулись все посетители ресторана.

Я обернулась с остальными, радуясь, что уже покончила с обедом и просто сидела за столиком, наслаждаясь перерывом. Нарушительница спокойствия бодро топала на высооченных каблуках по направлению к моему столику. Я улыбнулась и встала.

– Здравствуй, Ники.

– Вики, – задорно ответили мне, обнимая так, что кости мои жалобно затрещали.

Да ладно. Я ж не слепая.

– У Вики над верхней губой в левом углу темное родимое пятнышко.

– Зараза глазастая, – добродушно хмыкнула женщина, наконец отпуская меня и садясь напротив. Все такая же длинноногая, ухоженная и молодая платиновая блондинка, как и раньше. Вот кто совсем не стареет. – Ну рассказывай, как

жизнь.

– Да так же: работа-работа-работа.

– И все? Слушай, я вчера вечером в одном баре твоего бывшего хахаля случайно встретила, он упивался в хлам, спьяну сболтнул, что ты вроде как его послала.

Я равнодушно пожала плечами:

– Ну не всегда ж ему первому своих баб бросать.

– То есть, это такая сладкая месть была? – пытливо прищурилась приятельница. – Или он тебе действительно больше не нужен?

Хороший вопрос. В яблочко, так сказать.

– Честно? Перегорела, Ники. Был когда-то нужен. А теперь пусть катится.

На меня внимательно посмотрели ярко-голубыми глазами (опять с линзами экспериментирует. И чем ей её родной темно-серый цвет не нравится?):

– И кто он?

Сыграем в дурачку? Хотя с Ники это, скорее всего, не прокатит...

– Ты о ком?

– Ирка, не пудри мне мозги. Мы, бабы, так просто от своих мужиков, пусть и бывших, не отказываемся. Значит, ты другого себе нашла, явно лучше Славки. Вот я и спрашиваю: кто он?

Ну вот. Я же говорила... Чернокнижник. Из другого мира. И вообще, мне уже давно пора в желтый дом...

– Ты его не знаешь. Богатый, умный, но давно женат. Да и не по зубам мне.

– Не хочешь разбивать семью? – понятливо уточнила моя чересчур умная собеседница.

Если бы.

– Да нет. Там давно от семьи одно только название и сохранилось. Его жена, будь ее воля, сама давным-давно от него сбежала бы. И подальше куда-нибудь. Он из потомственных аристократов. Помешан на чистоте крови и прочей великосветской чуши. И супруга у него тоже с титулами и положением. А я, как ты помнишь, предками похвастаться не могу. Так что буду натянуто улыбаться при встрече и сохнуть по нему издалека.

Такое объяснение приятельницу полностью устроило.

– Да уж, – тяжело вздохнула она. – Нет в жизни счастья. Нормальных мужиков всех давно разобрали, остались одни козлы.

После работы ко мне заглянул Антон, внимательно посмотрел в мои зеленые глаза, заметно погрустнел:

– Её не было?

– Сегодня? Нет пока. Но, по идее, должна появиться. Пообщаться хочешь?

Парень кивнул:

– Я скучаю. Вот уж не думал, что когда-нибудь смогу так сильно влюбиться.

Э...

– А тебя не смущает, что вы не сможете быть вместе?

Грустная улыбка:

– Ир, ну ты уж за полного дурака меня не держи. Я все прекрасно понимаю. Просто, пока есть возможность, хочу почаще быть с ней.

Да уж...

– Ясно. Как твои боевые раны?

Хмыкнул и тут же скривился:

– Фингал, как ты видишь, почти прошел. А вот губа все еще побаливает. Я тебе за кабинет что-нибудь должен?

А ты как думал.

– Угу. Кучу моих потраченных на вас нервов. Остальное уже оплатил мой бывший. Антон, ну вот серьезно, что вы как два петуха здесь вчера сцепились?

Возвел глаза к потолку:

– И это вместо спасибо. Женщины. Не вступаешься за них – плохо. Вступаешься – тоже плохо. Кто вас поймет.

– Да вступайся на здоровье. Кабинет зачем было громить? Выкинул бы его в окно, и дело с концом.

Рассмеялся. Весело и непринужденно:

– Ты как скажешь. А если бы он меня выкинул?

– Ну тогда Ирма меня убила бы.

Сразу посерьезнел:

– Я правда ей нравлюсь?

Они что, оба специализируются на дурацких вопросах?

– Еще как. Мартовская кошка, блин. А еще герцогиня.

«Не ворчи».

– О, кто у нас появился. Поздравляю, Антон, ты-таки ее дождался.

Глядите-ка, как быстро мы расцвели. И Ирма тоже:

– Тоша! Тебе больно?

– Уже нет.

«Ага. Ты появилась, и там у него точно болеть перестало. Зато в другом месте начало».

«Ира!»

«Все-все, молчу. Развлекайтесь, голубки».

Привычная плавная походка от бедра, и Ирма, в очередной раз сведя с ума оставшихся к этому времени на работе нескольких сотрудников мужского пола, снова королевой садится в чужую машину. И опять шикарный ресторан, легкий ужин и разговор ни о чем. Эти двое, похоже, надышаться друг другом не могут. Вон как глаза в глаза смотрят, практически не отрываются, даже не двигаются. Прямо как соляные столбы. Блин, что ж мне так завидно-то?

На ночь я снова выпила пару рюмок виски. Джонни Уокер помог расслабиться, конечно, но... Нет, пора все же заканчивать с этой порочной практикой, иначе... Чувствую, что с этой сладкой парочкой я все-таки когда-нибудь сопьюсь... Исключительно из зависти... Ромео и Джульетта двадцать первого века...

– Ирма, детка, не нужно бояться лошадей. Они тебя не укусят. Неужели тебя в детстве не учили ездить верхом?

– Нет, матушка. Отец считал этот навык опасным.

Неразборчивое ругательство сквозь зубы. И чуть насмешливый голос Варта, неслышно подошедшего к конюшни, видимо, со стороны дома:

– Мама, слугам требуются ваши указания в доме. Я пригляжу за Ирмой, обещаю.

Герцогиня уходит, что-то недовольно ворча при этом себе под нос. Наконец-то.

«Ирма, дай мне место. Небо, я так давно не ездил верхом!»

Удивленно:

«Ира, ты умеешь ладить с лошадьми?»

Я и не то еще умею.

«Еще как. Ох ты ж, мой хороший. Ну не бойся, я тебя не укушу. Жаль, сахара с собой нет».

– Доброе утро, Ира. – Все тот же насмешливый голос. Вот как он узнал, а?

Не поворачиваясь:

– Привет, Варт. Слушай, у тебя сахара нет? А яблока? Даже маленького кусочка не завалилось? Ох, какая нежная, просто шелковистая кожа. А ресницы! Ну-ну, маленький, не бойся. Дядя не злой. Он просто успешно притворяется.

Хмыканье за спиной.

– Не хочешь повернуться?

Просто мечтаю. Для чего только, непонятно.

– Зачем? Мне и с конем неплохо.

– Джин. Его зовут Джин.

– Отличное имя. А тоник где?

– Что, прости? Опять твой местный фольклор?

– Угу. Варт, будь душкой, подсади меня, а?

На этот раз – смешок.

– Разные люди меня называли по-разному, но вот душкой

– точно впервые.

Подумаешь. Я еще и не так назвать могу. Только попроси.

Еще миг, и сильные мужские руки, подхватив меня под пятую точку, усаживают тушку Ирмы на коня. Боже, вот оно

– счастье.

– Хочешь, покатаемся?

Сейчас? На нем?

– Спрашиваешь!

Пожилой конюх, отиравшийся уже несколько минут рядом в ожидании приказа от господ, по щелчку пальцев ма-га тут же подвел к нему еще одного коня, и уже через пару минут мы неспешно выехали из ворот конюшни. Жизнь, ты прекрасна!

– Ира, вот скажи, зачем ты целенаправленно калечила тогда несчастного баронета?

Интересная тема для разговора. Я покосилась на своего спутника. Одетый в костюм для верховой езды, он верхом на вороном жеребце смотрелся солидно и внушительно. Ирма, кстати, тоже была наряжена в подобный костюм, что меня только радовало, так как дамский вариант, изобретенный в

моем мире, меня совсем не устраивал.

– А с чего это тебе стало его жалко? Он на людях к твоей жене пристаёт, а ты его вдруг жалеешь. Странно как-то.

Улыбнулся, на этот раз открыто и по-доброму. Он и так умеет? Да уж, вот это открытие.

– Не язви. Парню действительно нравится Ирма. Он предпочитает тихих спокойных девушек, которые, в отличие от его невесты, не будут прекословить мужчине...

– ... и будут выполнять все его пожелания еще до того, как он сам их придумал и озвучил. Полный домострой, одним словом.

Удивленно приподнял бровь:

– Это что?

– Это то, как вы с Ирмой все это время живете: ты командуешь, она подчиняется, ничего не оспаривая и заморожено глядя тебе в рот при каждом твоём слове.

Да, тут уже прохладно: и ветер холодный, и тучи на серые на небе, и воздух не радуется теплом...

Все так же мирно:

– У тебя сегодня боевое настроение. Что-то опять случилось?

Вот в кого он такой умный, а?

– Ухажер твоей супруги и мой бывший подрались на днях в моем кабинете. Побили все, что только было можно, а мне теперь приходится за ними восстанавливать.

Хмыкнул:

– И из-за чего подрались?

А тебе правда интересно?

– Из-за меня. Славик меня замуж звал, а Антон решил, что меня надо спасти от навязчивого кавалера.

А вот теперь мой спутник напрягся:

– И ты согласилась?

– На что? Выйти за него? Нет, конечно, раньше предлагать надо было, пока чувства не остыли. Теперь уже поезд ушел. Варт, а давай наперегонки, вон до того большого дерева, а?

Снова улыбка, теперь уже снисходительная.

– Я ведь выиграю.

Самоуверенный тип.

– Да ладно. Если жульничать не будешь, и я могу первой прийти.

Усмехнулся и послал коня в галоп.

Конечно же, он выиграл. Кто бы сомневался.

– Ты жулик!

Самодовольно ухмыльнулся, слез с лошади, легко спустил негодовавшую меня, взял за плечи, повернул к себе лицом и поцеловал. В губы. Взасос. Вырваться мне удалось далеко не сразу: держал он крепко. И целовал тоже... Крепко... К тому времени, как все же отпустил, оба уже тяжело и прерывисто дышали.

– Ты что творишь?

Небо, как я хочу ему по шее дать!

– Тебе не понравилось? – и глаза такие... Как у сытого

мартовского котяры.

– И не должно было! У тебя есть законная жена, с ней и целуйся!

Что-то я завелась. Так, Ирочка, спокойно. Вдох, еще раз. Ирма, под руку не лезь. Что, он что-то говорит?

– Ира, ты слышишь меня?

Идите лесом, сударь. Я вас теперь не только слышать, но и видеть не желаю.

– Нет. И не хочу. Варт, какого лешего ты это сделал?

– Потому что давно хотел.

Самовлюбленный эгоцентрик.

– Что – хотел? Мужчина, вам напомнить, что вы женаты, а я – не одна из ваших любовниц?

– Ира...

Что? Что еще ты мне хочешь сказать? И зачем мне все это выслушивать?

– Варт, поехали назад. Или я сейчас верну Ирму, будешь с ней целоваться.

Угроза, как ни странно, подействовала: меня послушно подсадили, я немедленно уцепилась дрожавшими пальцами за гриву коня, и мы поехали обратно.

На этот раз ехали молча. Ирма что-то постоянно зудела внутри, ее муж изредка косился в мою сторону с задумчивым видом, а я старалась выровнять сбившееся дыхание и унять нервную дрожь в руках и обещала себе, что все-таки дам ему по шее, пусть и не сейчас, пусть чуть позже.

«Ты вернешься?»

Негодующе:

«Ира, не глупи. Он просто тебя поцеловал».

Всего лишь. Вы только подумайте. Просто поцеловал.

«Ну да. И чуть не получил за это по шее».

Удивленно:

«За что? Ты ему нравишься, это же очевидно».

Вот же. Умная нашлась.

«Ирма, прекращай сводничать».

Фырканье, и подруга недовольно замолчала.

Слуги накрыли на стол, и высокое семейство собралось пить чай. Оладьи, вареники, пирожки, сладкое печенье. Как в любом кафе в моем мире. И самое главное – перед подружкой сейчас стояла полная тарелка разнообразных вкусностей. Хоть все съешь, а потом из-за стола колобком выкатывайся.

«Ирма, тихушница ты такая, что ж ты не сказала, что тебя теперь кормят, как на убой».

Хихикает:

«Это свекровь постаралась. После долгой беседы с ней муж пересмотрел свои взгляды на мое каждодневное питание. Но я все равно не толстею».

«Так ничего удивительного. Она из тебя все калории выжимает теми же примерками и прогулками. Вы вчера сколько по городу шатались, включая осмотр залов в музее? Часов пять?»

Вздыхает. Вымученно так.

«Семь. И все – на ногах».

В таком возрасте – и так резво бегать? Да уж, похоже, я начинают уважать мать Варта...

«Ну вот видишь. Значит, все съеденное за завтраком успело уже перевариться».

– Милая, после чая жди меня в своей комнате.

И голос сухой, жесткий. Выдал приказ, как генерал на плацу. Ну-ну. И шо ви таки имеете мне сказать? Ви таки уверены, шо оно мене надо?

– Как прикажете, Ваше Сиятельство, – и глазки долу. Что, съел? Вон как скривился недовольно.

Свекровь недоуменно посмотрела на нас обоих:

– Вартариус, когда ты успел обидеть Ирму? Она же была в таком хорошем настроении утром.

– Мама, – о, еж проснулся. И агрессивный такой. Сколько иголок в голосе. Сам-то уколоться не боишься? – А вам не кажется, что это она успела меня обидеть?

– Сын! – а вот теперь и свекровь вышла на тропу войны. Как же быстро они оба заводятся, буквально с пол-оборота. Сразу видно – близкие родственники, невероятно сильно любящие друг друга. – Я за это время смогла довольно хорошо изучить свою невестку. Она – тихая и скромная девочка.

И недоговоренное «в отличие от тебя». Правильно, иногда лучше изъясняться намеками. Ну что, чернокнижник, поспоришь с родной матерью? Нет, схватил ватрушку с блюда и, угрюмый, начал усиленно двигать челюстями. Все же

права реклама: «Иногда лучше жевать, чем говорить». Варту, похоже, эту истину вбили в голову вполне успешно.

Вошел в комнату нахмуренный, раздраженный, сел на постель рядом, повернулся ко мне:

– Ира, объясни, пожалуйста, в чем дело?

В каком смысле?

«Странный у тебя муж, Ирма...»

– Ты сейчас о чем?

Передернул недовольно плечами. Будто мне и так все должно быть понятно, без его объяснений.

– О нашем с тобой поцелуе, естественно. Я же видел: тебе понравилось. Даже очень. Зачем тогда надо было вырываться?

«Ирма, прости, подруга, но он меня достал».

– Ну хотя бы затем, что я не хочу, чтобы ты потом насиловал меня, как твою жену.

«Ира!!!» – сколько искреннего негодования. Нашла, что скрывать. И от кого. Вот же, дитя великовозрастное.

«Я уже попросила прощения. По-другому его на место, боюсь, не поставит».

Побледнел, несколько минут угрюмо молчал, что-то там себе воображая, потом:

– То есть, она воспринимает наши с ней отношения только лишь как насилие?

Он что, совсем глупый?

– Варт, ты сейчас смеешься, да? Как еще она должна их

воспринимать, если ты не соизволил предварительно удостоверить, что ей хорошо, когда ты рядом? Или ты искренне веришь, что рядом с таким крутым мачо, как ты, любой женщине будет хорошо априори? Её саму спросить не пробовал? Хотя бы ради разнообразия?

Молчит. Смотрит, бледный, в пол и молчит. Затем:

– Вы обе точно смерти моей ранней хотите. А, нет, забыл: еще и мать туда же.

Бедный несчастный черный маг. Все его обижают. О! А вот и новая тема для разговора.

– Варт, а в чем разница между белой и черной магией?

Криво ухмыляется:

– Меняешь тему, да? Ладно. В принципе, официально магия делится на белую, черную и серую, но последней владеют лешие, наяды, фейри и прочая разнообразная нечисть. Людям к ней доступ закрыт. Поэтому все человеческие маги делятся исключительно на белых и черных. Первые ограничены в свои силы: они имеют дело только с энергией жизни и способны лишь исцелять. А очень сильные маги с десятилетиями накапливаемой магической энергией – еще и воскрешать недавно умерших. Из них получаются отличные лекари. Все остальные маги пользуются любой энергией. Им неважно, откуда черпать силу. И как ни цинично это звучит, на поле боя, когда вокруг умирают одновременно десятки людей, сила любого черного мага возрастает до невероятных высот, так как он пользуется энергией смерти. Эльфы, кста-

ти, все поголовно – белые маги, а гномы – черные.

Ну что-то подобное я и предполагала.

Ирма:

– Госпожа, – в комнату зашла одна из горничных, почти-точно склонилась в поклоне. – Вас хочет видеть герцогиня. Она внизу, в обеденном зале.

Как оказалось, меня ждала очередная невероятно долгая встреча со швеей. На этот раз мы примеряли частично готовые наряды и подгоняли все, что надо, по фигуре. Несколько часов до ужина я провела на ногах и твердо уверилась, что отныне являюсь не человеком, а лишь одушевленным, изредка что-то произносящим манекеном. Пачку творога и два стакана кефира, поданные мне на ужин, я съела за минуту и даже не заметила.

– Нет, нет и нет. Филипп Филиппович, это даже не смешно. Мы с вами все согласовали еще два дня назад. Я жду от вас окончательного результата. Всего хорошего.

Ира откинулась на стуле, устало выругалась сквозь зубы, потом почувствовала меня:

«Ирма, ты в цирке была?»

«Нет, а что это?»

Хмыкает.

«Вот как раз посмотришь. Я бы сказала, то же, что вся наша жизнь. Мне тут в благодарность утром один из постоянных клиентов контрамарку занес. Не хотела идти, но все-та-

ки надо развеяться. Тем более, рабочий день уже завершен, а сеанс всего-то через час».

Люди, звери, крики, шум, громкая музыка... Боги, где я? Что вокруг творится? Зачем несчастных животных заставляют прыгать через огонь? Почему весь зал хохочет от падения сильно раскрашенных мужчин и их постоянных драк? Для чего сильных и гордых хищников держат в клетках да еще и щелкают возле них кнутом? Как не боятся упасть те, кто летает наверху, прямо над зрителями? Совершенно дикое, непонятное мне место. И ведь зал забит, а значит, людям действительно нравится все происходящее вокруг.

«Не впечатляет, подруга?»

Она еще спрашивает...

«Я как-то не вижу смысла во всем этом».

«Да тот же, что и в опере/балете/кино: сходить погулять, других посмотреть и себя показать».

– Ирочка!

Низенькая худенькая миловидная женщина спешила к нам с другого конца фойе.

– Светик! Какими судьбами? А как же муж и ребенок?

Небрежный взмах рукой:

– Веня уже мальчик взрослый, сможет и за Максимкой, и за Верочкой присмотреть.

– Или они оба – за ним, – хитро сощурилась Ира, и обе приятельницы рассмеялись.

Она появилась ниоткуда, как будто соткалась из воздуха:

маленький толстый шарик, одетый в разноцветную одежду не по размеру, да еще и явно не первой свежести, она будто нарочно столкнулась с Ирой, крепко схватила подругу за руку и пронзительно заверещала на все помещение:

– Воровка! Ты украла мои арбузы! Пусть они тебе комом в горле станут!

Люди начали заинтересованно оглаживаться, потом, сравнив неопрятный внешний вид крикуньи и стоявшей напротив нее элегантно и дорого одетой молодой женщины понятливо усмехались, крутили пальцем у виска и отворачивались. Кто-то зачем-то доставал телефоны и направлял их в нашу сторону. Ира стояла, шокированная, а женщина продолжала громко верещать, потом вдруг запнулась, вскинула голову, внимательно посмотрела на мое альтер-эго совершенно безумными черными глазами и змеей прошипела:

– Отпусти ее! Иди за ним! Нечего тебе здесь делать!

После этого она резко оттолкнула от себя руку Иры и, все так же продолжая кричать о каких-то непонятных украденных арбузах, уверенно покатилась к выходу.

– Что это было? – очнулась стоявшая до этого времени столбом приятельница подруги.

– Видимо, местная сумасшедшая, стадия обострения, – равнодушно пожалала плечами Ира и, морщась, потерла пострадавшую конечность. – Точно синяк будет. Хотя я не удивлена: этот день нормально закончиться просто не мог.

Ирина:

Он меня поцеловал! Этот нахальный черный маг меня поцеловал! Нет, надо было вклеить ему тогда пощечину! Со-всем обнаглел! Умник нашелся! Сам женат, рядом куча любовниц, так еще и ко мне свои загребушие руки протягивает!

Добираясь до работы, я кипела, как раскаленный чайник, случайно забытый нерадивой домохозяйкой на плите.

Как и следовало ожидать, день был просто ужасным: упрямые клиенты, тупящие сотрудники, недовольные ходом дела партнеры. К вечеру я чувствовала себя злым цепным кобелем, как следует раззадоренным толстыми соседскими котами – вроде и близко, сволочи пушистые, прогуливаются, а не достать, цепь постоянно мешает, и только зубами в воздухе тщетно клацаешь и лаешь от бессильной злости при их появлении. С каждым днем всё ясней понимаю, что становлюсь мизантропом...

Что? Контрамарка? Цирк? Нет, в цирк не хотелось. Я там не была лет с пяти, когда, приехав туда однажды с отцом, испугалась во время представления огромного раскрашенного клоуна, кривлявшегося на манеже, и особо не горела вспоминать детство, но вот появилась Ирма, и я подумала: почему бы и нет? Все равно надо пар спустить, так пусть это будет на людях. Заодно и подругу с местными развлечениями продолжу знакомить. Но, конечно, без приключений я не могу. Вот что это за полоумная тетка была? Какие арбузы я у нее украла? То, что она прошипела, тем более было

непонятным. Отпусти ее... Кого? Будто я кого-то на привязи держу. За кем идти? Где конкретно мне не место? В цирке? В общем, одни вопросы, неприятный осадок, синяк фиолетового оттенка на руке и отвратительное настроение. Спасибо, Небо, ты, как обычно, не скупилшься на гадости маленькой скромной Ирочке.

Ирма снова лежала в постели. На спине. Пузом кверху. Любимая поза, блин. Вот же овощ на грядке. Беременный помидор или начинающая рожать тыква.

«И тебе добрый вечер. А ругаться зачем?»

Непоколебимое спокойствие. Нервы, как канатная дорога. Мне бы так себя вести.

«Затем, что движение – жизнь, моя дорогая. Движение, а не протирание боков в кровати».

Подруга хотела что-то ответить, но почему-то вдруг замерла. Меня окатило ее страхом.

«Ирма? Ирма, очнись. Что случилось? Ирма!»

Паника в голосе:

«Я... Я его снова вижу... Здесь...»

Ничего не понимаю.

«Кого видишь?»

«Призрака!»

Оглушит же сейчас...

«Так, отставить истерику. Успокаивайся давай. Ничего это колебание воздуха тебе не сделает. Он уже мертв, вообще-то, поэтому гадости делать не способен».

«Ира...»

«Здесь я. Выпусти меня, трусиха ты такая».

Дважды повторять не пришлось: мне мгновенно освободили место, с облегчением забившись куда-то в дальний угол собственного тела, и я потянулась к колокольчику для прислуги. Появившимся горничным я приказала жестким тоном:

– Позовите Его Сиятельство. Немедленно!

Судя по выражению глаз девушек, они сильно сомневались в отклике хозяина и его появлении в этой комнате, но послушаться, естественно, не посмели. Варт пришел через несколько минут, встал в дверном проеме и с ленцой поинтересовался:

– Мы виделись всего десять минут назад. Что успело случиться за такой короткий срок?

– И тебе добрый вечер, – мило улыбнулась я, приподнимаясь и устраиваясь поудобней на мягких подушках. – Твоя жена опять увидела призрака.

Все-таки надо отдать ему должное: каким бы дурным мужем он ни был, но маг Варт вполне компетентный. Он не стал задавать лишние вопросы и уточнять, когда Ирма заметила этого призрака впервые, а внимательно оглядел всю комнату, затем подошел к столику и застыл там на какое-то время.

– Это к тебе, – наконец-то «отмерев», повернулся черно-книжник к постели.

– К кому? – не поняла я.

– К тебе, Ира.

Ой...

– А кто это?

– Некая Алла Андреевна. Тебе это что-то говорит?

В ответ я выругалась, громко и со вкусом, так, как когда-то учили байкеры маленькую глупенькую девчонку, впервые посетившую их клуб. В следующую секунду со столика взлетел какой-то миниатюрный сиреневый флакончик и стремительно понесся в мою сторону. Отклонилась я в последний момент, емкость на лету врезалась в стенку, и в комнате разлился стойкий запах цитрусовых.

– Видимо, говорит. – Задумчиво пробормотал маг, до этого молча наблюдавший за всем этим безобразием, после чего щелкнул пальцами, и запах исчез. – Не хочешь объяснить, кто это?

– Мать. Моя собственная родная матушка, которая всего несколько дней назад погибла вместе с моим же младшим братом. Варт, что ей от меня надо?

Опять непродолжительное молчание, затем:

– Просит напомнить тебе о судьбе некой тети Зои.

Выругаться мне захотелось повторно, теперь уже – матом, и крыть им подряд несколько минут, причем без остановки. Но на этот раз я все же умудрилась сдержаться, медаль мне на шею, блин, хотя нет, лучше орден. За терпение по отношению к собственной матери, пусть и в виде призрака. Она даже после смерти ни капли не меняется. Тетя Зоя... Вот ни-

каких слов уже не осталось, и эмоции все давно закончились.

Тетя Зоя была дальней родственницей матери, пожилой старой девой, недалекой и глупенькой миленькой простушкой в молодости, в старости превратившейся в ворчливую гримзу с неудавшейся личной жизнью. Она горько жаловалась каждому, кто случайно появлялся в поле ее зрения, что все люди – неблагоприятные свиньи, что она угробила свою жизнь непонятно для кого, а никакой благодарности до сих пор ни с чьей стороны не дождалась, что молодежь теперь уж совсем не та, что была раньше, и вообще, вот в ее время даже небо было голубее, а трава – зеленее... Мать при каждой их встрече все эти длинные рассуждения обычно равнодушно пропускала мимо ушей, мне же с ранней моей юности приводила эту самую тетю Зою как великолепный пример ослиного упрямства и женской глупости: «Ты слишком переборчива, Ира, так нельзя, прекрасных принцев давно не существует, вымерли, как динозавры, это только бабские сказки для таких вот зоек-неудачниц, в жизни нужно довольствоваться обычными, среднестатистическими мужчинами; ты чересчур серьезно относишься к выбору партнера, парни любят девчат попроще, без «тараканов» и прочих насекомых в головах, и начни наконец улыбаться людям, а то на тебя смотреть страшно, как больной бухгалтер ходишь; ты давно ни с кем не встречаешься, Ира, о тебе забудут твои друзья, если они у тебя еще остались, одних клубов в наше время не достаточно для нормальных отношений, даже если они толь-

ко приятельские», и прочее, и прочее. Заканчивалась каждая подобная фраза совершенно одинаково: «Смотри, Ира, будешь и дальше упрячиться, так замуж никогда и не выйдешь, останешься таким же рваным синим чулком, как дура Зойка».

– Ира?

– А? Прости, Варт. Ты что-то сказал?

– Поинтересовался, о чем идет речь.

– Да о чем еще может идти речь в моем возрасте. Замуж меня хочет поскорей сплавить, боится, что еще пара лет, и я останусь никому не нужно старой девой, как эта самая тетя Зоя. Варт, слушай, ты же маг? Ты не можешь ее развеять?

На это раз в путешествие отправился тяжелый цветастый керамический вазон. Хорошо хоть без цветов. Заразный чернокнижник с искренним любопытством наблюдал за этим «полетом шмеля», а едва тот коснулся стены, сразу же щелкнул пальцами, убирая всевозможные осколки, и перевел взгляд на меня. Темно-вишневые глаза не просто смеялись, нет, они откровенно хохотали. Этот гад точно что-то задумал и теперь наслаждался и ситуацией, и принятым решением.

– Ну что ты, Ира. Как можно развеивать такого милого обшительного призрака, тем более, когда он совершенно случайно вдруг оказался твоей матерью.

А голос-то, голос. Просто сочтется патоккой. Зараза...

– Варт, что ты задумал?

Улыбается... Так многозначительно... Как мелкий хулиган, придумавший очередную пакость.

– Не понимаю тебя, Ира. О чем ты?

– Скорее о ком. О тебе и моей матери. Она требует от меня чуть ли не немедленного замужества, причем совершенно непонятно, когда, зачем и за кого я должна выйти, ты по каким-то тайным причинам доволен и ее появлением, и прояснившимся вопросом. Одна я себя чувствую, как гуппи, вытасченная на тарелку из аквариума юным живодером-натуралистом.

Ухмылка у него... Так и хочется стереть чем-нибудь тяжелым. Ну хоть кулаком.

– Я открою тебе небольшую тайну: призрак исчезнет сам, как только исполнится его последняя воля.

Это что значит, я теперь должна плюнуть на все свои принципы и просто-напросто выйти замуж, чтобы моя ма-тушка все же соизволила отправиться на тот свет?

– И как мне быть?

Ох, по его лицу вижу, что ответ мне не понравится.

– Выйти замуж, конечно. Например, за меня.

Какое-то время я просто тупо смотрела на него, не особо вдумываясь в произнесенные слова, потом все же открыла рот и четко и подробно обозначила длинный и извилистый маршрут со всеми возможными пересадками и остановками, а также довольно откровенно пожелала своему несостоявшемуся супругу легкого и веселого путешествия, только, есте-

ственно, без меня под боком.

Реакция матери последовала незамедлительно: в меня полетело сразу два флакона, причем с разных сторон. Уклоняться на этот раз я не стала, просто пригнулась и прикрыла голову руками. «Снаряды» до цели не долетели: знакомое щелканье пальцами, и я так и не узнала, что за ароматы там были.

– Ира...

Нехотя поднимаю голову, смотрю на него. Он озадаченно смотрит в ответ:

– Можно узнать причину отказа?

Причину тебе? Да запросто. Хоть сотню сейчас придумаю.

Вот, например:

– С рабовладельцами дела не имею.

Хмыкает, да еще так недоверчиво, как будто считает, что я дурию маюсь:

– Я очень надеюсь на твое благоразумие. Ведь пока призрак силен только здесь, в этом мире. Очень скоро он начнет активно действовать в твоей квартире.

Глава 9

Кто полон желаний и надежд, тот уже живет в будущем. Л. Шеффер

Ирма:

Я не понимала поведения подруги. Ей очень нравился мой

муж, я чувствовала, как она мгновенно загорается, едва он появлялся рядом. Да, Ира постоянно держала себя в руках и полностью контролировала каждый свой жест, каждое сказанное слово, но я до сих пор помню ту лавину сильнейших ощущений, которая накрыла с головой не только подругу, но и меня заодно, когда мой супруг неожиданно поцеловал ее на тогда прогулке: волнение, желание, наслаждение, любовь, страсть. Так почему же она все-таки отказалась стать его женой и поменяться со мной телами? Причина отказа, на мой взгляд, была выбрана на редкость неудачно. Скорее я бы поверила, если бы она упомянула неприятную мне традицию мужчин-аристократов в нашем государстве полуофициально посещать своих любовниц. Но уточнить у своего альтер-эго о мотивах его поведения я не успела: у Иры снова прозвонил будильник.

– Ирма?

– Да, Ваше Сиятельство.

Уже привыкнув к невозможности изменить форму моего к нему обращения, муж на этот раз даже не поморщился.

– Объясни мне хоть ты, что в голове у твоей подруги.

– Она не будет в восторге...

Чуть приподнятые в ответ густые черные брови:

– И? Женская солидарность? Брось. Ты же видишь, что нас с ней тянет друг к другу. Боги ошиблись, отправив ее душу в другой мир. Я же хочу все исправить и предлагаю ей жить здесь, со мной. Так почему она артачится? Что ее не

устанавливает? Ты как-то упоминала, что ей не нравятся определенные правила нашего государства. Какие конкретно?

Стоит ждать. Я понимаю, что физически он меня заставлять не будет, но вот это его давление... Как там Ира говорила? Точно: «Психологическое воздействие». В общем, я сдалась:

– Ей не нравится наличие «официальных» любовниц, когда есть законная жена, и уж тем более она не хочет воспитывать детей от этих любовниц; она не понимает рабства и утверждает, что все люди равны изначально; она за равенство между полами и отказывается всегда и во всем подчиняться мужчине.

В темно-вишневых глазах искреннее изумление пополам с раздражением:

– Боги, какая надуманная чушь! Она из-за этого не желает стать герцогиней???

Ну почему же чушь... Я тоже многое не приемлю, только характера Иры у меня, увы, нет...

– Да. Ей важно все перечисленное.

Недовольно:

– Женщины... Вы хоть иногда включаете мозг? Это же нелогично и совершенно неразумно!

Ответить было мне нечего, но мой муж и не ждал ответа: повернувшись, он быстрым шагом вышел из комнаты.

Ирина:

Собираясь на работу, я тщательно обдумывала слова Варта. Значит, моя маменька мечтает о моем замужестве, да еще, судя по всему, скором? Нет, напрасно я поторопилась и Славика с его обручальным кольцом подальше послала. Надо было все же сыграть эту не нужную никому свадьбу и уже через месяц с чистым сердцем потребовать развода: мол, прости, дорогой, не сошлись характерами, кто же знал, что ты так изменился за те пять лет, что мы с тобой не виделись, и вообще, любовь слепа, милый, а я вот сейчас прямо взяла и прозрела. Ну ничего, вокруг полным-полно других мужиков, за которых можно выйти и с которыми можно потом без особых проблем развестись. Так что здесь вопросов нет. За этого наглого мага я точно не пойду. Перебьется.

«Ты же его любишь...»

Вы посмотрите только, кто к нам в гости сейчас пожаловал. Еще и умничает.

«Ирма, солнце, любить и выйти замуж – вещи разные. Я и кошку в подворотне могу полюбить».

Обиделась:

«Ира, я серьезно».

Да ну? Ладно, у меня есть еще несколько минут, пока до машины дойду.

«Хорошо. Давай серьезно. Ирма, твой муж мне действительно очень нравится, но сильное сексуальное влечение еще не делает его единственным претендентом на мои руку, сердце и остальные части тела. Так, надеюсь, понятно?»

«Почему?»

Видимо, понятно далеко не всё, если до сих пор продолжает спрашивать...

«Да потому что я должна уважать и понимать своего будущего мужа. Это как минимум. А в случае с Вартом и то, и другое, к сожалению, никак невозможно. Уважать самовлюбленного, наглого, женатого ходока налево? Никогда. Попытаться понять, что в голове у того, кому дозволено практически все? Нет, дураков нема. Все, подруга, я села за руль. Не отвлекай меня теперь».

– Доброе утро, Ирина Николаевна. Вам звонил некий Михаил Дронов, оставил свой номер, просил перезвонить.

Мишка? Мишка Дронов? О чем я думала час назад? Да на ловца и зверь бежит.

С Мишкой мы учились в параллельных классах. Высокий неуклюжий толстяк, полный тюфяк и растяпа, как называла его с пренебрежением моя матушка, в средней школе он даже был по уши в меня влюблен. Потом эта влюбленность вроде бы прошла, или же он научился тщательно скрывать свои чувства.

«Ира...»

«Ирма, ша. Мне нужно призрака успокоить, а затем – и упокоить. Не хватало еще, чтобы он начал резвиться у меня в квартире. Лучше помоги очаровать по телефону моего бывшего поклонника».

Обреченно вздыхает:

«Муж меня убьет...»

Это она серьезно?

«Кто? Варт? Да не смейся меня. Он и пальцем тебя не тронет – побоится еще больше испугать. Будет, как и всегда, мне все высказывать, когда я у вас появлюсь. А я твоего благоверного ни капли не боюсь. Так что эта отговорка точно не прокатит. Всё, давай появляйся и набирай нужный номер».

– Слушаю.

Низкий мужской голос, чуть с хрипотцой. Он что, спал там? Или пил?

– Миша?

Блин, ну вот как так можно? Даже у меня от одного сказанного ею слова мурашки на коже стали активно танцевать лезгинку. Представляю, что с парнем там творится. Ей в секс по телефону срочно нужно, чтобы талант не пропал.

Недолгое молчание на том конце, и мужчина все так же хрипло уточняет:

– Ирочка?

Еще один. «Ирочка». Ненавижу эту форму своего имени. Ира я, Ира. Всё. Точка.

– Ты просил, чтобы я перезвонила...

Томно, с придыханием. Да, мне так не сыграть. Таланта не хватит. И аристократического воспитания тоже...

– Д-да... Ирочка, мы можем встретиться?

«Ира?»

«Да, естественно!»

– Конечно. Когда и где?

– Я подъеду к тебе сейчас, ты не против?

«Пусть приезжает».

– Хорошо, жду. До встречи...

«Ирма, ты – ходячий тестостерон. Нет, не прячься. Мне нужно, чтобы он меня замуж позвал».

Хихикает, довольная услышанным комплиментом, потом уточняет:

«А если он уродом окажется?»

Да какая, собственно, мне разница?

«И что? Мне с ним не всю жизнь жить; а несколько дней, пока матушка не исчезнет, как-нибудь потерплю».

Минут через двадцать в кабинет зашел мужчина. Ирма все это время сидела, откинувшись, в кресле и делала вид, что читает какую-то очень важную бумагу. Так, а вот и мой гость. В принципе, особо и не изменился со школьной скамьи. Такой же высокий и толстый. Я бы даже сказала: тучный. И как он вообще в одежду свою помещается... Ну да ладно, мне с ним детей не крестить.

Подошел, смотрит взглядом молочного тельца, только что оторванного от мамкиной сиськи, на лбу бисеринки пота. Эх, как мужика-то прихватило.

– Ирочка, ты прекрасно выглядишь.

«Ирма, развлекайся. Ради святой цели я все вытерплю, даже этого рохлю рядом».

Хмыкнула. Весело ей. Потом грациозно поднялась с крес-

ла, чуть подалась вперед, позволяя собеседнику нырнуть взглядом в декольте, и призывно улыбнулась:

– Здравствуй, Миша. Рада тебя видеть.

Угу. И ведь ни капли не солгала. Я сейчас была рада любому неженатому мужчине, даже вечно пьяному дворнику дяде Васе, лишь бы в ближайшее время успешно замуж выско-чить, а у Мишки на безымянном пальце кольца нет, так что для моих целей данный экземпляр в данную минуту вполне годится.

Предмет моих мыслей тем временем гулко сглотнул, не отрывая глаз от соблазнительного треугольника на груди:

– Ирочка, я это... Пришел сказать... То есть, спросить... У нас же встреча выпускников скоро... Очередная... Ты... Пойдешь...?

«Да. Только вместе с ним».

– Ну конечно. Ты ведь согласишься меня сопровождать?

И опять эта призывная улыбка.

– К-к-коне-ечно... Б-бу-ду рад...

«Э-э-э, Ирма, ты палку-то не перегибай. Муж-заика мне точно не нужен».

Смешок:

«Как скажешь, подруга».

Ирма:

– Ирма, милая, ты ничего не хочешь мне рассказать?

Все утро я, помня о сумасбродном плане своего аль-

тер-эго, сознательно избегала встречи с супругом, решившись ради такого дела даже на поход по магазинам со све-кровью. Герцогиня не жалела денег рода и покупала только качественные вещи, демонстративно игнорируя их непомерно высокую стоимость. Например, стоимость колье, предназначавшегося мне для бального платья, превосходила в два раза месячный оклад моего отца. Я не спорила и первый раз в жизни получала от покупок настоящее удовольствие. Когда же во мне начинала просыпаться совесть, я вспоминала о безумной затее подруги и необходимости прятаться от мужа, чтобы своим поведением не выдать Иру, и покорно шла за очередным товаром, якобы так сильно нужным мне.

Обед мы с «матушкой» пропустили, вернулись домой ближе к ужину. За столом мы с супругом все же встретились. Очевидно, он что-то такое почувствовал, недаром считается самым сильным магом в Империи, потому что за время совместной трапезы, не слушая оживленного рассказа матери о проведенном с пользой дне, не отрываясь, смотрел на меня. Как только ужин завершился, муж решительно отодвинул кресло, подошел ко мне и протянул руку со словами:

– Пойдем, дорогая, я провожу тебя в твою комнату.

Уже тогда я поняла, что расплаты мне не избежать, и все время, что мы поднимались по лестнице, упорно разглядывала защитные магические узоры на каменных ступеньках.

Вот и мои покои. Муж усадил меня на кровать, присел рядом и обманчиво мягко поинтересовался:

– Ирма, милая, ты ничего не хочешь мне рассказать?

Я привычно сжалась в комок, ожидая наказания за сделанное. Муж недовольно нахмурился:

– Ирма, я не твой отец и женщин физически не наказываю, тем более – не бью. Что произошло? Почему ты весь день избегала моего общества?

Я не знала, как ему объяснить то, что уже произошло, но он, похоже, и сам догадался:

– Ира, да? Она во что-то тебя втянула, и ты не посмела отказать подруге? Что это было, Ирма? Обещаю, что ты за случившееся нести наказание не будешь.

Я начинала верить своему мужу и все же чувствовала себя неуютно, сказав это:

– Ира нашла себе жениха из своего мира, она собирается за него замуж, чтобы обмануть призрака.

Супруг прошипел что-то нечленораздельное, медленно сжал и так же медленно разжал кулаки, немного помолчал, потом выдавил сквозь сжатые зубы:

– Кто он?

– Бывший одноклассник, если я правильно её поняла, то есть, они в детстве учились вместе, внешне не очень приятный мужчина, но она сказала, что ей все равно, что он – временный вариант.

Муж недовольно передернул плечами:

– Ты хочешь сказать, что в их мире девочки учатся вместе с мальчиками? Какая дикость! Отсталая страна! Теперь

понятно, почему у нее такой дурацкий характер, неуважение к старшим и шальной ветер в голове. Покажи мне его. Не бойся, я не увижу ничего лишнего. А ты не почувствуешь ни малейшего дискомфорта. В этом я тебе клянусь.

Ирина:

Проводив Мишку, успешно очарованного ею, Ирма уступила мне место и скоро вернулась в свой мир. Я же полностью погрузилась в работу, стараясь не думать лишний раз о шальном призраке, нахальном Варте, его угрозах и способности за считанные секунды узнать от подруги о моем сумасшедшем плане. Ближе к вечеру, покончив с делами, я захватила в несколько бутиков и обновила свой гардероб, купив в придачу еще и побольше косметики с духами. Вот так. Теперь я была готова ко встрече выпускников. Сто лет там не была и столько же не появлялась бы, так как никогда не любила свой класс и школу, в которой училась, но, увы, придется все же поехать: это будет наше первое с моим будущим мужем совместное мероприятие, а значит, выглядеть там я должна на все сто, решительно затмив всех остальных бывших одноклассниц.

– Ирма, солнышко, какое платье ты наденешь на вечер?

– Я бы хотела темно-зеленое, матушка. Мне очень нравится этот необычный цвет.

– Отлично. К нему как раз подойдет тот самый малахитовый гарнитур, что мы так удачно купили вчера.

«Ирма, куда тебе столько цацек?»

Улыбка до ушей:

«А тебе не нравится? Смотри, какая красота».

Я снисходительно фыркнула:

«Дите. Камешками играет. Как Варт отреагировал?»

Удивление:

«А как ты узнала?»

Я ухмыльнулась:

«Смеешься, да? Зная тебя и его? Так что было?»

Покаянно:

«Он залез мне в голову, просмотрел весь день, а потом ушел порталом на полигон».

Отлично. Это мне только на руку.

«Значит, пар выпускал. Ничего, ему это полезно. Будет адекватней на жизнь смотреть».

Разговаривая, мы тем временем вышли в коридор и там неожиданно наткнулись на нечто твердое и высокое. У этого нечто был очень знакомый голос...

– Ирма, родная, ты не ориентируешься в пространстве? Тебе нехорошо? Позволь, я провожу тебя в твои покои.

Зараза. Ведь понял все: в нормальном состоянии жена его по широкой дуге обходит.

Дверь захлопнулась. Этот умник, конечно, остался в комнате.

– Ира, появись. Нам нужно пообщаться.

Я уже говорила, что он нахал?

– Встань передо мной, как лист перед травой. Ну и что тебе надобно, старче?

Смотрите-ка, мы и улыбаться умеем.

– Знаешь, я уже привык к твоему фольклору и даже начинаю находить в нем удовольствие. Ты, наверное, умная очень, раз часто непонятные фразы произносишь.

Это меня только что так изощренно душой обозвали?

– Варт, я ж могу и назад уйти.

– Да? И что мне в таком случае передать твоей матери, Ира? Она снова возле столика Ирмы стоит. Очень хочет услышать подробности о выбранной тобой кандидатуре.

– Так а что вас обоих не устраивает? – удивленно пожала я плечами. – Мама хочет выдать дочь замуж, дочь, покорная материнской воле, замуж и выходит. Тебе не надо матушку мою развеивать, так как после свадьбы она исчезнет сама. А вот кандидатура никем не обговаривалась. Так что я выбрала того, кого захотела.

Возле столика она стоит, да? Как же. А кто тогда меня только что подушкой по голове приложил?

– Варт, ты бы хоть свою жену пожалел, ее калечить сейчас будут, не меня.

– Не беспокойся, я потом уберу всевозможные последствия и болевые ощущения. – И снова его гадкая ухмылка. Вот что он опять задумал? Р-р-р!!! Ненавижу ситуации, в которых не могу предугадать следующий ход своего противника!

– Знаешь, Варт, жизнь моя нелегкая меня приучила, что если нет желания влипнуть в большие неприятности, прежде всего выполнять букву закона, а уж потом думать о его духе. Так вот, была заявка на свадьбу, детали не уточнялись. И я замуж выйду. А уж за кого – это уже не вам с матерью решать.

Смотрит зло так. Только я не Ирма, меня взглядами не запугаешь, мне дела подавай.

– Запомни, Ира: я не позволю тебе выйти за него. Единственным твоим мужем могу быть только я. Остальные к тебе не подойдут и на пару тысяч шагов.

Ой, сколько самомнения... Господин великий черный маг, ну да – ну да. Как там? С буйнопомешанными не спорят? Хорошо, буду говорить ласково.

– Варт, солнышко, а тебя Ирма не смущает, нет? У вас, насколько я помню, многоженство не разрешено.

Эй! Ну вот что опять не так? Смотрит на меня, будто я глупость ляпнула. Заразный черный маг!

– Не беспокойся, Ира, поверь, я найду, как решить эту небольшую проблемку ко всеобщему удовольствию.

Ты? О, да. Ты найдешь. Ты это можешь. Я в тебе, обормоте этаким, никогда и не сомневалась. Такому наглому, самодовольному, самовлюбленному эгоистяре, как ты, мой дорогой, многое по плечу. Меня, как обычно, спрашивать никто не собирается...

Ирма:

Торжественный вечер в честь нашей с супругом восьмой годовщины свадьбы должен был состояться уже завтра, и последний день мы со свекровью провели в приятных, хоть и выматывающих домашних хлопотах, проверяя, все ли в порядке: чисто ли выдраен дом, не забыла ли челядь украсить гирляндами живых цветов потолок, стены и окна, везде ли на полах лежат шикарные мягкие ворсистые ковры эльфийской работы, правильно ли расположены серебряные таблички с именами и титулами гостей за торжественно накрытым обеденным столом, хватает ли ингредиентов на кухне для указанных в составленном герцогиней праздничном меню блюд и прочее. Мой супруг все время пропадал на работе или в своем кабинете, и его никто не трогал, даже «матушка» посчитала в этот раз ненужным привлечь своего любимого старшего сына к общей предпраздничной суматохе, сообщив, что загрузит его по полной завтра. Ира в этот день почему-то не появилась.

– Ирочка! Встреча выпускников уже завтра. Ты не забыла?

Вымученная улыбка совершенно измотанной подруги. Она что, всю ночь не спала?

– Я помню, Миша, не переживай. Сегодня наконец разберусь с этим жутким авралом на работе, а завтра мы с тобой обязательно пойдем на встречу.

«Ира, тебе помочь?»

«Если только ты поспишь за меня... Небо, как давно я

всю ночь не бодрствовала. Последний раз, помню, на третьем курсе к экзамену готовилась...»

Гости начали прибывать практически сразу после обеда: сначала вручали хозяевам подарки в честь годовщины, затем с любопытством осматривали празднично украшенные комнаты на первом этаже и наконец разбивались на небольшие группы и, расположившись на диванах и в креслах в различных залах, о чем-то еле слышно беседовали между собой.

Мой супруг, одетый в темно-синий вечерний костюм, занимал разговорами мужскую часть гостей. Мы же со свекровью, обряженные в новые пышные платья темно-зеленого и насыщенного синего цвета соответственно, сновали туда-сюда между женщинами, приветливо улыбаясь, поддерживая пустую светскую беседу, постоянно внимательно следя, чтобы у дорогих гостей не было ни в чем недостатка, чтобы рабыни вовремя исполняли любое, даже самое пустячное желание аристократов. Я довольно часто ловила на себе заинтересованные взгляды со стороны обоих полов. И если мужское внимание мне льстило, то женское – откровенно напрягало.

«Расслабься, подруга. Ты похудела, похорошела, начала улыбаться, ведешь себя намного уверенней, чем раньше, вот они и пытаются понять, куда Варт дел старую негодную жену и откуда притащил такую миленькую новую. Ну и завидуют заодно».

Я мысленно улыбнулась:

«Ты уже спишь?»

Довольно:

«Ага, наконец-то улеглась, устала, как та бешеная белка в колесе. Все-таки мне вредно не спать по ночам. А ведь завтра с Мишкой надо на эту дурацкую встречу тащиться, вот и нужно время найти и хоть немного отдохнуть, чтобы народ в страхе в разные стороны не шарахался и с лестниц не сваливался».

«Не передумала?»

Шипит, как разозленная кошка:

«Не дождетесь, умники. Слушай, солнце мое, тебе эти гости очень дороги?»

Ой, бедный мой супруг... Тут же и родственники Императора присутствуют...

«Ты хочешь развлечься?»

Предвкушающе:

«Есть такое желание. Пусти».

Походка и жесты сразу же стали четкими, уверенными и, если можно так выразиться, более отточенными. Ира точно знала, что и как делать, кому что говорить, как правильно улыбаться и как с кем обращаться. Надменным семейным матронам, приглашенным исключительно из-за титула и высокого социального положения их мужей, она сразу показывалась ядовитой змеей, которую лучше не трогать, если не хочешь серьезных проблем, с их молоденькими скромными

дочерьми подруга была милой и ласковой, искренне интересовалась ими, задавала вопросы ни о чем, внимательно выслушивала сконфуженные ответы, поощрительно улыбалась. В общем, чувствовала себя явно на своем месте.

«Ирма, сей же час прекрати сводничать!»

Да, придется думать потише.

Недовольное фырканье в ответ.

– Родная, – муж появился за спиной внезапно, в очередной раз продемонстрировав, что он умеет подкрадываться совершенно бесшумно. – Я думаю, нам всем пора к столу.

Ира, до этого уже несколько минут общавшаяся с Амалией, одной из многочисленных дочерей богатой, но глупой герцогини Ульмы ранос дорт Вереней, дальней родственницы Императора, повернулась и очаровательно улыбнулась:

– Как скажешь, любимый.

Внимательный взгляд темно-вишневых глаз, довольная ухмылка объевшегося украденной сметаной кота, и супруг подает руку моему альтер-эго, чтобы идти ужинать.

Да, повара постарались на славу: такого продуктового изобилия я не припомню. Стол буквально ломился от блюд, заставляя меня серьезно опасаться, что деревянная конструкция не выдержит веса поставленных на нее тарелок, стаканов, графинов и прочей утвари и вот-вот рухнет на пол, оставив и гостей, и хозяев голодными. Несколько видов жареного, запеченного и тушеного мяса, политого соусами, разнообразные салаты, рыба под различными приправами, лег-

кая закуска, сладости, вина, морсы...

«Да уж... Если мы все же это когда-нибудь съедим, то потом здесь и заночуем, будем толстые, ленивые и малоподвижные, как обожравшиеся рыбки в аквариуме... Ну или на крайний случай корни пустим, цветами покроемся...» – задумчиво пробормотала Ира, сидевшая между супругом и свекровью.

Я хихикнула и предупредила подругу:

«Много не ешь. По традиции, сразу после ужина хозяин с хозяйкой открывают вечер, танцуют джойт».

Недоверчиво:

«Ты шутишь, я надеюсь? Нет? Психи. После такого приема пищи нужно валяться кверху пузом как минимум несколько часов, а не на паркете отплясывать...»

Через некоторое время, наконец наевшись и напившись, но так и не съев все представленные на столе блюда, и гости, и хозяева нехотя поднялись и перешли в ярко освещенный зал для танцев. Заиграл невидимый оркестр, скрытый магической пеленой от взглядов отдыхающих, легкая и мелодичная музыка радовала сердца и души.

Вопреки ворчанию подруги, джойтом они с моим мужем все же открыли вечер. И как и в прошлый раз, танцевали оба просто великолепно: легко, плавно, прекрасно чувствуя друг друга, словно две половинки одного целого.

«Ирма! Побью!»

Ну вот что ей не нравится? Ведь это так и есть.

«От судьбы не уйдешь...»

Раздраженно:

«Умная, да? Какая судьба? Он твой муж, вообще-то!»

Бывает, и природа ошибается, сводя вместе двух совершенно чужих людей. Но Ира меня уже не слышала.

Вечер между тем шел своим чередом. Кто-то танцевал, кто-то беседовал с нужными людьми и таким образом старался решить личные и деловые проблемы. Ира, не желая ни с кем общаться, сразу после джойта надела маску неприступной холодной красавицы и решительно отошла в самый дальний угол комнаты; на нее поглядывали с удивлением, но подходить и заговаривать не решались.

«И чем ты снова недовольна?»

Фыркает:

«Исключая твое поведение?»

Не понимаю я её...

«Но вас же действительно тянет друг к другу!»

Теперь уже не шипит – рычит:

«Ирма, я не живу в этом дурацком мире, и слава всем известным мне богам! Для меня непонятны и дики ваши обычаи и привычки. Я никогда не смогу мириться с тем, с чем так свободно миришься ты. Вот неужели так трудно все это осознать и принять?»

Что ответить, я не знала, поэтому решила сменить тему:

«Между прочим, по традиции сейчас должны играть лайту».

Хмыканье, а потом интерес в голосе:

«И что это такое?»

«Помнишь тот неприличный танец, что ты смотрела у себя на компьютере три или четыре дня назад? Вот лайта очень отдаленно похожа на него».

Удивленное:

«Танец? На компе? Танго, что ли? О! Ирма, а это просто великолепная идея!»

Ирина:

Сутки выдались просто отвратительными: драчливый призрак, не поддающийся ни успокоению, ни упокоению, мелкие, но навязшие в зубах постоянные неполадки на работе, Мишка со своим неудачным напоминанием о встрече. В общем, вечером меня раздражало практически всё. И спать легла я в таком же раздраженном состоянии.

У Ирмы был великосветский прием. Как там свекровь ее обозвала это событие? Торжественный вечер в честь восьмилетия бракосочетания сына? Не помню точно, но, в общем, это было оно. Решительно заменив скромную подругу, я по полной оторвалась на особо наглых гостях, медовым голосом посоветовав какой-то там именитой маркизе не меня пристально в лорнет рассматривать, а за дочерьми своими блудными следить получше, а то еще, не дай Небо, опозорят честь своего рода и нагуляют деток непонятно от кого. Та вспыхнула, злобно прищурилась, но ответить прилюдно в

таком же тоне жене советника Императора не посмела, вместо этого поднялась под смешки присутствовавших при нашем общении женщин с диванчика и, покачивая широкими, словно арка генштаба, бедрами, поплыла массивным ледоходом искать своих непутевых чад. У другой, не очень красивой графини с повадками профессиональной ночной бабочки, спросила, не задувает ли ей ветер в ее до неприличия глубокое декольте. Мадам притворилась, что не поняла сути заданного вопроса, и на всякий случай отсела от меня подальше, лишила, так сказать, меня своего изысканного общества. Подумаешь, горе-то какое.

Подошедший совсем неслышно и чуть не доведший меня до инфаркта своими тихими шагами Варт на правах хлебо-сольного хозяина радушно позвал гостей к столу. Удостоверившись, что перед ним точно не его законная супруга, этот заразный маг довольно скалился за обедом, потом, не дав поест нормально, сразу же потащил танцевать джойт. Партнер из него был почти идеальный. Если бы не сальные взгляды, которыми он то и дело окидывал меня, и не постоянные настойчивые намеки Ирмы о нашем с ним возможном общем будущем, я бы даже получила удовольствие от танца. Хотя вру, конечно: удовольствие я получила в любом случае, но затем надулась на эту точно сговорившуюся парочку и забила в самый дальний и темный угол зала, не желая больше никого ни видеть, ни слышать до окончания празднества. Подруга начала доставать выяснением отношений, и я уже

была на взводе, готовая перестрелять всех и вся, когда мне вдруг сказали о лайте.

«Ирма, кто обычно на нее приглашает? Я могу сама подойти к твоему мужу?»

Мое альтер-эго закашлялось:

«На тебя смотрят, как на его жену, сегодня ваш вечер, ваше торжество. Ты можешь приглашать его абсолютно на любой танец. Но, Ира... Это же лайта...»

«И?» – не поняла я.

«Ну... – Замялась подруга. – Он считается чересчур неприличным, его никогда не танцуют в высшем обществе...»

«Но при этом играют на вечерах. И где логика?»

Ирма промолчала, и я отправилась искать чернокнижника. Тот вскоре обнаружился у одного из окон. Попивая неспешно розовое вино из высокого хрустального бокала, он общался на непонятные мне темы с какими-то грозными бородатыми дядями, как я про себя окрестила двух мужчин в военной форме. Когда я подошла, все трое как по команде замолчали, и эти самые дяди с неподдельным интересом уставились на меня. Я им что, редкая говорящая зверушка, подтип жена домашняя?

– Милая, ты что-то хотела? – и смотрит чуть снисходительно. Прибью гада.

Стеснительная улыбка. Губки бантиком. Ресничками

хлоп-хлоп:

– Родной, мне так скучно... Потанцуй со мной, пожалуйста-ста?

Довольно ухмыляется:

– Конечно, радость моя. Джентльмены, прошу меня простить.

Под понятливые смешки собеседников маг взял меня за руку, вывел на середину зала, и тут дали лайту. Надо было видеть его глаза... Там столько всего было намешано. Похоже, он наконец понял, куда по глупости своей вляпался. А вот не надо меня доводить было.

«Он меня убьет...»

Это что за паника в голосе?

«Да ладно, Ирма, не трись. Прорвемся».

По крайней мере, я искренне на это надеюсь...

Танго не вальс, его так часто в обществе не потанцуешь, но на уроках танцев, надо признать, нас учили качественно, все движения буквально вьелись в кровь. Растяжка у Ирмы, конечно, не очень, но даже так двигаться можно вполне прилично...

Как мы танцевали. Думаю, эту картину никто из присутствовавших в зале забыть не сможет очень долго, если вообще забудут: я искушающее терлась о него, как гуляющая кошка весной, соблазнительно выгибалась, демонстрируя все возможные прелести этого уже довольно сильно похудевшего тела, тихонько урчала и мурлыкала от удоволь-

ствия, он тяжело и прерывисто дышал, будто бык после корриды, но все же упорно вел в танце, а его темно-вишневые глаза метали молнии и откровенно обещали мне всевозможные кары небесные, как только закончится вечер. В общем, весело было всем...

Ирма:

Сразу после танца Ира исчезла. Надо сказать, очень вовремя... Муж каким-то непостижимым для меня способом понял это, даже не смотря мне в глаза, чуть слышно выругался сквозь плотно сжатые зубы и под любопытными взглядами остальных аристократов подвел и посадил меня на ближайший диванчик, после этого вымученно улыбнулся, развернулся и, не сказав ни слова, ушел.

– Ирма, детка! – ко мне мгновенно подседа улыбавшаяся во все тридцать два зуба довольная свекровь, занимая остальное свободное место и не позволяя своим появлением любопытствующим аристократам приблизиться для возможного общения со мной. – Вы великолепно танцевали!

– Благодарю, матушка... – Щеки просто пылают. Да, двигалась в танце не я, но стыдно мне...

Остаток вечера прошел как в густом тумане. Герцогиня постоянно охраняла меня от назойливых собеседников, о чем-то весело рассказывала, я же мечтала поскорей оказаться у себя в покоях.

– Антон, ну откуда я знаю, когда она может... Ох, Антон,

тебе, похоже, снова повезло: только недолго, голубки. У меня скоро начнется важная встреча.

– Тоша! – передо мной стоял единственный во всех мирах мужчина, которого я всегда искренне была рада видеть и которого по-настоящему любила. Он мягко улыбнулся, и я почувствовала, что таю, глядя в любимые серые глаза:

– Я очень скучал, Ирма. Отец отправил меня в командировку, и только сегодня я смог вырваться сюда. Как ты?

– Я тоже очень скучала... – боги, я и здесь краснею, опять ярко пылают щеки...

– Ты в порядке? У тебя грустные глаза.

Я вздохнула:

– Обычные семейные проблемы... Ничего страшного...

Удивление в голосе моего альтер-эго:

«Варт-таки отреагировал? Что-то случилось? Он тебя наказал за мою выходку?»

«Нет, просто...»

Мой любимый тем временем озабоченно нахмурился:

– Я бы очень хотел помочь тебе.

И я бы этого очень хотела, Тоша... Жаль только, что подобное невозможно...

– Ирина Николаевна, – в дверь постучали, и в кабинет заглянула полненькая секретарша моей подруги, – все уже собрались в конференц-зале, ждут вас.

Глава 10

Мешок желания не имеет дна. Японская пословица

Ирина:

Уйдя с работы на пару часов раньше, я заранее тщательно подготовилась ко встрече. Что там Ирма в свое время говорила? Что если уважаешь мужчину, должна обязательно прийти в платье? Все верно? Я ничего не напутала? Платья я не любила и в своей взрослой жизни ни разу их не носила, предпочитая джинсы, брюки, костюмы, иногда – комбинезоны, но чутью подруги на этот раз доверилась и заблаговременно приобрела такой необычный для меня вид одежды, повесив его в гардеробе на самое видное место. И вот сегодня я с внутренним содроганием натянула на себя свою одежду. Так, теперь краска. Отлично. Макияж получился практически как у индейцев на тропе войны: черные ресницы, четко подведенные брови, зеленые тени, растушеванные практически профессионально, нарисованный румянец на щеках, алые, чуть припухшие, как будто после долгих поцелуев, губы. В общем, кукла Анюта, мейд ин СССР.

Подойдя к зеркалу, полюбовалась на свое отражение: неплохо, совсем неплохо. Атласное платье действительно выбрано удачно: с узким, полностью облегающим верхом, выгодно подчеркивающим мою грудь, небольшим, но манящим декольте и прямой, тоже облегающей юбкой. Не очень

длинное, всего лишь по колено, ярко-красное, сразу привлекающее к себе всеобщее внимание. На ноги – туфли, конечно же, тоже ярко-красные, на высоком каблуке. Так ненавидимые мной Москино. Да, не самое лучшее, что есть у меня, но они идеально подходят к созданному мной образу. Чувствую, завтра ноги будут отваливаться, но это того стоит – сегодня я буду королевой.

И закончим мы драгоценностями: небольшой изящный кулончик в виде змейки – на грудь, в уши – золотые сережки с рубинами, на запястье левой руки – браслет из белого золота. Рубиново-белая змея. Бойтесь меня. Да, чувство юмора у меня довольно странное, я в курсе.

Ну и финальная нота – духи. Я обожала Ив Сен-Лоран за его пряные и часто мягкие ароматы. Вот и сейчас остановила свой выбор на флакончике этого бренда. «Черный Опиум». То, что надо для этого обещающего быть безумным долгого вечера. «Вот иду я красивая по улице, а мужики вокруг так и падают, так и падают... И сами в штабеля укладываются!»

С Мишкой мы договорились встретиться уже у самой школы. Причем это предложил сам мужчина. Почему именно так, я не уточняла, хотя подозревала, что у него проблемы с личным транспортом (или же полное отсутствие этого транспорта) и нет денег на такси, и ему стыдно честно признаться в таких вещах своей успешной даме сердца. Мне, в принципе, было все равно. Дольше, чем нужно для упокоения одного настырного призрака, я общаться со своим ны-

нешним ухажером не собиралась ни при каких условиях.

Приехав точно в срок, я поставила машину на стоянку перед школой, нехотя вылезла из-за руля и внимательно оглядела старое трехэтажное кирпичное здание. Внешне, конечно, все изменилось: вместо старых рассохшихся деревянных окон появились новые пластиковые, поставили наконец-то железную дверь с кодовым замком, само здание, похоже, несколько раз ремонтировали. Наверное, и внутри тоже будут изменения. Скорей всего. Столько лет прошло. Все течет, все меняется. Вот только заходить внутрь мне не очень-то и хотелось...

Когда твоя мать работает учительницей в той же школе, в которой учишься ты, и одноклассники, и остальные ученики, да и все школьные учителя начинают выделять тебя, смотреть на тебя косо, с подозрением. Мол, и оценки свои ты точно по блату получаешь, и знаний у тебя в голове не особо много, а переходишь ты из класса в класс исключительно благодаря протекции маменьки, да и вообще, что может вырасти путного из этого угловатого подростка, постоянно зубрящего алгебру и русский, но при этом участвующего во всевозможных пацанячьих разборках и диверсиях. На ковре у директора я бывала часто, чаще, чем остальные ученики в школе. И возможно, если бы не мать, не ее репутация первоклассного преподавателя, столь необходимого этому учебно-му заведению, меня действительно выгнали бы в конце концов из школы, вручив справку о прослушанных часах, или

даже поставили бы на учет в детской комнате милиции.

Тем не менее я доучилась, получила в нужное время вместе со всеми свой аттестат и на выпускном вечере в задрипанном кафе на окраинах города, где большинство моих одноклассников впервые попробовало алкоголь, дала себе обещание забыть о годах, проведенных здесь, как о жутком кошмаре, непонятно почему вдруг приснившемся под утро.

– Ира?

О как. Оказывается, пока я все это время витала в мечтах и предавалась детско-юношеским воспоминаниям, за мной наблюдали. Поворачиваюсь, готовая увидеть кого угодно, даже первую красавицу школы, не дававшую мне тогда прохода. Нет, пока обошлось. Пока только Мишка. Небо, где он раскопал этот темно-серый костюм в полоску? От него же нафталином за километр несёт. Не удивлюсь, если в него облачался еще дед моего спутника в своей глубокой юности. Что, совсем туго с финансами? Зачем тогда на встречу пришел и меня с собой пригласил? Повыпендриваться, что ли, захотелось? Смотрите, мол, с какой красоткой я теперь?

Заставила себя улыбнуться:

– Здравствуй, Миша. Я не опоздала?

Гулко сглатывает:

– Н-нет... Все в порядке...

Он опять начал заикаться? Э... А я точно хочу идти на этот вечер? Да еще и с таким типом?

– Мишка, ты? – низенькая, толстая, практически квад-

ратная женщина в длинном широком балахоне до пят, который платьем можно было назвать лишь с огромной натяжкой, и с выдавшей виды сильно потрепанной хозяйственной сумкой в руках, вынырнув из уже начавших сгущаться летних сумерек, раскачиваясь при ходьбе, будто беременная гусыня, быстрым шагом приближалась к нам с противоположной стороны улицы. Какое измученное выражение на круглом простоватом лице. Кто, где и чем ее пытал? Это что, тоже наша бывшая одноклассница? Что-то не припомню я такой...

– Рита? – мой кавалер между тем удивленно посмотрел на женщину, будто не ожидал встретить ее сегодня здесь, а до меня вдруг дошло, кого я вижу перед собой. Маргарита Аничкова, маленькая полненькая красавица-хохотушка, девчонка, в которую были влюблены многие мальчишки на нашей параллели. А сохла она всегда, если мне не изменяет память, лишь по толстяку Мишке. Вот только тот ни в какую не желал ее замечать, упрямо сосредоточившись на мне. Да, как кардинально жизнь меняет некоторых людей... Встретила бы на улице – даже не узнала бы.

– С кем это ты? – любопытный, немного враждебный взгляд в мою сторону. Она что, ревнует? Боже... До сих пор в него влюблена? Столько лет прошло, но, видно, чувства все еще остались. И сильные. Как все запущено-то...

– Здравствуй, Рита, – дружелюбно улыбнулась я.

Не узнала, стоит всматривается в мое лицо, хмурится и

пытается понять, кто перед ней стоит. Мишка уже открыл рот, чтобы ей подсказать, когда до нее наконец дошло:

– Ира? Ира Большакова???

Угу, я. Собственной персоной.

Небо, какая фальшивая натянутая улыбка, почти оскал, и какой злобный взгляд...

– Ты прекрасно выглядишь.

Спасибо. О тебе не могу сказать того же, поэтому просто стою и улыбаюсь.

Мишка наконец оживает, неуклюже предлагает мне руку, я, преодолевая отвращение, цепляюсь за него, и мы с ним идем к гостеприимно раскрытым в этот вечер школьным дверям. Спину мне сверлит наполненный ревностью и завистью желчный женский взгляд. Так, все, я разозлилась. Мало мне Варта с его выкрутасами и тупых сотрудников, не умеющих выполнить простейшее задание, но при этом упорно метящих в мое кресло. Тихо посидеть в уголке я, конечно, не рассчитывала, но как-то не подумала, что еще и тут надо доказывать свое право на существование. Достали вы меня. Все достали. Спасибо, Ирма, за преподанные уроки женственности, как раз сейчас я их все в ход и пушу.

Оставшиеся метры до своего класса я иду походкой от бедра, напоминая самой себе модель на подиуме, а когда захожу в комнату, в которой проучилась одиннадцать лет, гул, стоявший там до моего появления, резко смолкает, и на меня с немим изумлением смотрят все. Я же скалюсь, как го-

лодная акула:

– Добрый вечер, «А» класс.

Они пока не понимают, кто перед ними, удивленно всматриваются в непонятную женщину, стоящую с вполне искренней довольной улыбкой на красивом ухоженном лице прямо на пороге комнаты, я же пользуюсь возможностью и с любопытством осматриваю народ: домохозяйки, мелкие клерки, бизнесмены средней руки. И только я одна поднялась немного повыше. Да уж, засада, как говорится. Теперь уж готовься, Ирочка, вечер будет жарким и не сулит тебе ничего хорошего. Твоего успеха бывшие одноклассники тебе не простят.

– Ирка! Большакова!

Ванька Торопов, когда-то – мелкий вертлявый пацан, наш первый заводила в любой придуманной гадости, теперь – солидный дядечка с уже намечающимся пивным брюшком. Быстро выходит из-за первой парты, за которой сидел до этого времени, подходит ко мне, не стесняясь, оглядывает с ног до головы, будто лошадь перед покупкой осматривает, восхищенно цокает языком:

– Ну ты даешь, мать. Была в детстве гадким утенком, и смотреть-то противно, а стала такой красавицей, прямо глаз не отвести. – Бесцеремонно, на правах давнего хорошего приятеля, практически друга детства, которому позволено многое, берет за руку, намеренно оттесняя меня от недовольного таким маневром Мишку, тащит к облюбованной им парте, усаживает рядом с собой. – Давай рассказывай, как ты

дошла до жизни такой. Настоящая Барби стала!

Наш стол окружают другие люди, пока еще не совсем узнанные мной мужчины и женщины, и начинается долгий допрос с пристрастием. Я широко улыбаюсь, не обращая внимания на уже начинающие болеть мышцы лица, активно строю глазки всем подряд кавалерам, не замечаю раздраженных и недовольных взглядов дам, хихикаю, манерно охаю-ахаю, вру напропалую. В общем, я – звезда вечера.

Домой я приехала поздно. Добралась с большим трудом: очень болела голова. Не будучи суеверной, я твердо знала с детства: если у тебя без видимой причины болит голова, значит, тебя обсуждают, говорят о тебе гадости или, как любит выражаться нынешнее поколение, «посылают тебе лучи ненависти». Сейчас же голова просто раскалывалась. Кое-как нашарив в аптечке болеутоляющее, я наконец дождалась, когда приступ боли сойдет на нет, и блаженно улыбнулась: жизнь налаживается.

С Мишкой, конечно, нехорошо получилось: по идее, мы пришли вместе, а значит, и уйти должны были так же, но нас очень быстро разделили, а потом у меня просто не было сил идти разыскивать его по всей школе. Боже, не думала, что эта встреча вымотает меня настолько сильно и физически, и эмоционально: чувствую себя, как пропущенный через мясорубку лимон...

Ирма:

К завтраку муж, как я и ожидала, не вышел. Мне подобное поведение супруга было не в новинку, а вот герцогиня сильно возмутилась и послала за сыном. Появившийся через несколько минут в обеденном зале мажордом с почтительным поклоном сообщил, что хозяин этой ночью дома не ночевал. «Матушка» грозно прищурилась и, взмахом руки отпустив слугу, требовательно повернулась ко мне:

– Собирайся, Ирма. Вартариус, я смотрю, совсем от рук отбился, ведет себя отвратительно. А ведь какой послушный мальчик в детстве был. Ну ничего, все поправимо. Будем перевоспитывать. И начнем уже сегодня. Надень тот дорожный костюм, что мы тебе так удачно недавно сшили, возьми по минимуму вещей и спускайся вниз. Поедешь в гости. Ко мне. Заодно и обстановку наконец сменишь. Не дело это – здоровой молодой женщине постоянно в четырех стенах сидеть. И не бойся, ничего тебе мой ненаглядный сынок не сделает. Давно уже пора было его на место поставить, слишком он обнаглел. Жду тебя в холле.

Спорить с уверенно говорившей свекровью я, как обычно, не решилась. Поднявшись к себе в комнату, я отослала горничных, самостоятельно переоделась в темно-коричневый женский костюм, сшитый для прогулок верхом, потом, найдя в старых вещах большую вместительную сумку, с которой восемь лет назад переехала в этот дом, сложила туда несколько смен белья, пару платьев, косметичку со средствами для ухода, духами и косметикой и две приключенческие

книги, чтобы не скучать в дороге. Через полчаса я без помощи слуг спустилась в холл. Герцогиня уже была там. Оглядев меня, она благосклонно кивнула и вышла во двор. Слуга подал к ступенькам экипаж. Мы сели, и карета плавно покатилась по дороге.

– Ирма, ты когда-нибудь путешествовала? – поинтересовалась герцогиня, наливая ягодный морс в два хрустальных бокала и один из них подавая мне.

– Нет, матушка, – я с благодарностью приняла напиток и с удовольствием его пригубила. – Ни родители, ни ваш сын не вывозили меня никуда, дальше столицы.

Моя собеседница участливо покачала головой:

– Да уж, это никуда не годится. Ну ничего, всегда надо начинать с малого. Поживешь сначала недолго у меня, вдали от своего благоверного супруга. Ну что ты смотришь с удивлением? Думаешь, все женщины в нашем кругу одобряют увлечение своих мужей дамами полусвета? Нет, есть, конечно, и наивные дурочки, которым лишь бы их поменьше трогали, а так пусть где угодно муженек гуляет, хоть неделями домой не заявляется. Но в основном-то нам, умным хорошо воспитанным женщинам, эти постоянные измены поперек горла. Да еще и выроdkов их многочисленных воспитывать вместе со своими детьми нужно, смотреть на них каждый день и заставлять себя скрывать истинные чувства! Если бы была хоть какая-то возможность что-то с этими кобелями поделаться, давно бы моногамия у нас была. Но ведь клятва,

чтоб ее, ничего поменять не позволяет. А Вартариус женщин любил всегда. Еще до женитьбы на тебе частенько твердил, что лучшее, что могла придумать магия в этом мире, – это родовая клятва. Вот и наслаждается жизнью сейчас. Как же, самый сильный маг империи. Самомнения выше крыши. А на деле – просто избалованный глупый мальчишка, не ценящий такое сокровище, как ты. Не красней. Я комплиментами не разбрасываюсь. Раз сказала, значит, так оно и есть.

За беседой, хотя практически постоянный монолог «матушки» беседой назвать было трудно, дорога летела незаметно. Мы очень скоро выехали из города, проехали его пригород и поехали по проселочной дороге. Вот-вот должна была наступить зима, на улице уже чувствовались и холод, и сырость, наблюдать в окно за засыпавшей природой было скучно, и герцогиня, сменив тему, начала расспрашивать меня о моем привычном распорядке дня и жизни с ее сыном. Я послушно рассказывала все, что ей хотелось знать, опуская интимные подробности. Женщина недовольно хмурилась:

– Он все больше начинает походить на отца. Я всех богов возблагодарила, когда мой муж, Доринеран, наконец-то к Шурху ушел, надеюсь, там он и остался, и уж никак и подумать не могла, что старший сын, любимец мой, станет такой же жестокой бездумной сволочью.

«Тю. Не видела твоя «матушка» настоящих сволочей. Поверь мне, Ирма, по сравнению с теми, кого я знаю в своем мире, Варт ангелом покажется».

Ира.

«Добрый день».

Лениво:

«Привет. Куда это вы намылились?»

«В родовое поместье. Свекровь считает, что мне сейчас необходимо сменить обстановку и немного пожить у нее. Муж сегодня к завтраку не вышел, вот она и рассердилась».

Смешок:

«Мировая женщина. Взяла невестку под мышку, посадила в карету и решительно увезла подальше, чуть что не по её. Представляю, как твой чернокнижник взбесится, когда обо всем узнает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.